

Оксана Головина

Добро пожаловать в Ард! Тьма и пламя

Глава 1

Кристиан уже не помнил, сколько проклятий мысленно произнес, пока король наконец изволил убраться из академии. Казалось, что не осталось ни одного уголка Арда, куда не вздумал из любопытства заглянуть их надоедливый монарх. Кристиан был зол и неистово желал придушить венценосного гостя, сопровождая его мрачным демоном. Титанических усилий стоило изображать покорность и радушие.

Что ж, слова короля слышали многие, и не только руководство Арда. К сожалению, проклятые маги воздуха и инрэйги обладали отменным слухом. А Ламон постарался, голося на весь Белый зал, как раненый ханка. Сплетен не остановить. Скоро каждый будет знать, что Ванда – приемная дочь Синхелма. Ему было плевать на данный факт. Но не мелким напыщенным снобам, то бишь воспитанникам академии.

Ванде придется нелегко. Он мог бы хоть завтра потащить ее в храм и принудить дать брачную клятву, чтобы заткнуть всем рты. Но понимал, что этим только подтвердит, что окружающие правы. Не бежать, не стыдиться, не отчаиваться, ходить с высоко поднятой головой. Она упряма, и как бы ни болело сейчас сердце, девушка справится. Ему же остается только поддержать ее, как и обещал.

Трин... Так это настоящее имя? Кем же были ее родители, где ее семья? Действительно погибли во время войны? Хотелось добраться до Синхелма и долго пытаться, чтобы немедленно рассказал всю правду!

– Что не так с этими студентами? – сердито спросил Кристиан, шагая по коридору в компании не желающей отставать Вильят.

Он прекрасно слышал, как шептались с удивлением и неким пугающим почтением смотревшие на него воспитанники Арда. Король покинул академию, давая всем возможность вздохнуть с некоторым облегчением. Рэйвану удалось разогнать остальное руководство, но Селма словно прилипла, сопровождая его в кабинет. Демонстративно отослать проректора он не мог, нелепо было бы и использование медальона, чтобы самому исчезнуть. Проклятье... Он желал быть в другом месте, но должен играть роль ректора.

– Все говорят о твоём мужестве, – взволнованно вздыхая, отозвалась Вильят. – Или это было безумие? Временное помутнение рассудка?

– Я же предупреждал, дорогая Селма, что не стану врать королю. И всего лишь сказал правду. В любом случае поступил бы так же, – сдержанно пояснил Кристиан, поднимаясь по лестнице на третий этаж, к своему кабинету. – Только эта единственная причина заставила меня рискнуть головой. Я уверен в своих словах, иначе выбрал бы иное.

– Ванда Синхелм приносит столько проблем! – Сама того не подозревая, Селма вновь вызвала у Рэйвана приступ ярости.

Глаза некроманта стали почти черными, он задержал дыхание, благо стоял спиной к говорливой женщине, перед дверью. Кристиан чувствовал, как черный рисунок проступал на его теле, поднимаясь по шее. Шумно вдыхая, а затем выдыхая уже спокойнее, Кристиан молча толкнул дверь и вошел в кабинет, позволяя проректору последовать за ним.

– Я не знала, что ты посещал Беренгард перед возвращением в академию, – проговорила она.

Селма остановилась у стола, наблюдая за тем, как Кристиан прошел к окну, открыл его настежь и впустил вечернюю прохладу.

– Ты знал о том, что эта девушка...

– Да, – коротко бросил он, не желая обсуждать подробности того, как именно открылась ему правда.

– И не сказал мне?

– А в чем необходимость такого откровения, Вильят?

Кристиан не обернулся, опираясь обеими ладонями на подоконник и подставляя разгоряченное лицо ветру.

– Сегодняшний день не стал для тебя ответом на этот вопрос, Кристиан? – нахмурилась проректор. – Стоило предупредить меня. И возможно, Фергас был очень даже прав, предлагая исключить встречу этой студентки с королем.

– Достаточно! – наконец обернулся Рэйван.

– Ты рискуешь своей жизнью ради этой сироты! – запальчиво воскликнула Селма, шагнув к нему. – Ты подумал, чем это может обернуться для академии? Это проблемы рода Синхелмов! Это не должно касаться тебя. Ты слишком добр! Как и твой отец.

– Я знаю, что делаю, Селма, – холодно ответил Рэйван. – И я поступил, как должен был поступить.

– Ах, моя голова! – застонала Вильят. – Ты сведешь меня с ума!

– Фемир Синхелм просил меня позаботиться о его дочери, видимо, предполагая подобную ситуацию. Ты же знаешь короля. Он простит своему любимцу что угодно.

– Но ты не его любимец, Кристиан. Тебе он не простит. Поэтому никогда больше...

– Тебе нужно хорошенько отдохнуть, Селма. Этот день принес волнения, но он почти окончен. Завтра все будет привычно нудно и скучно – все, как ты любишь. Ступай. Отоспись как следует.

Вильят нехотя подчинилась, и едва дверь закрылась за ее спиной, как Кристиан активировал медальон. Перенесся сам, прекрасно зная, что в обратном случае была вполне реальная угроза подпалить замок. Нет, он должен прийти сам. Оказался на одной из площадок, даже здесь ощущая жар разогретого воздуха. Рэйван прошелся по горячим камням, направляясь в сторону нужной ему части территории, отведенной боевому факультету.

Установленный щит бледно тлел, очерчивая своим сиянием черневший кусок площадки. Ванда сидела на камнях, отрешенно оттирая от гари наручи рукавом рубашки, превратившейся в серую тряпку. На волосах осел пепел, делая ее почти седой. Спутанные пряди, выбившиеся из косы, липли к покрытому испариной и черной гарью лицу. Она посмотрела исподлобья, нервно принимаясь тщательнее тереть наручи краем рукава, натянутого до пальцев.

Кристиан прошел сквозь щит и неспешно приблизился к ней, останавливаясь рядом. На мгновение Ванда замерла, затем снова стала мучить снаряжение. Он чувствовал ее опустошение. Она истратила силу настолько, что вряд ли была способна зажечь и свечу.

– Кажется, они тебе дороги. Вода справится с этим делом лучше. У озера ты сможешь...

– Ты не удивлен, – едва слышно проговорила Ванда. – И не зол...

– Ванда! – Кристиан подступил на шаг ближе.

– Просто ответь, ты знал об этом, когда заключал сделку с отцом?

– Нет. – Он протянул руку, предлагая опереться и подняться с выжженной площадки.

Ванда некоторое время смотрела на его ладонь, рассеянно отмечая тот факт, что она практически зажила, стерлись полученные ранее ожоги. Кто бы стер их с ее души... Подбирая наручи, Ванда свободной рукой приняла поддержку Кристиана и была рывком поднята на ноги. Он не произнес ни слова, пока вел ее к одному из искусственных небольших озер, находившихся за площадками. Молчала и Ванда, благодарная за то, что Кристиан просто пришел. Больше ничего не нужно. Ни слов, ни действий.

Она справится, она будет в порядке. Она сможет. Необходимо лишь время, чтобы все осознать и принять. Огонь высушил слезы, их просто не осталось. Это прекрасно. Она не собиралась реветь и дальше, теща обитателей Арда. И пусть она снова в центре внимания, униженная откровениями короля, но будет идти с прямой спиной. Но кое-что тревожило не меньше. От этого чувства ощутимо колото где-то в груди. Оно смешивалось с эгоистичным желанием ощутить необходимую защиту, будто была жалким ребенком, а не студенткой боевого факультета. И это нужно немедленно прекратить.

– Откуда эти наручи? – спросил Рэйван, садясь на песчаный берег у самой кромки воды, рядом с Вандой. – Они кажутся совсем старыми. Чьи они?

– Ты не должен так поступать, – глухо отозвалась она, принимаясь расстегивать манжеты испорченной рубашки и подворачивать рукава.

– Ты не хочешь рассказывать об этом снаряжении? Хорошо. – Кристиан упрямо изобразил, что не понял ее слов.

– Ты никогда не должен клясться своей жизнью ради кого-то вроде меня. – Ванда набрала полные пригоршни воды, окуная в нее разгоряченное перепачканное лицо.

– Ну... – не поддался некромант, опускаясь в невысокую траву, росшую на берегу, и закладывая руки за голову для удобства. – Я же ректор этого заведения. Каким я буду руководителем, если не стану вступаться за своих студентов? Это моя работа, Спичка.

Ее плечи напряглись. Он прекрасно видел, как Ванда замерла, держа в пригоршнях воду.

– Неужели ты решила, будто я...

– Нет! – сухо ответила, не оборачиваясь и принимаясь неловко оттирать лицо все тем же вымоченным рукавом.

Ванда не видела, как губы Кристиана тронула улыбка. Давай, сердись, лишь бы встряхнулась немного и отвлеклась. Подпалить его не могла, разве что стукнуть тем старьем, что пыталась привести в порядок. Где взяла эти наручи? Он чувствовал исходящую от них легкую защитную магию хранителей. Артефакт? Не с помощью его ли девушка укрепляла свой дух, контролируя приливы силы? Он покачал головой.

– Будь на твоём месте любой, – продолжал дразнить её Рэйван, – хоть тот subtilный цветочек. Я поступил бы так же.

– Subtilный цветочек? – Ванда перестала умываться и даже повернулась к нему.

Вода капала с её подбородка на грязную рубашку. Лицо очистилось от гари и покраснелось оттого, что тщательно терла кожу грубой тканью. Волнение в глазах сменялось удивлением.

– Ну как же? – хмыкнул Кристиан, про себя радуясь небольшому результату. – Тот самый инрэйг. Первая любовь, полагаю. С которой ты должна перестать бороться.

– Что? – задохнулась Ванда, поочередно обтирая рукавами лицо. – Все его слова, как, впрочем, и твои, – совершенная нелепица. Я не любила никого. Никогда. И не собираюсь.

– Надеюсь, это не клятва? – Кристиан удобнее устроился на траве, глядя в вечернее розовевшее небо.

Что он творит? Ванда прерывисто вздохнула, без сил опускаясь на берег рядом с ним. Пытается нести чушь, чтобы отвлечь её? Рубашка вымокла и отлично холодила грудь. Так хотелось сейчас, чтобы холод проник под кожу, до самой души, остужая и её.

– Если ты пожелаешь разорвать наш договор, я пойму тебя, – глухо произнесла она, не смея глядеть на Кристиана и ожидая его ответа.

– Ты ведь прекрасно понимаешь, что я не разорву его, даже если станешь умолять меня, верно? – спокойно отозвался некромант. – Как понимаешь и то, что между нами нечто гораздо большее, чем простой договор. Я не назову это любовью – слишком рано. Но и не влюбленностью – слишком легкомысленно, как флирт на королевском занудном балу. Это скорее некое соприкосновение душ, Спичка. Нечто на ином уровне. Чувство новое для меня и тем интересное. Мне плевать, родная ты дочь Синхелма или нет. Передо мной ты можешь быть кем угодно, Ванда. Играй любую роль. Я все равно вижу тебя, как есть.

Глава 2

То, что сказал Кристиан... Он действительно чувствовал это? Его сердце тоже отзывалось, когда был рядом? Она была особенной для него? Ванда не смогла произнести ни слова в ответ. Наверняка сейчас нужно хоть что-то ответить. Это ведь было некое признание? Но без сил молчала, только чувствовала, как волшебное тепло разливалось в груди, даря желанное успокоение и заставляя глаза едва вызолотиться. Она была так благодарна! Но все, что могла, – смотреть в небо широко открытыми глазами, ловя обрывки смущавших мыслей.

– Королевский раахай вылетит к северной границе королевства на рассвете, неся послание Синхелму. Это самая быстрая и выносливая из почтовых птиц. Письмо Ламона он получит в кратчайшие сроки и должен будет дать ответ, – переводя тему разговора, пояснил Кристиан. – Затем король примет решение и отправит в Ард свой указ. Наверняка будет написана целая речь, на которую истратится не один пузырек золотых чернил.

– А если королю не понравится ответ отца? – Ей не удалось скрыть волнение в тихом голосе.

– Я уверен, что за долгие годы службы твой отец выучил то, что нужно говорить его величеству в подобных случаях, чтобы он остался доволен. Даже если это не будет полной правдой. Я лишь надеюсь, что Синхелм объяснится и откроется тебе. Я знаю, как он любим тобой. Все эти годы он был твоим миром. Был твоей семьей. И остается ею, даже после сегодняшнего откровения. Он далеко не идеальный отец, да таких и не существует. Все мы не идеальны. И я понимаю, что сейчас ты чувствуешь себя преданной. Но у него должны были появиться причины так поступить: принять тебя и воспитать как дочь.

– Я знаю, – сухим шепотом произнесла Ванда. – Я дождусь его ответа. Я хочу его понять.

Но чувство тревоги вновь нахлынуло на нее. Нет, не имело бы значения, родные они или нет, будь между ними любовь и доверие. Но сейчас пелена восхищения постепенно опадала, словно проясняя взгляд. И теперь каждый поступок отца выглядел совсем иначе. Все казалось не тем, что есть на самом деле, будто кто навел морок. Она была обессилена и мысли вновь путались, не давая покоя.

– Я должен признаться еще кое в чем, – выдерживая спокойный тон, отозвался Кристиан.

– В чем же? – Она повернула голову, разглядывая его лицо.

Белые пряди волос Рэйвана казались сейчас золотистыми, с каким-то необыкновенным оттенком, благодаря сядившемуся солнцу.

– Это не разговор на берегу. И позже мы обязательно обсудим все в моем кабинете, чтобы понять, как действовать дальше в сложившихся обстоятельствах. Но думаю, что сейчас тебе полезно будет знать кое-что.

– Что же? – Ванда слегка приподнялась на локтях.

– Если раньше я сомневался, то сейчас уверен. Поэтому могу сказать тебе. – Кристиан сел, глядя на нее. – Заклинание иссушения имеет последствия не только для того, к кому применяется. Забирая жизненную силу, некромант может получить вместе с ней и часть знаний, воспоминаний этого человека.

– Ты хочешь сказать, что получил их от меня? – тревожно нахмурилась Ванда, продолжая внимательно слушать его.

– Да, – кивнул Кристиан. – И именно так я впервые заподозрил, что ты и Синхелм не родные по крови.

– Что же ты увидел? – взволнованная, она придвинулась ближе к Кристиану. – Что? Почему не сказал мне раньше?

Она закусила пересохшую губу, понимая, что и сама не спешила делиться своими секретами с женихом. Сам же Кристиан сейчас опустил подробности того, что нечаянно пришлось увидеть убийство возможного отца Ванды. Но полученной им информации пока слишком мало. Этот человек мог оказаться кем угодно. Хоть братом.

– Я видел пожар в томаринском лесу. Шел бой. Некий человек укрыл тебя щитом, спасая от смертельной опасности. Я не знаю, кто этот воин. Но судя по всему, ты была дорога ему. Он звал тебя Трин.

– Трин... – эхом повторила Ванда. – Поэтому ты произнес это имя в моем кабинете? Ты тогда окликнул меня так.

Рэйван кивнул.

– Да. Я не удержался, признаюсь. Тогда мне все казалось путаным. И я посчитал, что мои объяснения в тот день принесли бы тебе лишние тревоги. Я верю, что однажды ты вспомнишь все сама. Но сейчас хочу, чтобы ты знала это имя. Ты не обязана откликаться на чужое. Ты не обязана быть кому-то заменой. При всем уважении к утрате Синхелма, ты тоже чья-то дочь, чей-то мир, чья-то жизнь. Ты уже не дитя. Я надеюсь, что вскоре он даст ответ и откроет тебе правду. Полагаю, это меньшее, что должен сделать после всего, через что тебе пришлось пройти.

– Кристиан...

Удивительно, настолько странным было чувство, когда впервые обратилась к нему по имени.

– Я слушаю тебя. – Он поднял из травы небольшой камешек и бросил его в воду.

Тот долетел до небольшого деревянного моста, падая и заставляя листья бледно-голубых лилий мерно покачиваться. Светящаяся мошкара встревоженно поднялась в воздух, сверкая над лепестками, словно волшебная пыльца.

– Спасибо за все, – рискнула заговорить Ванда.

Кристиан повернулся к ней, наблюдая за выражением бледного лица. Синяки под глазами были так заметны. Сейчас он от всей души жалел, что был сыном Смерти, не способным ни исцелить, ни даровать хоть немного жизненной силы. Признаться честно, на мгновение даже ощутил некую зависть к мальчишке-инрэйгу.

– Пожалуйста, – ответил он, чувствуя сам некоторое опустошение.

– Скажи...

– Нет, – медленно качнул головой Кристиан, прекрасно поняв по выражению лица, что именно хотела спросить Ванда.

– Но вдруг так ты сможешь узнать больше, раз я сама сейчас не способна...

– Я не стану снова использовать это заклинание на тебе. – Взгляд Кристиана опустился к ее губам. – В тот раз это была вынужденная мера. Никакие воспоминания не стоят того, чтобы расстаться с жизнью. Ты поняла меня?

– Да, – сдалась Ванда, склонив голову набок и отрешенно глядя на блестящую внизу озерную воду.

– Просто дай себе время. Не важно, сколько его понадобится. Все придет в нужный час.

– А если нет?

– Поверь. – Слегка поморщившись от внезапно подступившей тупой боли в груди, Рэйван постарался, чтобы слова его звучали невозмутимо. – Воспоминания не всегда даруют облегчение. Иногда забвение – лучшее благо.

– Ты хотел бы забыть свое прошлое? – Ванда отвлеклась от своих размышлений. – В твоей жизни были события, которые до сих пор мучают тебя?

– Я лишь пытаюсь забыть тот факт, насколько скучно было мое жалкое существование, – устало отшутился некромант. – И знаешь, пожалуй, у меня есть для тебя, хм... подарок.

– Подарок? – удивилась Ванда.

– Да. Я не могу все время находиться рядом с тобой в сложившихся обстоятельствах. Но уверен, что это тебя немного отвлечет.

Улыбка некроманта Ванде не понравилась. Что он задумал?

– Это? – насторожилась она.

Кристиан вздохнул. Хотел же купить платье, честно. Но в связи с подготовкой к визиту короля все не получалось выбраться в город. Он обязательно займется этим позже. А сейчас мог сделать то, на что способен некромант: подарить своей очаровательной невесте мертвый дух... Очень романтично, что сказать.

Он протянул вперед руку открытой ладонью вверх. Затем тихо проговорил заклинание призыва, активируя проявившуюся в центре ладони печать. Глаза Кристиана потемнели, а голос понизился, становясь почти неузнаваемым. Послушная тьма за клубилась, сгущаясь у его пальцев. Змейкой

обвила запястье, двигаясь дальше, пока не собралась на предплечье непонятным комком. Ванда, боясь шелохнуться, наблюдала за превращением. Сначала послышалось тихое урчание, перерастающее в низкий рык. Двумя алыми уголями вспыхнули глаза. Сгусток тьмы вздрогнул и через мгновение расправил гибкое, чем-то походившее на дикого кота тело.

– Это – мараг, – коротко пояснил Кристиан.

Существо метнулось к Ванде, распадаясь призрачным туманом и вновь собираясь тьмой у нее на плече. Очертания его были такими нестабильными, будто в любое мгновение оно могло снова исчезнуть или трансформироваться. Только глаза ярко горели, внимательно следя за действиями живых людей. Мараг обвил шею Ванды длинным хвостом и оскалился.

– Как мило...

Она прекрасно помнила это маленькое чудовище. Не оно ли пыталось укусить ее в трактире, когда шла с Рэйваном на встречу к Яру?

– Хранить! – велел некромант существу, заканчивая творить свою магию.

Он прошептал что-то на неизвестном языке, и дух немедленно успокоился и принялся ластиться к Ванде, оставляя ощущение мягкости и холода от прикосновения.

– Он всегда будет рядом, в отличие от меня.

Ванда была польщена. Но гораздо меньше удивилась бы, вздумай Кристиан вручить ей свой портрет, который так хотела повесить в их комнате Ивон. Представляя себе, как они дрались бы с соседкой за право лицезреть его над своей кроватью, Ванда покачала головой. Мараг тихо заурчал и лизнул ее в щеку, словно кто-то провел по горячей коже льдинкой. Что ж, неплохо иметь такой охладитель, учитывая, какая стояла жара на тренировочных площадках в последние дни.

– Спасибо. Но как я объясню его появление у меня? Каждый будет знать, что эта сущность призвана некромантом.

– Тебе даже не придется особо врать, – усмехнулся Кристиан.

Дух на плече Ванды при этом так же довольно принялся урчать, будто вторил настроению хозяина. Кажется, с помощью этого создания некромант решил раздвоиться.

– Что ты хочешь этим сказать? – Ванда рискнула дотронуться до существа.

Она не могла толком объяснить себе это ощущение. Казалось, что пальцы коснулись плотной энергии, едва заметно пульсирующей. Еще миг – и она почувствовала упругую гладкую шерсть под ладонью. Затем – пустоту, когда мараг вздумал раствориться в воздухе. Зверь появился на ее коленях, сверкая глазами.

– Весь зал слышал, как я заявил, что был приглашен Синхелмом в Беренгард, – принялся объяснять Кристиан. – Можешь смело сказать, что причиной было желание отца сделать подарок по поводу твоего предстоящего поступления в академию. Дух-фамильяр – вот что ему было нужно. Стаи хищных марагов обитают высоко в горах, где находится Беренгард. Для того чтобы призвать и приручить дух зверя, требуется опытный некромант, а также время. Так что я просто выполняю просьбу твоего отца. От его имени дарю тебе фамильяра. Так можешь сообщить особо любопытным. Это послужит и дополнительным поводом оставить тебя в покое. Пусть чувствуют влияние и покровительство Синхелма даже на расстоянии.

– Я чувствую лишь твое покровительство.

Глава 3

Она переместилась в замок, неподалеку от общежития. Ванда вздрогнула, когда перед глазами внезапно объявилась клыкастая призрачная морда, сверкая глазами. Она совсем забыла про подарок, и ей еще предстояло привыкнуть к его внезапному появлению.

– Сиди смирно, – велела Ванда духу.

Ее тут же нахально лизнули в нос, а затем рассыпались черным туманом. Она вздохнула и побрела в сторону женского общежития. Наверняка Ивон уже потеряла терпение и закидает ее бесчисленным количеством вопросов. Сейчас не было никакого желания что-либо обсуждать. Но прекрасно понимала, что выхода нет. Как хорошо, что коридор был пуст. Представляя, как выглядит сейчас, Ванда порадовалась возможности добраться незаметно, благо находилась совсем рядом. Она сама просила Кристиана не отправлять прямиком в комнату, чтобы немного перевести дух перед тем, как войти.

Притормаживая перед дверью, Ванда вялым движением руки в последний раз отряхнула пришедшую в негодность рубашку и накинула на плечо мятую, перепачканную пеплом куртку. Входя наконец внутрь и закрывая за собой дверь, она тут же услышала возмущенный голос Ивон.

– Наконец-то! Где тебя носило все это время? Я чуть с ума не сошла! Что с тобой случилось? Выглядишь так, будто сражалась с армией демонов.

Подруга подскочила с кресла, шурша длинной юбкой, и двинулась к Ванде.

– Скорее они просто потоптались по мне.

Ванда прокашлялась, поскольку горло пересохло, и немедленно захотелось воды.

– Причем неоднократно, – прозвучал из противоположного угла комнаты другой знакомый голос.

Принимая у подруги заботливо поданный стакан воды, Ванда залпом осушила его. Затем поглядела на Шагима, который нагло устроился на ее застеленной кровати, заложив руки за голову.

– Ты перебирался бы сюда насовсем, что ли, – поморщилась она.

– Отличная идея, – широко улыбнулся Талл, садясь и поправляя шнурок, которым стянул длинные волосы.

– Эй! – возмутилась Ивон. – Даже шутить так не смейте! Оба! А ты...

Подруга грозно ткнула пальцем в Ванду.

– Что?

– Немедленно ступай и вымойся! И приведи себя в подобающий вид. Выбрось эти лохмотья. Скоро в комнате нечем будет дышать.

– Слушаюсь, – покорно склонила голову Ванда, и пепел с волос посыпался на светлый пол.

– О боги, – застонала Лейвр.

Одна прядь ее волос метнулась к окну, открывая его настежь и впуская вечернюю прохладу.

– Синхелм! – Улыбка Шагима стала еще шире, сверкая солнцем. – Если нужна будет помощь...

Вторая блестящая прядь опасной змеей устремилась к его лицу, предупреждая замирая перед самым носом.

– Молчать, – ядовито велела Лейвр.

Ванда покачала головой и побрела в ванную комнату. Но, вспомнив, что забыла взять сменную одежду, устало вернулась назад, к своему шкафу. Выбирая чистую рубашку и штаны, она повторила попытку привести себя в порядок. Новая, ранее торжественно врученная проректором форма была полностью уничтожена. Хотелось бы надеяться, что хоть за это не отчитают завтра. Хотя какая разница? Что могло переплюнуть сегодняшние новости?

Раздеваясь и чувствуя слабость во всем теле, Ванда бросила испачканную одежду в небольшую плетеную корзину. Вставая под прохладный душ, она почувствовала некоторое облегчение. Упираясь ладонями в стену и склонив голову, она позволила воде свободно течь по спине. Закрывая глаза, постояла так некоторое время.

Ванда слышала голоса товарищей в комнате. Опять о чем-то спорят. Она слабо улыбнулась, припоминая, что ни один из них не обмолвился о произошедшем в Белом зале. Ее отчитали, пытались соблазнить, но даже не намекнули на заявление короля. Решили сделать вид, что ничего не произошло? Она была так благодарна...

Где-то сверху послышалось тихое урчание. Пришлось открыть глаза, поднимая голову и глядя вверх. На перекладине, где крепилась цветная штора, отделявшая душ от остальной ванной комнаты, устроился наглый мараг. Видя, что его заметили, дух довольно свесился вниз. Широко скалясь, он поворачивал из стороны в сторону пушистую голову с острыми ушами.

– Кыш! – велела Ванда, изловчившись и брызнув в марага водой.

Существо зашипело, вздрогнув всем телом, будто и правда могло вымокнуть. Замахнулось лапой, собираясь проучить новую хозяйку. Затем припомнило, что значит это слово «хозяйка», и принялось оглушительно мурлыкать. Хвост при этом нервно молотил по шторе, выдавая притворство нахала. Боялся. Но явно не ее, что Ванда прекрасно поняла. Боялся, что от Кристиана получит по первое число, если не будет вести себя, как положено дареному фамильяру.

Смирясь с соседством, Ванда сдалась и наконец смогла смыть с себя и волос всю грязь. Ненавистный Ивон горький запах гари был уничтожен. Ванда обтерлась мягким полотенцем, немного подсушила им волосы и переоделась в чистую одежду. Мараг встрепенулся на перекладине, оживился, вздыбил призрачную шерсть и метнулся к хозяйке. Самодовольно усаживаясь на ее плече, он сверкнул глазами.

– Идем, – вздохнула Ванда. – Буду тебя знакомить...

Она вернулась в комнату и застала товарищей у окна, все так же о чем-то спорящих. Проходя мимо своей кровати, Ванда заметила на подушке белоснежный цветок каламеи, оставленный явно инрэйгом. Его нежный, свежий аромат коснулся ее, вызывая улыбку. Она склонилась к постели, поднимая цветок и собираясь рассмотреть его толком. Но в следующий момент мараг устремился по руке вниз и, разинув пасть, откусил едва распустившийся бутон, принимаясь бессовестно жевать его.

– Ты! – сердито схватила его за хвост Ванда.

Дух повис в ее руке, качаясь на хвосте и продолжая лениво жевать нежные лепестки.

– Что это? – поморщившись, спросила Ивон, обернувшись к подруге.

– Это мертвый детеныш марага! – воскликнул встревоженно Талл, заметив наконец, что именно наглец жевал. – Моя каламея! Выплюнь сейчас же! Откуда у тебя эта мерзость, Синхелм? Восставший дух? Серьезно?

– Это подарок, – пояснила Ванда.

Подарок с довольным видом вернулся на ее плечо, сверля алым взглядом живую парочку, продолжавшую возмущаться.

– Подарок – это то, что тварь сжевала только что, – не успокаивался Талл. – Он опасен!

– Это создание мог призвать только некромант, – не собираясь приближаться к подруге, проговорила Ивон. – Кто дал тебе его? Ты можешь *это* выбросить?

– Это подарок отца, – повторила Ванда ложь, предложенную Кристианом.

Шагрим и Ивон неловко переглянулись.

– Мне дал его ректор по личной просьбе отца, – уточнила Ванда, видя обреченность на лицах товарищей.

– Сам Рэйван? – переспросила Лейвр.

– Да, – кивнула Ванда, а на ее плече, повторяя, закивал мараг.

– Кто дарит такое юной каэли? – Шагрим сложил руки на груди. – Какой в нем прок? Ни красоты, ни ума, ни...

Он подался вперед, к подруге, опрометчиво приближая лицо к притихшему марагу. Тот выждал мгновение. Затем вцепился когтями в рубашку Ванды и, разинув пасть, клацнул огромными клыками, вынуждая инрэйга задержать дыхание.

– Кажется, он не любит, когда его оскорбляют, – сделала вывод Ванда.

Сердито одернув расстегнутый воротник рубашки, Шагрим придал себе невозмутимый вид.

– Ты уже дала этому порождению тьмы имя?

– Нет, – пожала плечами Ванда. – Как-то не думала об этом.

– Зиль будет в самый раз. – Талл прошел к свободному креслу и опустился в него, закидывая ногу на ногу.

Зиль? На языке дикого горного народца римейцев это означало «зло малое». Кристиан подшутил над нею, подарив неугомонного духа? Интересно, как он отреагирует на новое имя питомца?

– Отличное имя, – улыбнулась Ванда.

– Не подпускай *это* ко мне, – категорично заявила Ивон.

Зиль возмущенно зашипел. Волосы Ивон моментально ожили, множеством серебристых змеек взметнувшись над ее головой, извиваясь и норовя схватить темного духа. Она зашипела в ответ не хуже марага, словно и сама была порождением тьмы или диким существом. Зиль притих, замер статуйкой на плече Ванды и только моргал огромными светящимися глазами.

– Так-то, – щелкнула ухоженными пальцами Ивон. – Не приближайся ко мне, темное создание.

Ее волосы снова легли гладкими прядями, и девушка прошла по комнате. С видом особы королевской крови она опустилась в кресло и расправила голубую юбку.

– Я стащил тебе еды с ужина, – отозвался Талл, выстукивая пальцами по подлокотникам.

– Только все давно остыло, – поджала губы Ивон.

– Разве это проблема? – пожал плечами Шагрим и обратился к Ванде: – С твоей силой ты его мигом разогреешь. Верно?

– Конечно. – Благодарная, она не стала создавать причин для волнения другу.

Разогреть она ничего не сможет. Сила оставила ее на сегодня. Но есть придется, чтобы хоть как-то восполнить ее. Пусть даже холодный ужин, но припасенный для нее с такой необходимой заботой.

– Спасибо, – обернулась к товарищам Ванда. – Спасибо за все.

Позже, когда удалось спровадить Шагрина и они с Ивон забрались в свои долгожданные постели, Ванда смогла немного расслабиться. Она накрылась одеялом по самую шею, чувствуя, что волосы, устилавшие подушку, все еще немного влажные. Завтра наверняка пряди завьются сильнее из-за того, что толком не высушила. Но это было так незначительно.

Зиль возник на высокой спинке кровати и делал вид, что дремал. Будто это и в самом деле требовалось сущности вроде него. Стоило одной девушке шевельнуться в постели, как фамилляр приоткрывал яркие глаза, лениво прищуривался и оглядывал комнату, едва освещенную лунным светом.

Ивон уже давно спала, когда и к Ванде пришел долгожданный сон. Он дал возможность забыться и оставить хоть ненадолго все тревоги. Ей снилось, будто парила или качалась, словно в колыбели. Ванда слышала тихий шелест листвы. А над нею сверкали яркой крошкой звезды, покачиваясь вместе с яркой луной в такт неспешному движению.

Чьи-то мягкие руки гладили ее волосы, касаясь щеки. И голос... Ванда слышала голос, на этот раз женский. И душа отчего-то отзывалась на него, тянулась, пытаясь разобрать слова. Голос пел нежно, тихо, а колыбель мягко качала ее, убаюкивая. Эта песня, такая знакомая, все звучала и звучала, даря ей успокоение.

Ветер, ветер тихо шепчет, Колыбель твою качая, Сон за хвост хватая крепче, Свою песню напевает. Он напомнит, он расскажет, Как босой в траве бежала, Как за день ты стала краше, Спи, дитя, ты так устала. Ветер, ветер пахнет пряно, Ночь умолкшую остудит. Ты с зарей встанешь рано, Солнца свет тебя разбудит. Спи, дитя, спи безмятежно, Я с тобой останусь ветром. В летний зной, зимою снежной Буду песней, буду светом...

Глава 4

Утро началось слишком внезапно. И началось оно с ехидной морды, едва не уткнувшейся ей в лицо.

– Боги!

Ванда со стоном села на постели и вяло откинула волосы с лица. На соседней кровати то же самое безуспешно пыталась сделать Ивон. Зиль довольно принялся драть спинку кровати. Но зашипел, стоило первым утренним лучам скользнуть по его призрачной шерсти, видимо не очень-то приветствуя солнечный свет. Он рассыпался туманом и объявился у кресла, сверкая в тени яркими глазами.

– Ты всю ночь говорила во сне, – укорила Ивон, лениво потягиваясь и зевая совсем не подходящим для благовоспитанной каэли образом.

– И что же я говорила? – спросила Ванда скорее машинально, чем из любопытства.

Она смогла встать с кровати, чувствуя себя при этом полуразложившимся зомби. Кое-как добрела до шкафа и рискнула глянуть в зеркало. Явно неудачно поднятое неизвестным некромантом существо смотрело на нее скептически, щурясь не хуже Зили. Оставалось зашипеть и начать корчиться под лучами солнца. Синяки под глазами стали потрясающе яркими, делая лицо еще более бледным. Волосы всклокоченные, будто ночью не спала, а нарочно спутывала пряди.

Что ж, новый день настал. Но горечь прожитого, вчерашнего, никуда не делась. Душа саднила, но Ванда внутренне собралась, не позволяя прокручивать в голове недавние события. Она должна думать только о том, что предстоит. Только об учебе. И погрузиться в нее полностью, лишь бы не возвращаться мыслями к горькой правде.

– У тебя есть какой-нибудь артефакт, – так и не дождавшись от подруги ответа на вопрос, повернулась к ней Ванда, – чтобы немного оживить вот это?

Она обвела пальцем свое сонное лицо. Ивон поморщилась, глядя на нее, и покачала головой.

– Боюсь, что я еще не настолько сильна... Тебе лучше обратиться с этим вопросом к Шагриму.

– Вот уж нет, – отмахнулась Ванда и даже немного взбодрилась. – Холодный душ вполне подойдет. А ты даже не смей думать, чтобы отправиться за мной!

Она пристально поглядела на марага, нервно забившего хвостом по полу. Дух склонил голову набок, и его глаза сделались огромными.

– Я не поддамся на это. Ты ведь понимаешь?

Сила тлела в ее груди малой искрой, пытаясь вспыхнуть и разлиться привычным теплом по крови. Но пока была слишком слаба. Радовало лишь, что сегодня предстояла только теория. Приведа себя в порядок, Ванда надела новую форму и тщательно заплела косу. Она прихватила пару нужных книг, добавив к стопке и одну из найденных в ящике Лейтона тетрадей. Ту самую, в которой отыскала старые записи о сочетании основных рунных линеек. Были там пометки и о вариациях составления собственных линеек, написанных таинственным Р. Д. Эти записи могут стать весьма полезным дополнением к тому, что удастся записать на лекциях достопочтенного каэля Торина Морруса, преподающего у них рунологию.

В корпус боевого факультета сегодня лететь не придется. Они с Ивон будут часто пересекаться в основном замке Арда. Эта мысль согревала. Подруга улыбнулась ей, завидно походя на воздушное румяное облако в своих бело-голубых одеждах. Но Ванда чувствовала напряжение, которое Ивон тщательно пыталась скрыть.

– Что тебя беспокоит?

Они вышли в коридор общежития, направляясь к столовой.

– Сегодня два занятия у профессора Тэусса, – вздохнула Ивон, прижимая к груди книги.

Понимая причину ее волнения, Ванда кивнула.

– Знаешь, – продолжала подруга, – когда-то в детстве я наслушалась о волшебном вкусе плодов целенсии. Той, что растет только в Нимерладских горах. Они были настолько редки, а я так измучила отца своим нытьем, что он велел раздобыть мне эти плоды. И когда возжеленное блюдо с удивительно пахнущими целенсами стояло передо мной на столе, я трепетала от предвкушения и счастья.

– И каковы же на вкус эти плоды? – Ванда вздохнула, чувствуя на щеке легкую прохладу, когда Зиль возник на ее плече.

– Они оказались отвратительно горьки, – вздохнула Ивон.

– Профессор Тэусс стал для тебя своеобразным целенсом? – спросила Ванда, хотя и так понимала, к чему вела подруга.

– Да, – подтвердила ее предположение Ивон. – Горький, терпкий, жесткий, он стал для меня в ту пору самым большим разочарованием. Но вместе с тем в тот день я открыла для себя и простые плоды ивии из нашего сада. Те самые, которые из каприза даже не пыталась попробовать. Они выглядели простоватыми и слишком обычными. Но на вкус оказались слаще меда. Мне стыдно, Ванда. Стыдно, поскольку я снова повторила ту же ошибку, что и в детстве. Я не извлекла нужного урока и была осмеяна. Поделом.

– Ты слишком строга к себе. – Ванда склонила голову, приветствуя двух преподавателей, шедших навстречу по шумному коридору. – Но что же собираешься делать? Я поддерживаю тебя, что бы ни решила.

– Я подала прошение о зачислении в группу каэля Гарса, – торопливо проговорила Ивон. Щеки ее отчего-то окрасил легкий румянец смущения.

Ванда сделала вид, что не заметила этого. Гарс был достойным человеком и наверняка опытным артефактором. Если Ивон будет чувствовать себя на его занятиях увереннее, возможно, это лучшее решение. Но было одно «но»...

– А как отнесся к твоему побегу сам Тэусс? Наверняка еще ни один студент не отказывался от его лекций, – осторожно поинтересовалась Ванда.

– Сегодня я об этом узнаю. – Голубые глаза Ивон налились цветом от волнения, а губы дрогнули.

– Все будет хорошо, – подбодрила Ванда. – Если приняла решение, будь тверда.

– Да. Я буду тверда. Я буду думать о камне.

– О чем?

– Да так...

Разговаривая таким образом, они добрались до столовой. Здесь пришлось разделиться. Ванда взяла поднос с завтраком, разворачиваясь и собираясь добраться до стола, где уже сидели одноклассники. Расстояние казалось бесконечным. Но если вообразить себе, что выставила невидимый щит против любителей сплетничать или считающих свою кровь чище других, то вполне можно продержаться какое-то время. Она тщательно игнорировала шепот и смешки, раздававшиеся в громадном зале столовой, пока шла к своим товарищам. Но, увы, ее слух был слишком хорош.

– Приемный сегодня слишком горда... – слышалось шелестение голосов где-то неподалеку.

– Я бы на ее месте в одно из ардовских озер кинулась от стыда...

– Я слышала, что Фемир Синхелм подобрал ее буквально у обочины...

– Бедная сиротка...

Ванда стиснула зубы, невозмутимо продолжая идти вперед. А стоило одному из особо сердобольных студентов вздумать поставить ей подножку, как черная тень метнулась к его ноге. Через мгновение, взобравшись к самому лицу нахала, Зиль яростно оскалился, обвивая его шею длинным хвостом. Став белым как полотно, мальчишка попытался отмахнуться от духа, но безуспешно.

– Вернись, – велела Ванда, заставляя фамильяра нехотя отпустить свою жертву.

– Ты сумасшедшая, Синхелм! – кинул вдогонку студент, стоило нечисти оказаться на ее плече.

И тут же умолк, когда мараг вновь хрипло зарычал.

– Чего ожидать от приема? – донеслось до Ванды напоследок, когда она опустила поднос на стол и села на свободный стул.

Молча кивнула товарищам, которые на минуту прекратили завтракать, глядя то на нее, то на Зилья. И зачем смотрели? Что? Сейчас ее попросят убраться? Не произнося ни слова, мальчишки вновь принялись есть, возвращаясь к своим тарелкам. Ванда взялась за вилку, заставляя себя повторить за ними. Она должна есть. Даже если не хотела. Должна.

Над столом повисло тягостное молчание. Но оно было для Ванды громче рева раненого ханка. Нет, они не были злы. Ее товарищи сдерживались. Но она прекрасно видела, что вопросов у них были миллионы.

– Откуда у тебя дух марага? – спросил вечно взъерошенный Раду.

– Я так зол, Синхелм! – перебивая его, не выдержал Гай и взмахнул вилок, благо что пустой. – Как отец мог так подставить тебя? О чем он только думал? Разве он не знал, что королю не понравится, что его держат за...

– Гай! – одернул его Кахнер.

Ванда не отозвалась, молча продолжая есть. Вкуса не чувствовала, просто жевала, глотая, чтобы хоть как-то восполнить силы.

– Никто из нас не знает истинных причин, – хмуро продолжал Тео. – Причины есть всегда. Найдется и разумное объяснение.

– Какое разумное объяснение? Ты видел, что произошло вчера? Если бы ректору отчего-то не взбрело в голову перечить королю, то ее бы арестовали, как преступницу, – зло и хрипло пытался перейти на шепот Гай. – Теперь все зависит от проклятого письма... Seriously?

– Хватит говорить так, будто Синхелм здесь нет. Она здесь. Как и это... это мертвое существо, – поморщился при виде Зиля молчавший до этого Ян. – Почему ты молчишь?

Он смотрел на Ванду.

– Потому что мне нечего сказать, – наконец отозвалась она. – Для кого-то из вас это проблема?

Она посмотрела на товарищей исподлобья, чувствуя, как усталость накатила новой волной. Но ощущение огня в груди стало ярче, подсказав ей, что сила прибывала. По капле, но прибывала.

– Нет, – ответил за всех Кахнер. – Для нас будет проблема, если ты свалишься с ног и оставишь кого-то без пары для тренировки.

– Поэтому ешь давай! – Димер мрачно пододвинул к ней свою высокую кружку с молоком.

Рунные знаки едва вспыхнули на его пальцах, над кружкой появился пар, говоря о том, что содержимое было согрето. Согрето для нее...

Ком сдавил горло слишком неожиданно. Ванда задержала дыхание и посмела вдохнуть, только когда убедилась, что не разревется перед всеми. Думай. Чувствуй. Действуй. Только в таком порядке. Иначе она сойдет с ума. Ванда приняла кружку, благодарно кивнув Нейлу.

– Спасибо. – Делая глоток горячего молока, она ощущала, как все согревалось внутри, даря успокоение.

Зиль нагло растянулся на столе между посудой и протянул лапу к Димеру, поглядывая на него алыми глазами. Выпуская острые как бритва когти, сверкнувшие серебром, мараг поскреб ими рукав его формы. Раздалось нечто походившее на одобрительное урчание. Димер осторожно высвободил руку, явно не оценив расположение мертвого зверя-убийцы.

– Первое занятие у нас травология, – сменяя тему, чтобы разрядить обстановку, ухмыльнулся Гай. – Будет вести та грудастая...

Он закусил губу, неловко сжав в кулаки свои руки, которыми демонстрировал размер прелестей достопочтенной каэли Зорик. Ванда покачала головой. Мальчишки...

– Та уважаемая инрэйг, – поправляя себя, пробормотал Гай.

Глава 5

Первое из двух занятий каэли Маркар проводилось в громадной оранжерее, походившей на некий прозрачный лабиринт, выполненный из стекла и камня. Небольшие, выложенные разноцветными камнями дорожки вели к различным частям бесконечного строения. Некоторые имели прозрачный купол и были буквально залиты солнечным светом. В других местах помещение освещалось только зачарованными сферами. Они парили над головами студентов, не тревожа те растения, что привыкли прятаться от дневного светила. Были места, где остро пахло сыростью и тленом, а порой стоял такой смрад, что слезились глаза. Торопливо выходя из одной такой секции, Ванда спрятала лицо в сгибе поднятой руки, из последних сил стараясь не дышать.

– Что за ужас? – воскликнул кто-то из ее сокурсников.

В ответ нечто змеевидное, укрытое слоем противной темной жижи, высунулось из секции, поползло к ноге студента и стремительно обвилось вокруг его щиколотки. Гибкий обнаглевший корень илхикамина куатемока собрался утащить к себе неосторожного студента, потревожившего его громким голосом.

– Как вы можете видеть, – невозмутимо продолжала объяснения Зорик, глядя на попытки подопечного высвободиться, – илхикамин не гнушается и живой плотью для подпитки своих корней.

– Помогите! – Ян попытался оторвать корень от ноги, но тот оплел ее еще сильнее, уже подтаскивая мальчишку к своему логову.

– А также можете видеть, что бывает с теми, кто слишком болтлив, когда велено молчать! – Маркар едва шевельнула рукой, веля корню оставить в покое бедолагу.

Растение нехотя подчинилось, и склизкая змея побега скрылась в темноте секции, откуда послышалось печальное бульканье.

– Проклятье... – пробормотал Ян, поднимаясь и трясая ногой, чтобы убрать с ботинка грязь. – Подождите меня!

Возмущенный студент отправился вслед за товарищами, вовсе не горевшими желанием находиться рядом со смердящим сокурсником.

– Илхикамин предпочитает заболоченные земли. Преимущественно обитает на Раудморских топях. Но встречается и на окраине томаринских лесов, в западной части. Оттуда и был привезен в оранжерею образец, который вам представлен сегодня, – рассказывала Зорик.

Инрэйг шла впереди своих подопечных. Темно-зеленое платье очень шло ей. Яркие огненные волосы Зорик оставила распущенными, только по сторонам лица подобрала их небольшими гребнями.

Голова буквально кружилась от слабости. Но Ванда наконец смогла нормально дышать, убирая от лица рукав форменной куртки. Она пошатнулась, неловко ступая по каменной дорожке, и была поддержана гибкой цветущей лианой, спустившейся к ней с купола очередной секции.

– Кто-то не выспался? Или вчера слишком увлекся тренировками? – спросила Зорик, останавливаясь рядом с Вандой.

Ее золотой взгляд, казалось, видел все насквозь. Инрэйг мягко улыбнулась и подняла руку к своим волосам. Она вытащила один гребень и аккуратно заколола его в основание сплетенной косы Ванды.

– Давай немного освежим тебя, странная девочка, – улыбнулась Зорик, а затем продолжила вести занятие как ни в чем не бывало. – Илхикамин относится к линейке плотоядных растений. Но его легко можно спутать с нопалцином куатемока, который находит питание исключительно в донных отложениях...

– Вот этот пальчик мне больше нравится, – пробурчал Ян, перебивая преподавателя и наконец-то догоняя однокурсников. – Ненавижу все, что пытается меня сожрать!

– Одного прикосновения стебля нопалцина достаточно, чтобы вызвать сильнейший ожог, – продолжала Зорик, прохаживаясь рядом с лианами, цветущими темно-синими цветами. – А ожог вызывает яд первого уровня, вызывающий полный паралич жертвы. Которая, в свою очередь, непременно утонет, опускаясь на дно.

Инрэйг приблизилась к студенту, глядя на него пронзительным янтарным взглядом, буквально гипнотизируя своим голосом.

– Чаще всего на дне Раудморских топей обитают популяции эллеурий – созданий, способных обглодать за несколько минут даже тушу дикого ханка. И вот перегнившими остатками их пиршества и питается так понравившийся тебе нопалцин.

Ян сглотнул ком в горле, нервно улыбаясь преподавателю.

– Первое правило безопасности на топах – ваше тело должно быть полностью скрыто одеждой. Никаких открытых участков.

– Я вообще никогда не собираюсь даже приближаться к этим поганым топам! – возмутился кто-то из группы.

– Пара илхикаминов будет получше охранных печатей, – хмыкнул Гай.

– Все враги разбегутся от того, кто будет смердеть на всю округу, – поморщился Раду. – У них будут слезиться глаза, оттого и станут беззащитными. Как, впрочем, и ты, Гай. Тебя эта склизкая зараза слопаёт первым!

Слушая болтовню товарищей и объяснения преподавателя, Ванда с удивлением отметила, что голова уже меньше болела от их голосов, в теле ощущалась легкость. Казли Зорик восстанавливала ее силы через свой гребень? С благодарностью Ванда прикоснулась к украшению. Пальцы слегка покалывало при контакте с золотистыми камнями, которыми оно было инкрустировано. Эта женщина снова выручила ее...

– Здесь вы можете видеть веренику дурманящую, – тем временем представляла обитателей оранжереи Зорик.

Приятный тонкий аромат наполнил легкие, стирая воспоминания о посещении логова плотоядного илхикамина. Вереника была невысоким деревцем с корой, походившей на крупную темную чешую. Тонкие ветви причудливо изгибались при приближении Зорик. И непонятно, что тому причиной: присутствие инрэйг или само деревце было живое. Большие бледно-желтые цветы с гладкими блестящими лепестками поворачивались вслед за движениями преподавателя, будто боясь упустить хоть слово.

– Она цветет. – Ванда с интересом наблюдала за цветами, а те, казалось, в ответ изучали ее, глядя почти черными бархатными сердцевинами. – Разве ее аромат не опасен?

– Напротив. – Зорик улыбнулась, приближаясь к веренике.

Словно послушный питомец, деревце потянулось к ней ветвями, а аромат усилился благодаря едва приметной желтой пылице, поднявшейся в воздух.

– Опасны не цветы, а плоды вереники. Через несколько дней лепестки опадут и завяжутся плоды. Вызревая, они образуют изингому – разновидность так называемой коробочки. Она распадается на части, разрываясь по швам, и открывает сердцевину с закрепленными на ней семенами. Именно они источают дурманящий аромат, который действует на людей губительно. Он не смертелен. Скорее таковыми могут быть его последствия. Поскольку человек рискует оказаться в опасности, не контролируя ни свой разум, ни действия. Поэтому стоит обходить стороной заросли вереники в этот период, – пояснила Зорик, поглаживая ветку деревца.

Ох уж этот разум! Ванда вздохнула, вновь ощутив аромат. Что же ей поделать с собственным разумом? И как вернуть утерянные воспоминания? Занятие закончилось, и Зорик повела их дальше, к выходу. Ванда задумалась, любясь тем, как солнце поблескивало, играя лучами в стеклянных куполах оранжереи. Там, во дворе, шумели деревья, шелестя яркой листвой под порывами ветра.

– Ветер, ветер тихо шепчет... – отрешенно проговорила Ванда.

Слова песни зазвучали в памяти. Они казались знакомыми, и в то же время она понятия не имела, где могла их слышать.

– В летний зной, зимою снежной... Буду песней, буду светом...

– Что ты там бормочешь, Синхелм? – Гай толкнул ее плечом. Но тут же отпрянул, когда его едва не цапнул за нос Зиль. – Вот нечисть!

Он поторопился обогнать Ванду, присоединяясь к остальным студентам, спешащим покинуть оранжерею.

Зорик задержала Ванду, поманив к себе пальцем. Она с любопытством посмотрела на марага, тершегося мордой о щеку студентки.

– Мертвые души буквально окружают тебя. Ты не находишь это странным? – Инрэйг приподняла

медную бровь.

– Возможно. – Ванда неловко улыбнулась.

– Откуда у тебя эта прелесть? – Зорик склонилась к плечу девушки, совершенно спокойно приближая лицо к беспокойному духу и разглядывая его. – Я ощущаю присутствие знакомой силы.

Слушая ее, Зиль приподнял уши и принялся поворачивать голову, наклоняя ее то вправо, то влево. Затем ощерился во все зубы, будто пытаясь улыбнуться. Подарок Кристиана не считал Зорик угрозой?

– Этот дух был призван и приручен ректором Арда.

– Точно! – хохотнула Зорик. Выпрямившись, она убирала за спину волосы, которые поддерживались теперь только одним гребнем. – Я-то думаю, что за сила мне знакома? Так это Крис призвал лапушку-марага?

– Да, – не зная, чего от нее ожидать, подтвердила Ванда. – Отец просил его об этом в качестве подарка...

– Конечно-конечно, – улыбнулась преподаватель. – Я рада.

– Чему?

Ванда удивилась, идя рядом с нею по дорожке к открытым дверям оранжереи. Так и бросили их открытыми? Ведь Зорик велела закрывать их за собой.

– Я рада, что Крис справляется. Он даже сделал подарок.

– Что вы имеете в виду? – замерла Ванда. – Я же говорила, что он лишь выполнил просьбу моего отца.

– Так всем и говори. – Зорик легко коснулась ее лба пальцем, вырисовывая некий целительный знак. – Главное, всегда будь честна с собой. Доброго дня, странная девочка.

Зорик усмехнулась. Махнув на прощанье рукой, она легко направилась к выходу, покидая Ванду, которая находилась в некоторой растерянности. Зиль пытался заглянуть в лицо хозяйке, но она только тихо вздохнула. А затем вышла во двор, под жаркое солнце. Фамильяр недовольно заворчал и развеялся туманом, оставляя Ванду наедине с ее мыслями.

Глава 6

Стоило начаться большому перерыву, как Ивон получила уведомление о том, что проректор желает видеть ее в своем кабинете. Занятия по артефакторике начинались во второй половине дня. С профессором Тэуссом она пока не виделась. Предполагая, что по поводу ее заявления и хотела говорить Вильят, Ивон взволнованно шла по коридору академии. Поднимаясь по лестнице к нужному крылу замка, она прошла мимо ректорского кабинета, дверь которого была открыта настежь.

Сам кабинет оказался пуст. Только на столе шуршали бумаги, которые подхватывал ветер, врывавшийся в окно. Ректор забыл закрыть за собой дверь, когда куда-то в спешке уходил? Или сквозняк пошалил, поскольку никогда не запирался замок?

Из вежливости все же решаясь толкнуть дверь, Ивон захлопнула ее. Селма Вильят ожидала в конце коридора, где располагался кабинет проректора. Серебряная табличка блеснула на темной двери, когда Ивон приблизилась к ней. Девушка мысленно пожелала себе удачи, собралась с духом, сделала глубокий вдох и постучала. Получив разрешение войти, она еще раз свободной рукой пригладила волосы, другой прижимая к груди свои книги.

В просторном кабинете было довольно уютно, как и в прошлый раз, когда посещала его по прибытии в академию. Но сейчас Ивон смотрела не на редкую изысканную мебель или картины на стене. Вильят была не одна. Сама проректор сидела за столом, в высоком удобном кресле. По правую руку от нее, к ужасу Ивон, восседал на небольшом диванчике с резными подлокотниками сам профессор Тэусс. С другой стороны молчаливо, словно провинившись в чем-то, стоял каэль Гарс. Ему не предложили сесть, что являлось дурным знаком. Ивон прекрасно понимала это.

– Проходите же, Лейвр, – своим особым повелительным тоном проговорила проректор.

Тэусс поглаживал тощую бородку, поглядывая на студентку маленькими темными глазами под нависшими лохматыми бровями. Смотрел так, словно она была полнейшим разочарованием, которое умудрилось стать им дважды. Ивон прекрасно знала, что без порчи нервов не обойдется. Но все принимало опасный оборот. Что здесь происходило?

Она мысленно обзавелась лучшим щитом из материнских благословений и шагнула к столу проректора, останавливаясь перед ним. Руки предательски задрожали, но Ивон крепче сжала пальцами книги.

– Я никогда не думала, что придется вызывать вас к себе по подобной неутешительной причине, каэли Лейвр. – Принимая скорбный вид, Вильят покачала головой.

– Что же в моем простом заявлении вызвало подобные мысли? – спросила Ивон, похвалив себя за то, что голос звучал вполне достойно.

– Я помню, как горели ваши глаза, как вы были полны энтузиазма и мечтали попасть в группу достопочтенного каэля Тэусса. Не каждому студенту выпадает подобная часть, – продолжала Вильят.

– Я не ставлю под сомнение профессиональные качества кого-либо из преподавателей Арда, – произнесла в ответ Ивон. – Более того, я уверена, как и каждый из студентов, что в королевской академии преподают только лучшие из лучших. Я лишь прошу о возможности выбора более подходящей для меня тактики обучения. Мне бы не хотелось...

– Вы лжете, Лейвр! – поднялась со своего кресла проректор.

– У студентки Лейвр нет причин лгать вам, – вмешался Гарс. – Я прошу вас...

– Будете защищать и ее? – Теперь Вильят перебросила свой гнев на преподавателя. – Возмутительно! Сколько раз будет повторяться эта ситуация, скажите на милость?

– О чем вы говорите? – не понимая, нахмурилась Ивон.

– Адэмон Лейвр так гордится вашим распределением, юная каэли. А вы разочаровываете и своего отца, и нас!

Селма так увлеклась своей речью, что не сразу обратила внимание на то, как Кристиан открыл дверь и удивленно заглянул в кабинет. Что за экзекуцию его проректор устроила сегодня? Прошлого раза оказалось мало?

– Ваше желание перевода вызвано не чем иным, как неприемлемой влюбленностью в преподавателя! – заявила Вильят.

- Что?.. - задыхнулась от неожиданного обвинения Ивон.

- Я прошу вас услышать меня, каэли Вильят, - вновь заговорил Гарс, но Рэйван остановил его, приподнимая руку и слегка кивая головой.

- Что здесь происходит? - спросил он, на этот раз не имея ни малейшего желания выслушивать еще одну проповедь Селмы.

Проректор резко повернула к нему голову, наконец замечая начальство. Вынужденно стер с лица ехидную усмешку и Тэусс, завидев ректора.

- Ничего достойного вашего внимания, каэль Рэйван, - едва сдерживаясь из-за того, что Кристиан вновь мог вмешаться в ее работу, произнесла Вильят. - Мы не смеем беспокоить вас.

- Я просил объяснить происходящее. - Тон Кристиана похолодел.

- Уже далеко не в первый раз случается подобное со студентками. И преимущественно с первым курсом. Ввиду непрофессионализма каэля Гарса студентки совершают глупости под влиянием недопустимых чувств, - возмутилась проректор. - Та же ситуация возникла и с Лейвр, которая, поддавшись им, решила бросить группу профессора Тэусса. Она подала заявление на зачисление в группу каэля Гарса.

Уголок губ Кристиана нервно дрогнул. Он вновь жестом остановил попытку Гарса вступить и за честь побледневшей студентки, и за свою собственную.

- Вы свободны, Лейвр, - сухо произнес ректор. - Ступайте на занятия. О вашем переводе будете уведомлены после обеденного перерыва.

Затаив дыхание, едва не плача, Ивон развернулась на каблуках и выбежала из кабинета.

- Каэль Рэйван! - сжала кулаки Селма.

- Так что же? - Игнорируя ее возглас, Рэйван мрачно усмехнулся, глядя на Тэусса. - Вы действительно настолько самоуверенны? Считаете, будто юные девы бегут от вас, впечатлившись золотыми кудрями артефактора Гарса? Я стою перед вами. Так извольте подняться!

Возмущенно бормоча, профессор встал во весь свой невеликий рост. Он нервно одернул полы расшитого серебром камзола и кинул почерневший взгляд на дверь, за которой скрылась студентка. Смотреть на беловолосого демона, чья сила уже пробуждалась, змеясь тьмой, он не смел.

- Жалкое разочарование... - Тэусс вновь пригладил редкую бороду.

Довольный хоть тем, что смог кинуть эти слова как проклятие, он засеменил к выходу.

- Вы в точности выразили мои мысли, профессор! - добил его вдогонку Кристиан, заставляя замереть у порога. - Я, конечно, в курсе, кто распускает слухи о вашем непревзойденном мастерстве. И даже знаю, каковы суммы, вложенные в руки «восхищенных» вашим талантом. Но не думал, что вы в действительности уверуете в то, что это истина. Вы жалки, Тэусс. Даже артефакт на моей шее, которым так гордитесь, был создан несравненным красавцем Гарсом. Но выгодно было приписать его создание вам. Как и все другие, в угоду поддержания лжи и вашей бесталанности. Убирайтесь с моих глаз! А вы... - Кристиан повернул голову к молчавшему Гарсу. - Будьте хоть наполовину так уверены в себе, насколько талантливы! Вас ждут на занятии. Почему вы все еще здесь?

В кабинете заметно похолодало, а опасная тьма уже подбиралась к ножкам стола, выдавая настроение хозяина.

- Прошу про...

- Не просите, проклятье! - не удержался Рэйван. - Требуйте! Я не собираюсь поддерживать политику прошлых ректоров. И я не прикажу вам терпеть подобное лишь потому, что вы слишком молоды. Вы сохранили кланкеи, рискнув и привязав их к себе. Ваша сила настолько велика, что вы можете контролировать их все на полной территории академии. Вы не смогли отдать их, верно? В этот раз - не смогли. Единственным выходом было это безумие. И это делает вам честь, Гарс. Творите и дальше. Тень старика Тэусса не сможет перекрыть ваш свет. Недаром же половина первого курса очарована. Так ступайте же!

Преподаватель не ответил. Смятение плескалось в его голубых глазах. Гарс склонил голову в почтении и так же молча покинул кабинет, как и ранее профессор. Едва остались наедине, как Вильят ринулась к некроманту.

- Ты сошел с ума, Кристиан?! - Голос сорвался, благо за пределами кабинета никто этого не

слышал.

– Я устал от обилия двуличных мерзавцев, дорогая Селма, – кинул ей в ответ Рэйван. – Что с тобой происходит? Я никогда не видел тебя такой. Ты превращаешься в старую ведьму.

– Считаешь меня ведьмой? Не видел меня такой? Может, потому что никогда не смотрел? – возмущенно ответила Селма. – Студентка Лейвр не может перевестись! Иначе и я, и профессор Тэусс потеряем лицо. Это мое решение. Моя работа. Тебе не нужно вмешиваться в эти вопросы, иначе ты все разрушишь. У всякого действия есть свои причины. У всего есть свое место и порядок.

– Не ты ли умоляла меня образумиться и все изменить, Вильят? Я предупреждал тебя, что за этим последует.

– Так это месть мне?

– Нет!

– Я все больше убеждаюсь в том, что ошибалась, когда просила тебя об этом, – сдавленно проговорила Селма, прижимая ладонь тыльной стороной к своему лбу. – Ты не подходишь для Арда. И если не намерен меняться и действовать в интересах академии, то у меня не остается выбора. При всем уважении к Деверуксу.

– Что ты хочешь сказать? – Глаза Кристиана опасно сверкнули серебром.

– Ты сам знаешь, что я имею в виду. Я знаю, что ты хотел сам оставить этот пост, после того как на него вернется Деверукс, чтобы сохранить честь рода. Городские сплетни – это одно. Но совсем другое дело, если будет подано официальное прошение королю. Ты вынуждаешь меня прибегнуть к этим мерам. Если сейчас же не остановишься...

– Ты угрожаешь мне, Селма?

– Я спасаю то, что мне вверено.

Глава 7

– Я знала тебя еще подростком. И прекрасно помню, через что тебе довелось пройти. Ты был совершенно нелюдим, и Деверукс решил, что только силой можно вынудить тебя покинуть Харланд. Решил, что академия поможет тебе раскрыться. Но твой дед ошибался. И я ошиблась, решив принять его волю. Как я уже говорила, у всякого действия есть свои причины. У всего есть свое место и порядок, – повторила Вильят. – Ты слишком долго жил вдали от мира, не принимая ни его правил, ни порядка. Сейчас ты действительно считаешь, что поступаешь правильно. Считаешь, что добился справедливости. Я знаю, что у тебя доброе сердце. Но ты ошибаешься, Кристиан.

Она вздохнула.

– Гарс получил прекрасную возможность поддержать свой род, возможность преподавать в престижнейшей академии королевства, заплатив свою цену. Это его выбор. А родители студентов предпочитают верить, что их чада обучает умудренный годами и опытом старец. Поскольку таким им видится образ профессора и декана факультета. Это то, что они хотят видеть. Это то, во что они предпочитают верить. И они будут первыми, кто бросит в тебя камень, измени ты хоть что-нибудь.

Студентка Лейвр и правда очарована Гарсом. Я женщина, я вижу это по ее глазам. И именно это очарование вынудило ее пойти на необдуманный шаг. Я прекрасно знаю сложный характер Тэусса. Я все вижу, я не слепа. Но Лейвр имеет прекрасный потенциал. А открыть для нее все двери по окончании академии может только подпись Тэусса в дипломе и практика под его кураторством. Все это игра. Все это те правила, которые мы вынуждены соблюдать, чтобы был порядок. А ты сеешь хаос. Добро иногда принимает странные формы. Я надеялась, что ты поймешь это.

– И тогда примкну к вам? Ложь и притворство! Хочешь, чтобы я уверовал и играл в эти игры, Селма? Действительно хочешь видеть меня таким? Я буду не меньшим лицемером, если объявлю, что внезапно ощутил желание взять на себя ответственность за Ард. Но ты не так давно требовала этого от меня. Так отойди в сторону, Селма.

– Что ты собрался делать? – Голос Вильят дрогнул. – Думаешь, что я не решусь подать прошение королю? Напрасно!

– Угрожая мне, ты все же наивно надеешься на мою порядочность, Вильят? – Кристиан буквально опалил ее потемневшим взглядом. – Считаешь, что смиренно склоню голову и позволю тебе это?

– Король и так зол на тебя, – попыталась защититься проректор. – Ты попадешь в опалу. Тебе будет закрыта дорога в Деспин и во дворец! Так что остановись!

– Разочарую тебя, но повторю твою же фразу: «Все это игра. Все это те правила, которые мы вынуждены соблюдать». Именно поэтому вскоре король получит письмо от Синхелма, окропленное его кровью и отеческими слезами. Где бравый воин откроет его величеству душу и склонит в горе поседевшую голову, придумав очередную ложь. А я стану героем, который кинулся защищать бедную сиротку и воспитанницу любимца короля. Как думаешь, что скажет на твое прошение Ламон, когда узнает, что проректор Арда устраивала публичный самосуд, обвиняя бездоказательно дочь героя Синхелма в воровстве? Или держала короля за идиота все эти годы, вынуждая нахваливать коротышку Тэусса!

Вильят не перебивала его.

– Или мне поведать о твоём лживом восхищении ради пополнения казны Арда? Наш король весьма любит, когда ему лгут, не так ли? Совсем недавно ты лично могла в этом убедиться. И насчет твоих жарких речей о порядке в академии... Вы бы давно могли представить Гарса как гениального преемника и протеже Тэусса и готовить старику замену. И больше не нужно было бы этих ухищрений, Вильят. Но предпочли тешить его эго, пользуясь мягким характером молодого преподавателя. Что же касается студентки Лейвр, ты прекрасно могла побеседовать с нею лично, если бы действительно хотела вразумить и помочь. Но ты предпочла опозорить ее перед мужчиной, который ей не безразличен. А ведь в столь юном возрасте это убийству подобно. Даже я это знаю. Тэусс – негодяй и бездарь. Конечно же девчушка не вынесла и нескольких его занятий, при ее-то даре. Может, эти наивные каэли и вздыхают по ночам о кудрях Гарса, но предпочитают учиться у него благодаря таланту.

– Этого требовали обстоятельства!

– Не лги самой себе. Да, чуть не забыл... Скоро в Арде пройдет первый бал. Ты, дорогая Селма, убедишь старика Тэусса выступить с хвалебной речью в адрес Гарса и самому представить его как своего обожаемого преемника. Может начинать хвалить его прямо с сегодняшнего дня.

– Что? – ахнула Вильят.

– Более того, впредь ты будешь докладывать мне обо всех подобных ситуациях. И действовать в соответствии с моими указаниями, как ректора Арда. И только так. А уж я в свою очередь приму ответственность за последствия.

– Моя голова... – Селма прижала пальцы к вискам. – Мы обречены...

– Посети ардовского целителя, – посоветовал Кристиан, пройдя к двери и собираясь покинуть кабинет проректора. – Пусть пропишет тебе успокоительных капель.

Он вышел в коридор, собираясь идти к себе. Хотя нет... Сейчас лучше подняться на площадку и немного освежиться. Ему самому впору пить капли. Вильят обмолвилась, будто деда волновало, что творилось у него на душе. Деверукс исчез и устроил все это представление, чтобы озаботиться его благополучием? Да никогда не поверит в это! Никогда... Он был единственным внуком, а стал самым большим разочарованием.

С того проклятого дня, когда впервые убил, отомстив за отца. Когда едва не выжег собственное сердце, подняв на поле боя всех погибших. Когда и себя похоронил в той битве, поскольку душой так и не вернулся оттуда. С того дня он никогда не ощущал поддержки Деверукса. Ни единого доброго слова. Ни единого теплого прикосновения, позволившего почувствовать себя живым. Он был одинок все эти годы. Был тем, кто не умер, но и не выжил.

Первые слова, которые выкрикнул после стольких лет молчания, были адресованы Деверуксу. «Я никогда не подчинюсь твоей воле», – кажется, он произнес именно это. С тех пор и повторял, как заклинание, при каждом их разговоре, переходившем в ругань. Дед желал, чтобы он продолжил дело рода, уподобился ему. И сердце его вовсе не болело за единственную родную кровь.

Как он может быть счастлив в этом месте? Как может открыть душу, находясь здесь? Что хорошего может быть в Арде? Кристиан устало вздохнул, глядя, как дверь его кабинета со скрипом открылась настежь. Вот же... Кто-то из студентов постарался? Неумело прилепил на его кабинет печать с заклинанием «аруса». Чтобы дверь перед ним сама открывалась, стоило хозяину приблизиться. Да, видно, регулярно прогуливал занятия по рунным печатям, поскольку дверь теперь жила своей жизнью, открываясь, когда самой хотелось.

– Вот уж спасибо за заботу...

Нужно найти героя, сделавшего этот подарок, и заставить все исправить. Рэйван покачал тяжелой от усталости головой. Идя дальше по коридору, он привычно ощутил колебание собственной силы и немного приподнял левую руку. Быстрая тень скользнула по рукаву, собираясь нестабильной тьмой на его плече. Кристиан усмехнулся, продолжая следовать к лестнице.

– Как дела у твоей новой хозяйки? – спросил некромант непоседливого духа.

Глаза Зиля затлели, он выпустил острые как бритва когти, впиваясь ими в рубашку Рэйвана. Хвост марага обвился вокруг его руки. Идя по широким ступеням лестницы, Кристиан почувствовал, как вновь отзывалась его суть, принимая послание фамильяра. Тревога, смятение, жгучая тоска, страх одиночества – все это полоснуло словно когтями.

– Она страдает... – неслышно, одними губами произнес Рэйван, спускаясь вниз.

Лестница казалась бесконечной. Пройдет время, и эта рана станет старым шрамом, будет ныть иногда, как боевая, отзываясь на непогоду. Но сейчас слишком свежа. Кристиан отпустил духа, повелев возвращаться к хозяйке.

Он снова подумал, была бы Ванда куда счастливее, не согласись он в Беренгарде на условия Синхелма. Возможно, тогда она не узнала бы всей горькой правды. Все же Синхелм странный человек. Казалось, что все, чего хотел, – сохранить свою геройскую репутацию. Сохранить до конца. Ведь в итоге получается, что он прямо святой отец. Для всех он тот, кто воспитал сироту. И даже не стал заключать договорной брак, дав шанс дочери продолжить обучение в королевской академии. А уж она – сплошное разочарование. Ни благодарности, ни смирения, как подобало бы юной каэли.

Отчего же Синхелм так желал, чтобы дочь сама взяла на себя всю вину за происходящее? Ведь он явно хотел, чтобы Ванда винила только себя в неудаче. Кристиан ощутил неистовое желание иссушить заклинанием Синхелма и заполучить его память. Что же хранил в душе этот человек?

В какой-то момент, уже и сам не понимая как, Рэйван оказался перед входными дверьми, ведущими во внутренний двор замка. Большой перерыв еще не завершился, и большая толпа студентов грелась на солнце. Более разумные наслаждались тенью беседок. Те, что не могли усидеть на месте, плескали друг в друга водой из фонтанов, бродя босиком по их каменным широким бордюрам. То тут то там слышался смех и делано испуганный писк девиц.

Мрачной тенью, едва не заставлявшей увядать яркую траву под ногами, Кристиан прошелся по

двору. Остановился в центре, чувствуя, как чья-то робкая магия коснулась его. Рэйван заметил несколько разбуряженных студенток, шептавшихся под громадным старым деревом у беседки. Упирая кулаки в бока, некромант ощутил, как свежий ветер принялся ласкаться, порывами заставляя трепетать ткань рубашки. Он подхватывал пряди белых волос, да так, словно кто-то перебирал их пальцами. Через мгновение позади ректора взмыли в воздух прозрачные струи фонтана, переплетаясь и сверкая на солнце причудливыми крыльями.

Что они творят? Совсем страх потеряли? Слушая вполуха шелестевший тихий шепот, Кристиан сурово сдвинул брови.

– Тот, кто испортил дверь ректорского кабинета! – грозно заговорил некромант, овеваемый теплым ветром. – Если ни на что лучшее не способен, кроме как сквозняки устраивать, уж лучше и вовсе не ставить печать. Даю сутки, чтобы заклинание было выполнено безупречно. Иначе я сам найду виновника.

Рэйван прошествовал обратно к замку, постаравшись распугать воспитанников Арда змеившимся по его следу черным туманом. Даже велел ему собраться пугающими черепами, напустив могильного холода. Вы только посмотрите на них... То собирают все нелепейшие сплетни, приписывая ему все существующие грехи. То обнаглели настолько, что решили своей непутевой магией заботу проявлять. Поди пойми этих шумных надоед...

Глава 8

Давая коню напиться, Яр спешил. Он опустился у кромки воды на колени, собираясь умыться. Уже совсем стемнело. Только ночное небо рассыпало свои яркие звезды, да плескалась в реке стая уоки – мелких рыбешек, бледно светившихся в темной воде. Носились между стеблями лилий, словно неугомонные духи. Ночь, а все еще душно. Умыв лицо и шею, Яр поднялся во весь рост, прислушиваясь к шумевшему за спиной лесу. Все звуки были привычными. И шелест листвы на высоких яльмарах. И тихая, прерывистая песня серокрылой айки, где-то там, высоко в ветвях. Вот она вспорхнула, и сухая кора посыпалась вниз.

Яр придержал поводья, поворачиваясь и глядя вдаль на извилистые берега Валмидоры. Здесь течение было совсем тихим. Огромные листья речных лилий мерно покачивались на спокойной воде. А сладкий аромат цветов дурманил голову, особенно в этот час, особенно в духоту.

Вода стекала за шиворот, вынуждая вздрогнуть. Яр потянул за шнурок, висевший на шее. Холодный медальон скользнул по груди, но никаких необычных ощущений не вызвал. Томаринец не обладал и каплей магии, что порой создавало немало проблем. Особенно когда приходилось скрываться или, наоборот, выслеживать цель. Однажды полукровка Хельга, прибывшая к разбойничьему клану, вручила ему этот медальон. Якобы тот должен подать сигнал в случае использования кем-либо поблизости магии. Легкая вибрация, а порой и жжение позволяли определить, что стоило ожидать атаки.

Учила Хельга многому, сама являясь инрэйгом, пусть и не чистой крови. Яр никогда не спрашивал, что привело ее в томаринские леса. Но уже давно привык доверять ей, не раз проверив в бою.

Некоторые из охотников, с которыми схватился некромант в трактире Джухайна, обладали магией земли. Яр чувствовал слежку в городе, прекрасно понимал, что некоторые ищейки были людьми ректора Арда. Но вот другие... Эти охотники наверняка не отступят. Особенно когда идиоты решили, что так близки к завладению томаринской печатью. Они продолжают слежку. И именно этот факт вынудил разбойника выбрать путь, пролежавший по берегу реки.

Как учила Хельга, для мага земли вода не лучшее соседство. Ибо буквально растворяет его магию, ослабляет. А тут целая Валмидора. Земляных надлежит убрать... Такие никогда добровольно не остановятся. Но, будучи простым смертным, Яр не обладал силой, способной противостоять магам. В отличие от инрэйг, которой послушно было все живущее в лесу, от зверя до колючих зарослей маслинника.

То, что он больше не один, Яр понял, уже возвращаясь в лес. Слишком тихо стало, будто он в какой-то момент напрочь утратил слух. В груди запекло, словно кто-то приложил жаркий уголь к голой коже. Артефакт сработал. Выругавшись беззвучно, Яр увидел, как стали приподниматься на дороге мелкие камешки, зависая в застывшей пыли. Земля под ногами едва ощутимо задрожала. Чувствуя опасность, конь привстал на дыбы, вырывая поводья из руки томаринца. Он отпустил, позволяя коню отбежать, прекрасно понимая, что это позволит ему избежать гибели.

Яр кинулся к спасительным деревьям как раз в тот момент, когда смертельный град камней обрушился на него. Один задел скулу, второй рассек плечо, еще несколько оставили порезы на ногах. Разбойник схватился за шершавую ветку яльмара, изловчился и подтянулся, забираясь на нее.

– Эй! Томаринец! Глупо зря тратить время. Просто отдай мне ее, – слышался хриплый голос мага. – Обещаю, что в таком случае твоя смерть будет легкой.

– Какая щедрость... – пробормотал Яр, быстрым взглядом окидывая окружающие деревья.

Острый слух помог расслышать приближение еще как минимум двух противников. Оставалось надеяться, что они окажутся простыми смертными, как и он сам. И что кое-кто поторопится, как и уговаривались.

Темно. Он легко мог уйти от обычных преследователей. Но едва делает шаг по земле, как маг почует его. Не даст сойти с места, образуя подобие магической трясины. Земля поглотит его. Нужны деревья. Высокие. С удобными ветвями. Держась за ствол, Яр сжал в свободной руке один из своих клинков.

– Не испытывай мое терпение! – Голос переместился, и это говорило о том, что враг обходил его.

Сообщник мага напал с другой стороны, надеясь, что разбойник отвлекся. Яр отреагировал мгновенно, ожидая чего-то подобного. Кинжал нападавшего вонзился в ствол рядом с его плечом, но разбойник успел увернуться. Его нож метнулся в ночь, блеснув серебром. Слышался хриплый вскрик и черный силуэт дернулся у зарослей, медленно оседая на землю.

Один был ранен как минимум. Дрожь в земле усилилась, и сверху на их головы посыпалась старая кора да сухие тонкие ветки. С пронзительными вскриками откликнулись ночные птицы, улета прочь. Конь встревоженно заржал где-то вдалеке.

– Отдай ее! – теряя терпение, выкрикнул маг. – Иначе познаешь всю мою силу!

Яр криво ухмыльнулся, отгоняя подкрадывающийся страх. Маг знал, что рядом с рекой, увы, вовсе развернуться не мог. Но и этого достаточно, чтобы как минимум забить его камнями до смерти.

– Где тебя носит? – тихо пробормотал разбойник, шурясь и вглядываясь в окружающий лес.

Яр уловил движение впереди, затем справа. Что ж, оставаться на месте больше смысла не было. Ближайшее дерево и ветви на нем оставляли небольшой шанс на удачу. Дорожная пыль и камни вновь были подняты магом с дороги, включая те, что разбросаны по лесу. Они замерли смертельными снарядами, ожидая неосторожного движения томаринца.

– Проверим твоё везение, приятель! – Яр шумно вдохнул полной грудью, изловчился и спрыгнул в темноту внизу, в последний момент все же ухватившись за ветку.

Ободрал кожу на ладони, но сжал ее крепче, пытаясь удержаться второй рукой и подтянуться. Сбивая листья и мелкие ветки, град камней пронёсся по ночному лесу. Яр стиснул зубы, получив ощутимый удар в спину. Внизу послышался вскрик преследователя. Маг не удосужился выставить щит на своих сообщников? Ему было плевать и на них.

Томаринец не стал ждать продолжения атаки, уже высмотрев следующую цель, и устроился удобнее на широкой ветке. Прыжок!.. Спина нестерпимо заныла, но удалось. Камни вновь ожили, несясь за жертвой. Наконец Яр смог разглядеть земляного. В темной накидке с глубоким капюшоном, маг остановился на поляне, даже не пытаясь скрыться от томаринца. Поднимая руки ладонями вперед, он принялся бормотать очередное заклинание.

Яр услышал треск. Ощутил, как вздрогнуло, словно живое, дерево под его руками и подошвами ботинок. Земля тоже пришла в движение, едва не идя волнами, шелестя высокой травой.

– Где печать? – выкрикнул маг, и дерево, на котором находился разбойник, принялось с треском клониться к земле.

Нож сейчас был бесполезен... Сверкавший вокруг земляного щит убеждал в этом прекрасно. Падая вместе с деревом, Яр попытался схватиться за соседнюю ветку, но в этот раз не повезло. Рука поймала пустоту, и через мгновение он рухнул на землю, сипло вскрикнув, чуть не придавленный выкорчеванным яльмаром. Получив свою добычу, земля принялась тянуться к его ногам и рукам, словно собираясь погрести разбойника заживо. Томаринец попытался приподняться, понимая, что острая боль в груди не позволит этого. Наверняка повредил ребра при падении. Прекрасно...

Вторжение конкурирующей магии он заметил не сразу. Только вновь пытаясь пошевелиться и выбраться из холодного плена земли, Яр поднял взгляд к ночному небу. Рой светящейся мошкеры уж слишком неестественно принялся кружить над этой частью леса, выстраиваясь идеальным кругом. Затем еще одним и еще... Он знал только одного человека, который мог использовать для создания печати простую лесную мошкату. Взмах тонкой руки – и между кругами вспыхнули золотистые знаки. Инрэйг резко опустила руку ладонью вниз, и лес ожил, зашевелился, пришел в движение, встряхиваясь диким зверем, выходящим из спячки.

Старый трухлявый пенёк приподнялся со своего векового места и засеменял на тощих корнях к Яру. Скрипя и осыпая его лицо трухой, принялся откапывать томаринца, пытаясь освободить из плена. Поваленный яльмар вновь поднимался, упираясь ветвями в мягкую землю, будто громадными руками. Мощные корни пробивали сырую почву, уходя обратно и позволяя дереву встать на прежнее место, едва не задевая Яра.

– Ты настолько жалок, что привел девку сражаться за тебя, томаринец? – хохотнул земляной, но вышло несколько криво.

– Ты настолько глуп, что сунулся в томаринские леса с парочкой смертных? – прозвучал мелодичный голос.

Яр ухмыльнулся, но тут же прижал руку к груди, где ныли ребра.

– Не очень-то ты торопилась, – просипел он, глядя на подругу.

Пень, будто изрядно потрепанный пес, уселся рядом с разбойником.

– Разве я не вовремя? – не сводя яркого золотого взгляда с мага, отозвалась Хельга.

Они схватились, каждый призывая свою силу. Земля взорвалась, пошла волнами, заставляя валиться деревья, которые моментально сплетались там, в вышине, густыми кронами, удерживая друг друга и не давая упасть. В воздухе остро запахло свежим деревом и сырой землей. Укрывая голову, Яр смотрел, как гибкие корни яльмаров вырывались из-под земли, змеясь и подбираясь к земляному. Вода в реке дрожала, и бледно-сиреневый туман пылицы растревоженных лилий поднимался над ней.

Маг вновь попытался призвать свою силу, зло выругавшись, когда сверкающий щит побледнел перед ним. Корни настигли его, повинувшись хозяйке, опутывая и удушая. В какой-то момент лес снова затих. Яр поднялся во весь рост, широко расставив ноги, чтобы удержаться. Теперь он в полной мере мог ощутить каждую полученную рану, поморщившись и зайдясь сиплым кашлем.

Веля своим лесным помощникам вернуться в первоначальное состояние, Хельга приблизилась к другу. Давненько они не виделись... Прибавился свежий шрам у брови, что заставило Яра хмуриться. В черных одеждах томаринцев она походила на тень. Только яркие глаза да огненные волосы оживляли образ, который Яр бережно хранил в памяти. Где-то там, далеко в сердце. Молча...

- Ты опоздала, проклятье, - проворчал он.

Хельга не ответила, схватила его за ворот куртки, перепачканной землей, и притянула к себе. Ее губы прижались к его губам, не давая отстраниться. Да томаринец особо и не желал этого. Чувствовал, как многочисленные раны перестало нестерпимо жечь. А ребра уже давали возможность мало-мальски нормально дышать.

Глава 9

В отблесках огня, разведенного в небольшой пещере, волосы Хельги казались продолжением пламени. А глаза блеснули золотом, словно у дикого зверя. Яр снял испорченную куртку и стянул рубаху, подставляя раненую спину умелым рукам подруги. Порезы затянулись, но те, что поглубже, все еще кровили. Яр не мог позволить ей истратить всю драгоценную силу на него. Оттого и повел плечами, отстраняясь, стоило Хельге вновь попытаться использовать магию.

– Повязки будет достаточно. Затянутся сами.

– Что вынудило тебя задержаться в городе? – сдаваясь, спросила женщина, разрывая тонкие полоски ткани и осторожно вытирая рану на спине друга. – Ты никогда так подолгу не оставался в Валмире. Учитывая присутствие короля, твое поведение вообще смахивает на безумство.

У входа в пещеру нечто заскреблось, словно когтями по камням, и послышался тихий скрип. Затем, преспокойно обходя охранную печать, ввиду одной и той же магии, к ним из темноты засеменил уже знакомый старый пень. Подобрался на изогнутых корнях к огню, стряхнул труху и присел, будто уставший путник. Хельга вздохнула, глядя на нежданного визитера.

– Совсем забыла о тебе, дружок.

Она уже собиралась прекратить действие магии. Но пень всем своим видом выразил немой упрек, и инрэйг махнула на него рукой.

– Утром сделаешь это. Пусть прогреется, – понимая, как странно прозвучали его слова, отозвался Яр.

– Кажется, ты завел приятеля, – устало усмехнулась Хельга. – Но ты так и не ответил на мой вопрос.

– Я думаю. – Яр перевел дыхание, стараясь не показать подруге, что ребра все еще саднили. – Я почти уверен... Нет, проклятье, я уверен, что нашел ее! Мне так кажется, Хельга.

Закончив управляться с его ранами, она опустилась на каменный пол пещеры рядом с Яром, принимаясь глядеть на костер.

– Хочешь сказать, что ты задержался, поскольку нашел Трин? – Она недоверчиво посмотрела на томаринца. – Ты уверен, Яр? С тех пор как кто-то распустил слух о существовании печати, без конца появляются охотники, желающие ее заполучить. Идиоты действительно верят, что она якобы откроет им доступ к сокровищам Томарина, награбленным разбойниками. Они идут на любые уловки.

– Я знаю. Томаринской печати нет. И никогда не было. Как нет и никаких сокровищ. Пьяная болтовня в трактире и не такие небывлицы порождает. Мы никогда не реагировали на попытки кретинов-охотников раздобыть то, что не существует. – Яр приблизил ладонь к огню, задумавшись ненадолго. – Но все они как один пытались поймать кого-нибудь из томаринцев и вывести «тайну». На этот раз все иначе. На этот раз явилась девушка. Что-то кольнуло здесь, понимаешь?

Яр коснулся своей груди нагретым у огня кулаком.

– Сам не понимаю, отчего появились такие наивные мысли. Но в тот вечер я прихватил старый ящик и согласился прийти на встречу. Помощник трактирщика сказал, что пришла девушка. Студентка Арда. В сопровождении самого ректора академии. Это не была простая уличная девка, которая сыграла бы что угодно за горсть монет. И у нее был знак на руке. Не татуировка, а нарисованный свежими чернилами. Она смогла открыть ящик, Хельга. Ты можешь представить мое изумление?

– Смогла открыть? – нахмурилась Хельга. – Она студентка этой проклятой академии? У богов странное чувство юмора... И что же? Трин признала себя дочерью Броза? Чего желает? Каковы ее намерения? Говори же.

– Когда мы виделись в последний раз, меня вежливо отослали подальше с явной надеждой больше никогда не встретиться.

– Что? – удивилась подруга, бросая в огонь использованные бинты.

– Она похожа на отца. Тот же упрямый взгляд. На мать совсем немного... И она не узнала меня. Я мог измениться за прошедшие годы, но ведь не настолько. – Голос Яра охрип и стал тише. – Кажется, она ничего не помнит, Хельга. Но это еще не все.

– Что же?

– Она зовет себя Вандой Синхелм.

Томаринец поднялся вслед за подругой, когда та сорвалась с места, сверкая гневным взглядом.

– Синхелм? – Губы Хельги презрительно изогнулись.

– Эта девушка считает его отцом, – с трудом договорил Яр.

– Проклятье, Яр! На тебе чары? Навели морок? Или ты сошел с ума? – возмутилась разбойница. – Хочешь, чтобы я поверила во все это?

– А что прикажешь мне делать? Я не имею магии. Могу взломать практически любой обычный замок, но не знаю вашей силы. А она смогла открыть ящик под охранной печатью. На это был способен только Броз, поскольку сам поставил печать. И я видел, как маленькая Трин делала то же самое, когда прятала там сушеные цветы, пока отец не видел. Броз разрешал ей. А малышка думала, что смогла перехитрить его защиту. Поэтому я и взял ящик с собой – чтобы проверить. Как объяснишь это? – Яр вопросительно посмотрел на подругу.

Он потянулся за рубахой, надевая ее вновь и подкатывая рукава.

– Эта девушка не искала никаких сокровищ. Она не похожа на охотницу. И некромант при ней как тень. Я не верю в обман или хитрость. Прошу тебя рассказать об этих новостях Калвагу. А мне нужно вернуться в город.

– Думаешь, я дам тебе просто так уйти в Валмир, после того как сказал, что объявилась та, кто зовет себя дочерью Синхелма? – Хельга сжала кулаки.

Ненависть ее была так сильна, что волосы наливались цветом. Казалось, еще немного, и вспыхнут, как пламя за спиной.

– Все может оказаться вовсе не тем, чем кажется, Яр. Что, если в этот раз охота ведется не за печатью? Что, если все это очередная попытка Синхелма...

– Я должен убедиться в этом сам, – твердо ответил Яр.

Он приблизился к Хельге и опустил руку на ее плечо, глядя в янтарные глаза.

– Остались только вы с Калвагом, – глухо проговорила она. – И больше не будет никого, кто сможет открыть правду.

– Ты ведь знаешь... – Яр тепло провел поцарапанной рукой по ее волосам. – Никто не станет слушать двух разбойников, каковыми мы сейчас считаемся. Все, что нам остается, – это надежда. И вера. Вера в то, что однажды Томарин вновь оживет и обретет свое сердце. Это будет лучшей мезтью всем демонам, что глядят на нас из прошлого. И будет лучшим доказательством. Я готов рискнуть, Хельга. Что моя жизнь? За нее давно объявлена цена, и объявления расклеены по всем столбам Валмира. Мы не можем отступить. Мы искали все эти годы, но ошибались, искали не там. Он забрал Трин. Это был он. Поэтому не могли найти ее. Ты ведь понимаешь, что это шанс.

– Этот шанс может стать твоей гибелью, – мрачно ответила Хельга. – Я иду с тобой в город.

– Я справлюсь сам.

– Сегодня ты меня не убедил!

– А вот это было нечестно... – Яр потер небритую щеку возле пореза и прошел к выходу из пещеры.

Он прислонился плечом к холодным камням, сложил руки на груди и услышал, как треснул рукав в месте, где был ранее порван. Томаринец поглядел на шумевшие верхушки яльмаров. Они четко выделялись на фоне предзакатного неба, начинавшего светлеть у горизонта.

– Скоро они зацветут. Как в тот день, когда Трин появилась на свет, – задумчиво произнес Яр. – Как думаешь, если она увидит это, сможет вспомнить?

– Яр... – Хельга остановилась рядом.

– Да?

– Я знаю, как ты был предан Брозу. И знаю, как был предан его семье. Но даже если эта девочка действительно Трин, то прошло больше десяти лет. И если не помнит прошлого, все это время она была во власти Синхелма. Была воспитана им. Считает его своим отцом. Верит каждому его слову.

– Я понимаю, Хельга, – сухо заговорил Яр, повернувшись к подруге. – Оттого и хочу все выяснить. Но если в человеке есть благородство – этого не скрыть. А в ней оно есть. Синхелм наверняка использует ее. Нужно проследить. Нужно вернуться в Валмир.

Пень поскребся корнями и проковылял к ним, будто собрался присоединиться к компании.

– Ступай, дружок! – Хельга махнула рукой, жестом провожая лесного старика.

Поднимавшееся солнце делало небо все прозрачнее, разбавляя ночные краски. Зачарованный пень в последний раз замер на пороге пещеры, словно прощаясь, и покачиваясь побрел к лесу. Там, достигнув мягкой сырой земли, укрытой слоем опавших листьев, он усердно принялся окапываться на новом месте. Затем, спрятав старые уставшие корни, задремал, словно потрепанный зверь.

Только звонким утром, когда первые лучи солнца скользнули по укрытой росой траве, на обломанной ветке зазеленела пара молодых листьев. Небольшая надежда. Она нужна каждому. И старому пню, и лесному разбойнику.

Глава 10

Дожди не прекращались уже вторую неделю. И без того полноводная Валмидора выходила из берегов, превращая город и его окрестности в подобие острова. Растревоженные непогодой топ-шу носились в грозовом небе, блестя чешуей и наводя тоску. Обуздать реку дело нехитрое для опытных магов. Но приказом Ламона это запрещено ввиду возможного нанесения вреда драгоценным речным драконам. Вот и заливала Валмидора луга, заставляя дикую живность подбираться ближе к городу, а птиц оккупировать террасный сад в Арде.

Краснокрылая таллула, устроившаяся с птенцами на дереве перед их окнами, доставала обитателей общежития уже третий день. Спускалась на подоконник и своим длинным белым клювом стучала в стекло, нагло требуя угощения с самого рассвета. Угомонилась, лишь когда Зиль как следует рыкнул, материализовавшись у окна. Таллула унеслась прочь, теряя яркие перья, сверкавшие как пламя.

Время шло, но от короля или отца не было вестей. Разгулявшаяся стихия тому виной? Или их правитель тянул время, испытывая нервы на прочность? Ванда устроилась на подоконнике в комнате общежития. Прислонилась головой к холодному стеклу и наблюдала за непрекращающимся дождем.

Ивон умчалась в библиотеку, уже неделю не имея сил скрыть свою радость по поводу сделанного профессором Тэуссом объявления. Ну надо же, совершенно внезапно злобный старикашка собрался на заслуженный отдых! И совершенно случайно именно в тот момент, когда Ивон едва не собралась вешаться на собственных косах от отчаяния.

Кристиан решился на переворот в академии? Ванда ощущала тревогу. Не грозит ли это чем-нибудь ему самому? Потревожив змеиное гнездо, будь готов к тому, что тебя захотят укусить. И так беспрестанно мучило чувство вины за то, что Кристиану пришлось рисковать своей головой перед королем. И чем дольше отсрочивался ответ Ламона, тем сильнее становилось это чувство.

Каждый вечер, как Кристиан и велел ранее, она являлась к нему с докладом. Ванда прекрасно знала, что некромант читал ее без труда и понимал все чувства, что таились в душе. Но все равно заставлял пересказывать во всех подробностях события прошедшего дня. Заставлял говорить и говорить, пусть Ванда и злилась. Сначала девушка сочла это наказанием. Но потом поняла, что только так сын Смерти мог исцелять ее. Рэйван просто не оставлял ей времени терзать себя мрачными мыслями. А если его не было рядом, то всю работу за жениха усердно выполнял Зиль.

Особенно нравились духу занятия в корпусе боевых магов. А именно тренировочные площадки. Казалось, мараг впитывал в себя исходящую от хозяйки энергию, ловя каждое движение Ванды и не сводя с нее горящих глаз. Все призрачное тело фамильера напрягалось, когти буквально впились в камни. И зверь наблюдал, наслаждался боем, пусть и тренировочным. Выглядел так, будто и сам не прочь присоединиться к живым. Но сдерживался, оставаясь на месте и подчиняясь приказу хозяйки.

И, что настораживало Ванду еще больше, явно увеличивался в размерах. Она прекрасно знала, как выглядят взрослые особи марагов. Дикие, чудовищного размера звери способны убить одним ударом лапы. Но стоило боевому пылу Ванды утихнуть после тренировки, как вредное существо сжималось беспокойным комком, вновь устраиваясь на ее плече.

Что ж, одно занятие было отменено из-за плохого самочувствия преподавателя, но свободное время заканчивалось. Ей вновь нужно покинуть общежитие и спешить. Следующая лекция у каэля Торина Морруса, преподающего у них рунологию. И был он так стар, что делалось невозможным перемещение его на кланкее. Оттого и преподавал боевому факультету в аудитории основного замка.

Но хотя и льет дождь, приказ Хэйла о самостоятельной подготовке никто не отменял. После занятий придется лететь на тренировочные площадки. Ванда была этому рада. Поупражняться с тонуканом – самое то. Тогда не останется сил предаваться тоскливым мыслям и мучительно ожидать известий из столицы.

Покидая комнату, Ванда направилась по коридору к проходному залу, собираясь там подняться по лестнице в нужное крыло замка. Благодаря непогоде и сверкавшим в небе молниям Ард выглядел как никогда мрачно. Старинные доспехи, украшавшие коридор в простенках между окнами, только усиливали этот эффект. Их потемневший металл поблескивал при вспышках молний. Казалось, что вот-вот воины оживут и сойдут со своих каменных пьедесталов.

У лестницы было оживленно. Но Ванду радовало, что при ее приближении уже не смолкали так резко. Меньше стало и смешков и унижительных словечек, брошенных вслед. За пару недель новости приелись. Что ж, во всем есть свои плюсы. Нужно замечать каждый, иначе нервы не выдержат.

– Синхелм! – послышался знакомый голос, и тяжелая рука обхватила за плечи, едва Ванда поднялась на ступеньки.

Не успела она обернуться к обнаглевшему Шагриму, как Зиль сработал раньше. Материализовался перед лицом товарища и предупреждающе зарычал. Осторожно Талл убрал руку, для надежности спрятав ее в карман штанов. Довольный фамилляр сверкнул глазами и растаял, решив, что справился с работой. Причем с таким усердием выполнял ее, только когда приближался Шагрим. Было ли это совпадением? Ванда вздохнула, понимая, что уж точно нет.

– Лекцию Моррус будет читать в аудитории на втором этаже. В расписании внесли изменения, – предупредил Талл.

И когда успели? Ванда не сдержала улыбки, проходя мимо колонн небольшого зала. Замечая знакомое свечение, она увидела Лейтона. Умай оставил работу и кивком ответил на приветствие. Ванда махнула молчаливому приятелю, держа в руке прихваченные в комнате тетради, показывая, что продолжала изучать их. Лейтон, словно простой уставший человек, прислонился плечом к колонне, провожая Ванду взглядом. Его светящийся силуэт мягко замерцал, сгущаясь. А через мгновение он уже стоял, практически обретя истинный облик. Лейтон прижался спиной к холодным камням и, казалось, даже ощущал их холод. Проклятье... Чувства так переполняли его, что не смог контролировать себя.

Разбитые губы с засохшей на них кровью дрогнули. Мужчина закрыл глаза. Он оставался без движения до тех пор, пока его вновь не охватило призрачное сияние, превращая его в ардовского прислужника. Да, это то, кто он есть теперь. Вернее, то, *что* он есть. Он – умай. Неупокоенная душа. Он мертв. Давно мертв, хотя боль и не ушла никуда. И он должен сдерживаться. Как бы невыносимо больно ни было...

В огромной аудитории было, как всегда, шумно. Всех первокурсников боевого факультета собрали вместе, объединяя некоторые занятия, включая и рунологию. Половина помещения оставалась полностью свободной – каменная, лишенная окон. Они были лишь в другой части аудитории. Кафедра темного дерева находилась там же, а перед нею полукругом располагался длинный стол. За ним и сидели в один ряд студенты, внимая тихому голосу казля Торина Морруса. Пожилой тучный мужчина двигался неспешно, прохаживаясь перед первокурсниками. Голос еще ни разу не повысил. Но отчего-то вызывал желание слушать молча, не мешая болтовней.

По правую руку от Ванды сидел Шагрим. Он подмигнул девушке, когда она глянула на него. Слева устроился Нейл Димер, силясь сосредоточиться на словах преподавателя и время от времени зевая в кулак. Ванда сложила руки на груди, ощущая спрятанные под курткой наручи и таким образом чувствуя поддержку Лейтона.

– Каждый может написать руны. Даже простой деревенский мальчишка, – неспешно продолжал говорить Моррус.

Иногда его голос прерывался раскатами грома, а седина казалась более яркой в свете зачарованных огней и сверкавших молний.

– Каждый из вас научился писать их еще в раннем детстве. Но заставить знаки служить, ожить, откликнуться – это уже другое дело. Для этого требуется сила, сокрытая в каждом из вас. И я сейчас говорю не только о магии, что течет в крови воспитанников Арда. Руна как зверь – она чувствует своего хозяина. Либо вы повелеваете ей, либо сгодитесь лишь на то, чтоб выводить каракули в тетрадах. Твердость духа! – Торин ткнул в их сторону толстым пальцем. – Твердость духа, господа студенты! И высшая ответственность за каждого дикого зверя, выпущенного вами в свет.

Как обычно, немного пофилософствовав, толстяк Моррус приближался к темной стене и творил свою магию. Будучи земляным, он проговаривал заклинание, неспешно проводя рукой, повернутой ладонью к стене, и оживлял ее. Точнее, оживали камешки практически идеальной круглой формы, которые до этого обрамляли стену своеобразным контуром. Приходя в движение, они собирались в причудливые узоры, повинувшись силе мага. Очередной огромный рунный знак возникал перед студентами, четко очерченный благодаря бледно осветившимся камням.

– Знак Тарус – земля, – шумно вздохнул преподаватель, явно уже мечтавший присесть и дать отдых ногам. – В сочетании с линейкой знаков Итгарм обозначает привязку. К предмету либо к живому существу.

Слушая объяснение, Ванда торопливо записывала. И время от времени локтем толкала в плечо Нейла, когда тот уж совсем начинал клевать носом. Чем всю ночь занимался, раз не выспался? Димер что-то невнятно бормотал в ответ, порываясь сосредоточенно выводить те самые, ранее названные Моррусом каракули в тетради. Глядя на эти письмена, Ванда не удивилась бы, призови Димер некую проклятую сущность в аудиторию. Хорошо, что он не являлся некромантом...

Глава 11

К концу занятия дождь почти стих, хоть небо в рваных темных облаках и предупреждало, что радоваться рано. Гигантские лужи блестели по всему двору, на это Ванда обратила внимание, выглянув в окно. У нее был неплохой шанс добраться до тренировочных площадок до того, как погода вновь испортится. Ужин можно и пропустить. Тогда останется больше времени на тренировку. Сила практически полностью возвратилась, и она не была истощена. Этим необходимо воспользоваться и наверстать упущенное время. Ванда прошла мимо столов к выходу из аудитории.

– Как все же быстротечно время, – проговорил у кафедры Моррус.

Ванда обернулась, не уверенная, что преподаватель обращался именно к ней. Может, старик просто предавался размышлениям вслух, что порой и происходило. Но смотрел на нее.

– Я помню вашего отца совсем мальчишкой, стоявшим в этой аудитории передо мной. И вот теперь наблюдаю за тем, как дочь Фемира Синхелма постигает науки Арда. – Маг тихо и как-то устало улыбнулся, опираясь широкой ладонью о край скрипнувшего стола.

– Вы учили моего отца? – Ванда сделала шаг к Моррусу. – Каким он был в ту пору?

– Беспокойным, как и все мальчишки.

– Он был одним из лучших студентов. Я привыкла слышать это, – повторяя за преподавателем, улыбнулась Ванда.

– Он был одним из тех, кто упрямо стремился к этому, – несколько уклончиво ответил Моррус. – Эта троица в свое время наделала много шума.

Давая уставшим ногам отдых, маг опустил в скрипнувшее под его немалым весом кресло.

– Троица? – Ванда подошла и остановилась рядом с ним, опуская тетради на кафедру. – Я считала, что у отца был один близкий друг – Эрвиг Фергас.

– Нет. – Моррус задумчиво покачал седой головой. – Отчего же один? Трое их было. Все с факультета боевой магии. Огнетворцы. Фемир, Дэнвей и Фергас. Да. С первого курса как сдружились, так и все время вместе...

Моррус замялся, вытащил из кармана белоснежный платок и промокнул лоб.

– На пятом курсе твой отец возглавил студсовет. Эрвиг был при нем заместителем. Все трое входили в десятку лучших студентов Арда. Фемир занимал первое место. Эрвиг – четвертое.

– А Дэнвей? Отец никогда не упоминал о нем, – удивилась Ванда. – Он тоже преподает в академии? Или как отец – на службе короля?

– Не упоминал? – несколько поник Моррус. – Дэнвей был вторым. Особых амбиций у него не помню. Но учеба, в общем, давалась легко. Наверное, это несколько расстраивало товарищей, которые прилагали немало усилий. Дэнвей был другим. Ему стоило родиться инрэйгом. Характером на них походил больше. Возможно, и судьба бы сложилась иначе. Но его руки приняли огонь...

– Почему вы говорите с таким сожалением? – поинтересовалась Ванда.

Ворвавшийся в открытое окно сырой ветер едва не сбил тетради на пол. Она подняла их с кафедры, ровной стопкой прижимая к груди. Моррус не спешил ответить на вопрос. Казалось, преподаватель и сам был не рад, что начал этот разговор.

– Тот год был полон сожалений, – наконец проговорил маг. – Пусть они остаются в прошлом. Но все же жаль, что после выпуска Фемир ни разу не навестил Ард. Я хотел бы его увидеть. Эрвиг остался. Справился. Ну что же я все по-стариковски ностальгирую? Память она такая – помнишь то, что хотел бы забыть, и забываешь то, что так необходимо. Например, я совершенно забыл, что меня ждут на третьем этаже, у казля Хаммуса. Это куда не годится. А вас, юная казля, кажется, ожидают товарищи. Вон истоптали весь порог.

Маг, кряхтя, поднялся, еще раз промокнул лицо платком, затем затолкал смятый лоскут ткани в нагрудный карман.

– Я прошу простить мое любопытство. Но мне хотелось узнать об отце больше. Вы могли бы рассказать мне о его учебе в Арде? Когда выдастся свободное время. Обещаю, что надолго не отвлеку вас, – с надеждой проговорила Ванда.

– Давно это было. Так давно... Что толку поднимать пыль? Идите, Синхелм. Учитесь прилежно.

Тяжело ступая, Моррус первым неспешно покинул аудиторию. Ванда смотрела ему вслед, чувствуя некоторое разочарование. Пытать старого мага не могла. Но любопытство разбирало в некоторой степени.

– Тот год? Что-то случилось в Арде, когда отец учился здесь?

Направляясь к выходу и проходя мимо ожидавших у дверей одноклассников, Ванда размышляла о том, кого могла расспросить. Не стоит надеяться, что подобная информация хранилась в библиотеке. Да и столько лет прошло, что лишь старые преподаватели в курсе. Можно попросить Кристиана. Мог ли он что-то знать? Скорее всего, нет. Ведь особо не вникал в историю академии.

Подумала Ванда и о Зорик Маркар. Женщины ведь часто любопытны... Спросить? Инрэг была значительно моложе ее отца. Конечно же пришла в Ард намного позже. Но вдруг ей что-то известно? Ванда представила себе, как отправится с вопросами к тому, кто уж точно мог поделиться достоверной информацией. Вот бы удивился Фергас, заявись она с подобной просьбой.

Шумная компания отвлекла ее от этих мыслей. Предстояло еще одно занятие – последнее на сегодня. Затем начнется время, отведенное боевому факультету для самостоятельной подготовки.

Площадка для кланкеев была залита водой. Лужи блестели по всему двору. Сами экипажи находились под специальным навесом, гарантирующим, что останутся сухими, несмотря на непогоду. Ванда прошла к свободному кланкею, чувствуя, как рубашка становилась влажной благодаря сырому воздуху. Применять собственную силу для просушки одежды было делом бесполезным. Скоро снова хлынет дождь, и она в любом случае промокнет до последней нитки.

Берясь за рукоять экипажа, Ванда почувствовала чье-то присутствие. То же самое происходило с Зилем, объявившимся на сиденье. Рядом находился кто-то из родственной ему магии. Оборачиваясь, Ванда заметила неспешно приближавшуюся Дель. Шла она, придерживая руками подол платья, обходя лужи и с опаской поглядывая на проносившиеся рядом кланкеи. Подойдя к Ванде, Дель остановилась. Изящно пригладила и без того безупречно ровные волосы и натянуто улыбнулась.

– Прячешься, как призрак, Синхелм. Или как теперь тебя величать в свете последних...

– Сплетен? – Ванда нахмурилась. – У тебя стало так много свободного времени после изгнания с должности главы студсовета? Теперь занимаешься коллекционированием сплетен? Отличный финал блистательного пути. И Фемир Синхелм все еще мой отец. Родной по крови или нет, это тебя не касается.

Рядом опасно зарычал Зиль, призрачная шерсть его вздыбилась. Алые глаза вспыхнули, встречаясь с взглядом некромантки.

– Меня это более чем касается, Синхелм. Особенно в свете последних событий. – Черный туман обволакивал землю вокруг ног Дель.

– И каким же это образом? – В свою очередь Ванда чувствовала, как нагрелись резные рукояти кланкея.

Так недолго испортить питомца Гарса. Но что нужно от нее Дель?

– То, что произошло в Белом зале, более чем возмутительно! – Дель приняла вид оскорбленной праведницы.

– Говори яснее либо не трать зря мое время, – сухо потребовала Ванда. – Мне необходимо соблюдать расписание и явиться на тренировку.

– Ты можешь думать о тренировке в такой час? Дикарка по сути и, по всей видимости, дикарка по рождению! Где Синхелм тебя подобрал? Впору подозревать родство с вердианцами.

– Ты забываешься, Шеридан! – Глаза Ванды вспыхнули золотом, а воздух вокруг опасно нагрелся. – Смеешь сравнивать меня с врагами королевства?

– Для меня ты – первый враг, – тем же тоном кинула ей Дель. – Иных слов просто нет. Из-за тебя Кристиан попал едва ли не в опалу у короля. Из-за тебя он в такой опасности! Ты, жалкая сиротка, вынудила его встать на защиту и рисковать собой. Да! Он благороден. Разве мог поступить иначе? Но это твоя вина. Делишки твоей семьи должны решаться за стенами Арда. И теперь еще смеешь заирать голову и смотреть мне в глаза?

– Ты повредила умом, Шеридан? – нервно усмехнулась Ванда. – Каким образом тебя касаются дела моей семьи и решение, принятое ректором академии? По какому праву кидаешься подобными

обвинениями?

– По праву его будущей жены! – выпалила Дель, гордо приподняв подбородок.

Рядом скептически рыкнул Зиль. Склонив клыкастую голову набок и прищулив один глаз, мараг смотрел на бывшую главу студсовета. Словно примерялся – откусить той голову, прекратив мучения, вызванные слабоумием, или пусть доживает свой век в жалких фантазиях.

– Что? – Рукоять кланкея хрустнула в руке Ванды, осыпаясь обуглевшими кусками между пальцев.

– Да. Я не хотела говорить об этом до официального заявления Кристиана. Но ты вынуждаешь меня. Глава рода Рэйванов и мой отец согласны на наш брак. Все остальное лишь формальности. Вскоре я войду в замок Харланда его женой и полноправной хозяйкой. Поэтому не смей даже приближаться к моему жениху, Синхелм. Не смей подвергать опасности то, что принадлежит мне.

Слушая ее, Ванда вспомнила письмо Деверукса, ранее прочитанное ею в доме каэли Мюрн.

– Кристиан Рэйван не вещь, чтобы принадлежать кому бы то ни было. И волен сам отвечать за свои действия, как и принимать решения по собственному усмотрению. Если желаешь это оспорить, то почему бы не отправиться к нему. Обсуди все лично, как и подобает невесте. Наверняка Кристиан с удовольствием тебя выслушает.

– Ты смеешь называть его по имени? – раздраженно спросила Дель.

Ванда мысленно выругалась. Но сдержалась и ровным тоном ответила:

– Что взять с такой дикарки, верно?

Она развернула поврежденный кланкей, давая понять, что странный разговор окончен. Нужно будет извиниться перед Гарсом и признаться, что сожгла рукоять.

Дель не спешила отступать, продолжая спор. А едва попыталась помешать кланкею подняться в воздух, как Зиль не удержался, разрывая округу яростным рыком.

– Мерзкое создание! – Дель возмущенно отступила на шаг.

Ботинок ее попал в неглубокую лужу, которую ранее так старательно обходила. Брызги грязи полетели на платье, приводя старшекурсницу в негодование. Довольный местью, Зиль растворился, позволяя хозяйке подняться к небу, практически полностью укрытому темными облаками. Ветер здесь отлично остужал. То, что сейчас нужно. Ванда повела экипаж в сторону боевого корпуса.

Должна ли она воспринимать всерьез сказанное Дель? Выходит, письмо Деверукса не было пустой угрозой внуку. Но и Кристиан сказал свое слово. Хотя... Что, если в свете последних новостей дед не позволит их союз? Она не родная по крови роду Синхелмов. Эта причина достаточно веская, чтобы разорвать не только объявленную помолвку, но и сам заключенный брак. Что, если станет помехой для Кристиана в получении такого дорогого ему Харланда? Была ли Дель права? Она приносит несчастья...

Глава 12

В сегодняшней парной практике ей выпала тренировка с Гаем. Вечно улыбочивый, говорливый и немного безалаберный, в бою он оказался быстрым как тень, неожиданно собранным и действующим с холодной расчетливостью. Уже в который раз Ванда пыталась одолеть одноклассника, но безрезультатно. Ярость согревала, несмотря на проливной дождь. Одежда их вымокла до последней нитки, а волосы противно липли к лицу. Коса словно нарочно растрепалась, выпуская из плена непослушные пряди. Тряхнув головой, Ванда отберила лицо рукавом.

Плечо ныло от усилий, как и запястье. Но тонукан упрямо поднимался, зажатый мокрыми пальцами. Гай снова принял стойку, поднимая и свое оружие. Бледный защитный контур сверкал вокруг них. А Зиль от нетерпения переминался с лапы на лапу, оставаясь единственным сухим на площадке. До шерсти призрачного марага дождю не добраться.

Гай сделал выпад. Ванда повторила движение, отбивая удар. Тонукан рассек воздух, разбивая прозрачные капли дождя. Работать парно с применением магии им до сих пор было запрещено. Практиковать применение первых изученных рун позволялось Хэйлом только в одиночных самостоятельных занятиях. Вскоре многие покинули площадки, и Ванда собиралась воспользоваться этим, чтобы продолжить без посторонних глаз. Идти на ужин желания не было. Она останется здесь.

Дождь студил не только тело, но и мысли. И этим был желанен. Но одно сейчас беспокоило на удивление сильнее ожидания известий из столицы. Сегодня Кристиан снова велит явиться к нему. Заговорит, примется расспрашивать... И она должна будет стоять перед ним, глядя в лицо, каждая черточка которого стала так знакома за последние встречи. И то, как немного склонял голову влево, когда не доверял ее вранью. И то, как оттенок серебряных глаз менялся от светлого к темному, в зависимости от настроения некроманта. За последнюю пару недель и ее душа сменила все оттенки, отзываясь на его слова, взгляд или просто молчаливое присутствие рядом.

Кристиан сказал, что не разорвет договор, что между ними нечто большее. Сказал, что ему плевать, чья она дочь. Не любовь и не влюбленность. Соприкосновение душ. Тепло и желание коснуться. Ухватиться за рукав и просто ощущать, что этот человек реальный. Чтобы не потеряться в безумии всего происходящего вокруг.

Ванда чувствовала все это. Все, в чем и Кристиан признался ранее. Но после слов Дель находилась в смятении. Спросить Кристиана напрямую? Но до чего же страшно услышать ответ! Она поймет его. Безусловно, поймет желание сохранить землю и свой дом. Разве могла принудить сомневаться в выборе? Разве вообще могла хоть что-то требовать от него? Кристиан Рэйван и так сделал больше, чем кто-либо.

Но проклятье! Она не хотела даже мысли допускать, что какая-то Дель однажды станет хозяйкой в Харланде. Будет звать Кристиана «дорогой» и лезть с поцелуями. И не только ими... Вышедшее из-под контроля воображение рисовало все более красочные сцены, и Ванда ощутила небывалый прилив жара во всем теле. Что это? Неужели ревность заставляла клекотать огонь в груди?

– Проклятье... – Очередная атака Гая на этот раз была отбита.

Этот факт вызвал одобрителный рык у Зили. Мараг вздумал вырасти, теперь доходя хозяйке почти до талии. Он воодушевленно бил хвостом по мокрым камням, а глаза сверкали углями. Гай кивнул напарнице, вновь принимая стойку. Удар. Еще удар. Снова... Ванда сконцентрировала внимание на его движениях, пытаясь припомнить все, что было прочитано в старых тетрадях Лейтона по тактике боя. Шаг назад. Взмах. Разворот. Рука с тонуканом отклоняется, чтобы нанести предупреждающий удар...

Было еще нечто, пока не желавшее толком подчиняться ей, как ни практиковалась. Щит и противодействие ему. Она читала записи умая, но там подобная практика описывалась лишь вскользь. Либо у нее были не все тетради. Кристиан говорил, что, возможно, ее память утрачена не из-за пережитого несчастья. А виной тому наведенный морок. Подобное заклинание является родственным щиту. И раз уж она обладает некоторой силой, позволяющей преодолевать его, то обязательно должна изучить этот раздел.

Но обучение велось так медленно... Это сводило с ума. Порой терпения совершенно не хватало. Как же хотелось получить все сейчас! Именно сейчас. Может, вопреки запрету Кристиана поискать кого-нибудь в Валмире? Того, кто способен снять морок или хотя бы ослабить его действие? Но какая-то часть ее была непростительно труслива... Да. Она отчаянно желала знать правду и в то же время страшилась ее.

Морок был сильным, и слишком долго она находилась под его воздействием. Вмешательство ведьмака могло причинить необратимый вред. И если кто-то использовал это заклинание, чтобы стереть ее память, то в чем могла быть причина? Хотел ей зла? А может, хотел ограбить от

неминуемого отчаяния, когда откроет свое сознание? А может, и не было морока? Ошибался ли Кристиан, предполагая его?

Звук скрестившихся палок вновь привлек внимание Хэйла. Вымокший, как и его беспокойные подопечные, он сложил руки на груди и наблюдал за тренировкой. Иногда выкрикивал хриплые команды, поправляя неточные действия. Иногда в его словах было мало приличного, что вынуждало Ванду скрипеть зубами.

Но некогда думать о манерах!

– Что за устаревшая тактика?

Хэйл провел ладонью по мокрому лицу. Дождь тут же уничтожил все усилия, вновь стекая по нему крупными каплями. Это освежало и злило одновременно. Девчонка сегодня была рассеянной. Поначалу. Да, у Гая Юрнера большой потенциал. Но как глупая не поймет, что не уступает ему? Все дело в отсутствии концентрации. Он сам был таким в свое время. Когда все демоны, гостившие в душе, окружали его, словно реальные. Путали, отвлекали, вынуждали мысли разлетаться осколками, а сердце – сжиматься. Он был так же рассеян. Телом она на занятии, а мыслями совершенно в ином месте. Но все же смогла собраться под конец тренировки, что не могло не радовать.

Что касается начальной практики использования рун и их первых слабых комбинаций... Хэйл тихо выругался, припоминая прошлое занятие. Самоучки! Одному из мальчишек едва не подпалили зад, другому сожгли половину волос. Решили, что имеют опыт, если до академии втихаря таскали папенькины книги из библиотеки или брали уроки у частных магов-идиотов? Вы только посмотрите на них! Они, видите ли, уже готовы применять не то что линейки первого уровня, а целые боевые печати!

– Кахнер! Радуй! – выкрикнул он, с раздражением указав пальцем на одного подопечного, затем на другого. – Еще раз!

Затем Хэйл снова посмотрел в ту сторону, где продолжали тренировочный бой Юрнер и Ванда. Перевел взгляд на мертвого духа, явно наслаждавшегося зрелищем. Ты глянь, как вымахал. Фамильяры не такая уж редкость. Хватало их и у студентов Арда, правда, в последнее время увлечение это несколько пошло на убыль. Но убийцу-марага Хэйл видел впервые. В качестве фамильяра, подаренного девице, разумеется. Распускают слухи, что Синхелм расстарался для дочери. И уговорил ректора приручить духа. Но сомнение одолевало мага. Хотя какое ему дело, кто так озабочен безопасностью девчонки? Он лишь делает то, что положено преподавателю и куратору этих мокнущих недотеп...

– Где она набралась этого? – нахмурился Хэйл и тряхнул головой, разбрызгивая по мокрой рубашке воду. – Эту тактику давно не преподают.

Синхелм давал уроки? Интересный выбор. В любом случае тот, кто надоумил девчонку выбрать для отражения четвертую позицию, был весьма неглуп.

– Ей никогда не сравниться даже с тенью Синхелма, – проговорил рядом Фергас, подходя неспешно и останавливаясь возле Хэйла.

– У нее нет нужды становиться вторым Синхелмом. Она будет собой. Если хватит мудрости – просто будет собой.

Хэйл не повернулся к декану, сощуриваясь и продолжая наблюдать за боем. Мысленно понимал, что рисковал вновь вызвать гнев Фергаса. Но шея просто отказывалась гнуться в приветствии или даже поворачиваться. Зачем явился? Снова хотел запугивать его или требовать покалечить кого-то из студентов? Да к хаосу! Хэйл сделал вид, что полностью сосредоточен на занятии, продолжая отдавать команды тем, кто мокнул за защитными барьерами.

Фергас тоже смотрел на площадку. Его темный взгляд остановился на силуэте девушки, сегодня находившейся в паре со средним сыном Уго Юрнера, хозяина Эйнслея. Достойный сын своего отца. Даже крепче будет, чем старший сын. Так считал и сам Уго. Пока мальчишка этого не знает, но наверняка придется сместить первенца рода в праве наследования.

Но девчонка Синхелма... Фергас помрачнел и стиснул тонкие губы. Как Синхелм мог поступить с ним подобным образом? Как мог не предупредить по поводу этого приема? Сколько бы проблем удалось избежать, знай он заранее. Ведь действовал бы иначе. Одно дело родная кровь того, кто всегда считался близким другом. Другое дело – неизвестное дитя, подобранное им на одной из дорог королевства.

Будь девчонка знатной крови, так просто ее бы не скрыть. Даже во время войны, даже во время стольких потерь. Боги! Зачем Синхелм принял ее в свой дом? Лишился ума от горя, потеряв родную

дочь? Это правда? Проклятье...

Но сейчас Фергас отвлекся от гневных мыслей. Он снова наблюдал за Вандой, и снова непонятное чувство охватило его. То самое, которое закралось в душу при первой их встрече. Это чувство Фергаса беспокоило больше всех остальных. Чувство непонятной тревоги, смешанное с ощущением неопределенной опасности. То самое чувство, от которого в висках стучит и сводит живот, как у неопытного мальчишки. Чувство никак не формировалось в мысль, раздражая и вынуждая стискивать зубы в молчаливой ярости.

Он даже забыл, как злился на стоящего рядом Хэйла и его непростительную самонадеянность. Проклятье! В свете последних событий он даже не мог выполнить свою угрозу. Объявить королю, что уже второй его генерал скрывал правду о собственном ребенке, притащив его в Ард, было сейчас опасно. Ламон устроит такую проверку, что полетит слишком много голов. Включая и тех, кто ему еще нужен. Тех, кого мог использовать при надобности. Так что пусть бастард Майллака пока порадуется своей мнимой удаче.

Фергас смотрел и смотрел на студентку, шурясь от непрекращающегося дождя. Изучал каждое движение, пытаясь понять, что же с нею было не так. Как она держала спину, и этот упрямый взгляд исподлобья, когда сил почти не оставалось, но девушка никак не могла признать это. И очередной разворот тонукана для отражения удара. Под каким углом оружие рассекало мокрый воздух. Такой своеобразный поворот запястья, что позволяло облегчить нагрузку и уменьшить боль. И шаг в четвертую позицию, когда всякий другой применил бы третью...

Фергас снова вгляделся в черты лица девушки и почувствовал, что не дышит. Он просто не мог вдохнуть сейчас, когда озарение наконец настигло его. Оно сжало грудь, оно выбило воздух из легких. Заставило сжать кулаки до боли, а глаза налиться ярким золотом. Только в последний момент маг сдержался, переводя дыхание.

Невозможно... Это просто невозможно! Синхелм точно сошел с ума! Проклятый вояка утратил всякий рассудок! Иначе он просто не мог объяснить причину, по которой притащил в свой родовой замок *это* дитя. Да еще и назвал своей дочерью.

- Безумец... - сквозь зубы проговорил Фергас, не заботясь, что его мог услышать стоящий рядом Хэйл.

Глава 13

Под конец тренировки Ванда явственно ощущала на себе чей-то пристальный взгляд. Нет, это был не Хэйл. Преподаватель срывал голос, пытаясь вбить в их головы хоть немного знаний, и дай ему волю, наверняка вбивал бы их тонуканом. Ванда заметила уходящего Фергаса, когда занятия были окончены и товарищи стали покидать площадки. Пришел сюда как декан? Или за ней следил? Ванда не лстила себе до такой степени. Но была встревожена, припоминая прошлое происшествие со статуей.

Предпримет ли Фергас еще какие-то попытки навредить ей? Как поведет себя, когда наконец будут получены известия от Ламона? Ведь не пожалел, даже зная, что подверг опасности единственную дочь лучшего друга. Что остановит мага теперь, когда ему известно, что она приемыш? Или Фергас знал раньше? Мог отец написать об этом в своем письме?

Ванда проводила его взглядом и замерла, когда на мгновение тот обернулся. Возможно, ей показалось, но на лице декана промелькнуло нечто сродни смятению или даже, что совершенно невероятно, страху. Затем маг вновь стал привычно мрачным, отвернулся и отправился прочь, к отведенному для кланкеев крытому хранилищу.

Оставшись одна на опустевшем дворе боевого корпуса, Ванда склонилась над чашей небольшого фонтанчика с питьевой водой. Она полностью вымокла, но умирала от жажды. Напившись, посмотрела на тяжелое небо. Облака метались по нему, словно ее мысли. Но пока Кристиан не вздумал искать ее, Ванда опустила на плечо тонукан и вернулась к тренировочной площадке. Выбрала в этот раз ту, что полюбились больше ввиду своего расположения. Находилась она дальше всего от главных построек корпуса. Вот где действительно уединение.

Ванда проговорила команду, и старые статуи послушно пришли в движение, неспешно вырисовывая на мокрых камнях необходимый контур. Щит вспыхнул бледным голубым цветом, как и глаза каменных стражей. Дождь вновь припустил, но на этот раз ей не нужно было сосредотачиваться на своем противнике. Сейчас сама была для себя и враг и союзник.

Сейчас никто не смотрел, не оценивал, и она могла действовать и двигаться, лишь повинувшись собственному чутью. Закрывая глаза и позволяя одному дождю быть свидетелем, Ванда начала свой танец с оружием. Первая линейка. Пусть самые простые. Терус... Идо... А затем – Цэан... Осторожное пламя всполохами возникало в воздухе, вторя движениям стихийницы. Дождь казался золотым, отражаясь крупными каплями в магическом огне.

Признаться, вначале он неожиданно залюбовался ею, забыв, что был сердит. Оказавшись на залитой дождевой водой площадке, Кристиан собирался окликнуть негодяйку. Вздумала пропустить не только ужин, но, по всей видимости, и ежевечерний визит к нему! Снова решила проверить себя на крепость? Но глядя на тонкий силуэт девушки, на то, как мокрая рубашка облепила тело, понял, что это он решил проверить свою волю.

Почему без куртки?

Перед бандой мелковозрастных ухинов так же расхаживала? В этой почти прозрачной рубаше под дождем? Что тут у Хэйла на занятиях происходит? Глаза потемнели, и Кристиан тряхнул головой, убирая с волос воду. Без толку. Под дождем, как под душем. Мараг первым почувал его присутствие. Оживился, приподнялся на лапах, алые глаза вспыхнули углями. Назвала Зилем. «Малое зло»? Это кто из них двоих был мелким злом? Дух или его боевая невеста? Рэйван сощурился, окидывая оценивающим взглядом часть тренировочной площадки. Довольная усмешка коснулась его губ, а у ног уже ластилась тьма.

Преодолеть защитный барьер для него было делом пустячным, поскольку это позволял ректорский статус. Его атака была внезапной, и Ванда конечно же не смогла толком отразить ее. Одно удовольствие наблюдать за смятением на ее лице.

– Ты... – опешила Ванда.

– У тебя проблемы с ориентацией в Арде? Кажется, сейчас ты должна быть в совершенно другом месте. – Прохладный, словно дождь, взгляд Рэйвана скользнул по ее лицу.

– Я всего лишь хотела немного поупражняться, – попыталась оправдаться Ванда.

Она вынужденно жмурилась, поскольку задирала голову, глядя на стоящего рядом некроманта. Дождь попадал в глаза, что весьма раздражало. Ему-то хорошо, наклонился к ней и преспокойно разглядывал. Только теперь вдобавок вода с его волос капала на ее лицо.

– Что ж, – с опасной улыбкой проговорил Кристиан. – Поупражняться так поупражняться.

– Что ты задумал? – насторожилась она, сжимая мокрый тонукан.

Где-то в высоком небе сверкнула молния и оглушительно гроыхнуло.

– Снимай, – коротко велел Рэйван.

– Что? – Ванда прикрылась свободной рукой, будто бы это могло спасти.

Взгляд некроманта потемнел, проследив за ее неловкими действиями.

– Я имел в виду наручи, Спичка.

Она нахмурилась и не спешила выполнить странный приказ.

– Снова хочешь получить ожоги?

– Не слишком ли ты самонадеянна, полагая, что я позволю ранить себя?

Ванда ничего не ответила, вернула тонукан в крепление на поясе и принялась расстегивать мокрые манжеты рубашки. Пуговицы не собирались слушаться. Все же победив, она подтянула рукава и сняла снаряжение. Ванда прошлась по площадке и оставила наручи возле довольного Зиля. Стоило наклониться, чтобы опустить на мокрые камни вещи, как ее немедленно лизнули в щеку, ободряюще рывнув.

Она выпрямилась во весь рост, готовая принять бой, неожиданно предложенный Кристианом. Хотел проверить, на что была способна? В любом случае это куда лучше, чем находиться с ним рядом, в мучительной близости, наедине в кабинете. Или еще хуже – в его комнате. Лучше, чем подбирать слова и отводить взгляд, боясь, что снова прочтает все мысли и поймет, чего так боялась. Она ведь не решится спросить его. Жалкая трусиха... Куда проще сжать кулаки и получить очередную порцию синяков и ссадин. В бою не нужно думать о манерах или пытаться быть красивой. Боги... Она хотела быть красивой для этого некроманта! Хотела, чтоб, глядя на нее, Кристиан думал... О чем же он должен думать? Проклятье...

Ванда медленно повернулась. Он стоял посреди площадки, у ног клубился черный туман, собираясь замысловатыми пугающими тенями. Силуэт Рэйвана четко выделялся на фоне темного неба и сгущавшихся ранних сумерек, а все благодаря непогоде. Вода с его светлых волос стекала за воротник расстегнутой рубашки. Тонкая ткань облепила мощные плечи и грудь. Он был красив сейчас...

Ректорский медальон блеснул в очередной вспышке молнии, давая Ванде возможность прийти в себя. Уголок губ Кристиана дрогнул, будто прекрасно знал, какое он производил впечатление. Некромант отвел руку в сторону. Тьма послушно обвила запястье, скользнув к ладони и образуя подобие кнута.

– Удиви же меня, – снова усмехнулся некромант, делая выпад.

Прекрасно помня, как Рэйван управлялся с этим оружием в трактире, Ванда едва смогла увернуться от опасной петли. Не давая захватить себя, она ощутила приливший к рукам жар и крепче сжала тонукан. Ладонь легла ровно посередине, активируя несколько нанесенных лично ею рун, позволяя использовать в бою оба конца оружия. Площадка осветилась огненными всполохами, смешиваясь с тьмой и поглощая друг друга.

Кристиан снова атаковал, явно поддаваясь и лишь наблюдая за тем, какие ответные действия предпримет Ванда. Он одобрительно кивнул. Согласный с ним, зарычал и Зиль, стоило его хозяйке вполне прилично отбить удар.

Глаза Ванды налились золотом, а знаки оживали на ладонях, поднимаясь выше, едва не до локтей. Несдерживаемая сила пробуждалась на полную мощь. Снова атака, и в этот раз удар хлыста пришелся по тонукану, обвивая его тугой петлей. Кристиан дернул оружие на себя, но Ванда ловко провернула в воздухе палку, рывком освобождаясь и кидая встречное заклинание.

Кристиан остановился и покачал мокрой головой, когда огненная сфера так и не достигла его, остановленная выставленным в последнюю секунду щитом. Ванда и сама не поняла, как сработала инстинктивно, укрывая его от собственного удара. Она неловко посмотрела на раскрытую ладонь, обращенную к Кристиану.

– Я так дорог тебе?

– Я всего лишь не хотела получить очередной выговор за причинение вреда ректору, – поспешно объявила Ванда.

Не желая слушать ее ложь, Кристиан снова замахнулся кнутом. В этот раз он не поддавался, но и не

собирался ранить. Призрачная петля обвилась вокруг талии Ванды. Одного рывка было достаточно, чтобы притянуть к себе, вынуждая прижаться к груди. Поднимая голову и окунаясь в его взгляд, Ванда дрогнувшей рукой сильнее сжала тонукан. Знаки жгли ладони, выдавая всплеск силы. Но все смотрела в лицо Кристиана, окруженная опасными всполохами огня. Он ведь пострадает. Она опасна. И не могла навредить ему. Никогда. Но если ее сила сейчас выйдет из-под контроля...

Его губы были прохладными... Только прижавшись к ним в поцелуе, Ванда осознала, что сделала это сама. Сама, проклятье. Притянула за ворот мокрой рубашки и поцеловала. Только из соображений безопасности. Только потому, что помнила, как смог в прошлый раз остановить ее огненную стихию. А вовсе не потому, что так хотела этого. Тонукан гулко стукнулся о камни, выпав из разжатых пальцев, и Ванда замерла на мгновение.

Отстраниться не смогла, поскольку крепкие руки обняли за талию, сменяя кнут. Всем телом Кристиан ощущал ее жар, несмотря на проливной холодный дождь и вымокшую одежду. Вокруг все темнело и темнело. Кристиан сам чувствовал себя продолжением этой тьмы. Но держал в объятиях солнце, самонадеянно решив, что имел на это право. Он ответил на поцелуй, сжимая кольцо рук все сильнее, словно пытался впитать хоть немного света и согреться им. Мокрые волосы Ванды пахли травами, а вкус губ был прекрасен. Мягкие, податливые, они неумело отвечали ему, приоткрываясь навстречу. Всполохи огня, смешиваясь с призрачными тенями, продолжали свой опасный танец, окружая их и выдавая все чувства.

Сегодня днем, случайно услышав ее разговор с Дель, Кристиан понял, что Ванда не придет к нему. Предпочтет остаться здесь, предаваясь мрачным мыслям. Потому и пришел сам. Ему не нужно было слов. Он прекрасно понимал, что беспокоило ее. И понимал, что сам полон смятения.

Глава 14

Посланник короля прибыл на рассвете, когда земля приняла в себя часть вод Валмидоры, давая реке вернуться в берега. Из-за ливней некоторые дороги так развезло, что до сих пор считались непроходимыми. Но та, главная, уже позволяла Валмиру прекратить свою вынужденную изоляцию.

Склонный к театральности монарх не выбрал быстрый и подходящий способ оповестить своих подданных. Что ж, стоило ожидать подобного от Ламона. Нет, королевский раахай был слишком банален, хотя нипочем ему любая непогода и расстояния.

Едва солнце принялось подыматься над замком, к воротам прибыл угрюмый, молчаливый мужчина в сопровождении доброго десятка воинов. Привез он с собой внушительный свиток с гербовой королевской печатью, который вручил ректору академии. Причем вручил лишь после полного собрания руководства Арда и вызова студентки Синхелм, как повелел Ламон.

Полночи Ванда находилась в тревожном предчувствии, не имея возможности уснуть. Словно ожидала, что обязательно нечто произойдет. Что и подтвердилось, едва за нею явился один из ардовских стражей. Ванда торопливо оделась, приводя себя в порядок и проверяя перед зеркалом в комнате, что выглядела достойно. Что бы ни произошло, что бы ни огласили сегодня в зале собраний, она должна держаться с достоинством.

Зиль кружил вокруг хозяйки, прекрасно чувствуя ее тревогу. Мараг не утерпел и рассыпался черным туманом, собираясь комком на плече Ванды. Обвивая длинным хвостом ее предплечье, дух попытался заглянуть девушке в лицо, буквально соприкасаясь с нею носами.

– Зиль, – попыталась нахмуриться Ванда.

Ее немедленно лизнули в нос. Затем в щеку.

– Мы справимся. Верно? – спросила она, непонятно к кому обращаясь.

То ли к себе самой, то ли к беспокойному мертвому духу или к встревоженной Ивон. Подруга, повторяя за марагом, кружила по комнате, нервно заплетая косу.

– Мы справимся. Справимся, – как молитву повторяла Лейвр.

– Не отвлекайся на меня на занятиях. – Ванда повернулась к соседке. – Имя моего отца и расположение к нему короля снова сделают свое дело. Наверняка в послании говорится о том, что мне милостиво разрешают продолжить учебу. И велят каждое мгновение своей никчемной жизни помнить об оказанной чести.

Ванда нервно улыбнулась. Вышло криво. Ивон покачала головой, и волосы ее ожили, выдавая волнение.

– Я бы хотела пойти с тобой.

– Я знаю. – Ванда с теплом глянула на нее.

– И я мысленно буду с тобой. Знай это, – жарко заверила Ивон.

– Спасибо. – Ванда посмотрела на входную дверь, понимая, что должна спешить.

Выходя в коридор общежития, девушка последовала за стражем, терпеливо ожидавшим ее. Она была благодарна Кристиану за то, что не перенес ее с помощью медальона. Он давал время подготовиться, собраться с мыслями и духом. Он просто давал ей время.

Зал собраний находился в центральной части замка. Сегодня дорога к нему казалась бесконечной. Зная, что снова предстанет перед толпой, всеми их глазами, Ванда мысленно заставляла себя успокоиться. Будь что будет. Подходя к темным двустворчатым дверям, она задержалась, пока страж открыл их. Затем склонил голову, прощаясь, и оставил студентку на пороге.

Ну, чем раньше все произойдет, тем раньше и закончится. Верно? Ванда прошла вперед, останавливаясь перед длинным полукруглым столом. Здесь было достаточно светло, благодаря многочисленным высоким окнам. Хоть погода радовала, подарив сегодня чистое небо. День обещал быть солнечным.

В небольшом зале присутствовало с десяток человек. Вильят глядела с некоторым осуждением, будто Ванда в чем-то успела провиниться. Фергас смотрел настороженно, опустив обе ладони на стол и пристально глядя на стоящую студентку. Присутствовал и вредный Тэусс, нервно поглаживающий свою тощую бороду. И декан факультета некромантии. Справа от ректора Ванда увидела Зорик, единственную, кто улыбалась ей. Прибывший посланник, словно одна из ардовских

старых статуй, молчаливо стоял в стороне, наблюдая за происходящим.

Ванда склонила голову, приветствуя руководство академии. Кристиан поднялся с кресла и тяжело опустил руку на свиток с королевским указом. Печать золотом блеснула на нем.

– Все вы знаете причину, по которой мы сегодня собрались, – заговорил Рэйван. В черных одеждах, сдержанный и мрачный, он походил на собственную тень. – Так не будем же напрасно тратить время.

Радуюсь погожему дню, птицы за окном так неуместно распелись. Ванда стояла прямо, расправив плечи и глядя на Кристиана. Он с удовольствием разорвал бы исписанную золотыми чернилами бумагу, но развернул свиток, срывая охранную печать. Она рассыпалась под пальцами сверкающей пылью, признавая право на вскрытие послания.

Рэйван подавил гнев. Он едва пробежался взглядом по строкам, втайне негодуя, что не мог прочитать их заранее. Как и не мог пропустить ни слова, вынужденный читать все подряд. Ламон так любит представления!

– «Я, Ламон Великолепный, благословением светлейшей Лейны король Камеладера, приветствую Ард...» – ровным голосом зачитал Кристиан.

Видимо, сейчас все собравшиеся должны были впечатлиться и представить себе, что его величество присутствует здесь во всем своем проклятом великолепии. Так же монотонно и сдержанно он продолжил оглашать содержание свитка. Сколько пустых слов... Напрасная трата времени и нервов. Рядом тихо вздыхала Вильят, явно расстроенная тем, что отец не передавал голосом все оттенки послания их повелителя.

Что так душно? Всем? Или только ей? Ванда внезапно ощутила дикую жажду и желание выйти на свежий воздух. Зорик воспользовалась тем, что была скрыта Кристианом от взгляда посланника. Она подмигнула Ванде, со скучающим видом сменяя блестящую обертку от конфеты.

– «Скорбящая душа да будет утешена... На основании письма-признания генерала Фемира Синхелма повелеваю, – меж тем дальше читал Рэйван, – Каэли, именующую себя Вандой, считать некровной дочерью Синхелма, с полноправной претензией на наследование рода. Моим величайшим благословением позволить некровной дочери Синхелма продолжить обучение в академии Ард...»

Кристиан прервался на мгновение, взглядом пробежавшись по следующим строкам. Ламон придумал ему наказание в виде прочтения этой чуши? Пальцы опасно сжали края свитка, едва не разрывая его.

– «Повелеваю в связи со скорбью по поводу утраты Синхелмом жены и родного дитя запретить... – Рэйван почувствовал, как застучало в висках. – Запретить его некровной дочери называть себя Вандой, так как это имя не принадлежит ей по праву рождения. Некровной дочери Синхелма надлежит в кратчайшие сроки выбрать себе иное имя либо назвать собственное, данное при рождении. Моей милостью и благословением отца оно будет принято и вписано в родовую книгу Синхелмов. Ректору Арда надлежит проследить за внесением изменений в списки зачисленных студентов академии. Некровной дочери всегда надлежит помнить о бесконечной доброте Фемира Синхелма, принявшего ее и воспитавшего, как родную дочь. Это есть свидетельство великой чести. Я, Ламон Великолепный, благословением светлейшей Лейны король Камеладера, принимаю благодарность некровной дочери Синхелма за бесконечную доброту и мудрость принятого мною решения...»

Снова чувствуя, будто жевал лезвия, Кристиан с трудом договорил.

– Наш король всегда великодушен, – кивая в такт своим словам, неспешно произнесла Селма.

– У тебя есть прекрасная возможность наконец стать собой, – открыто улыбнулась Зорик, накручивая медную прядь волос на палец. – Ты счастливица.

Ванда чувствовала, как гулко стучало в груди сердце. Теперь у нее отобрали и имя? Что ж, каэли Зорик права. Она не станет лить слезы по этому поводу. Конечно же в своем указе король не стал бы пересказывать содержание письма отца. И она все еще надеялась получить ответ на свое личное послание. Она надеялась, что заслужила ответ отца.

– В свете озвученных повелений вам необходимо время для принятия решения, студентка Синхелм? – Голос Кристиана был сдержан и ровен.

Но по его взгляду Ванда прекрасно читала все, что пытался сдержать.

– Нет. Мне не нужно время. Я – Трин Синхелм, благословением короля студентка факультета боевой

магии академии Ард, благодарю вас за оказанную честь.

Она склонила голову, как и подобало. Прощай, Ванда. Пусть и спустя столько лет, покойся с миром, дитя...

Глава 15

– Трин! – окликнул кто-то из одноклассников.

Она остановилась на полпути, оборачиваясь и отвечая на последовавший вопрос. Трин... Несколько дней пришлось привыкать к новому имени. Как и ей, так и товарищам. А также неловко пытаться объяснять причину подобной необходимости. И мысленно благодарила тех, кто принял все без каких-либо вопросов, кивая или никак не реагируя.

Оставшуюся половину дня они проведут в основном замке, и впереди ожидало три занятия. Трин махнула однокласснику, продолжая идти по шумному коридору. Там, впереди, она заметила яркий силуэт Зорик. Кажется, ингрэйд возвращалась в свой кабинет. Прикинув оставшееся до занятия время, Трин решила догнать ее. Она пробежала оставшуюся часть коридора, лавируя между спешившими студентами, и наконец оказалась в уже знакомом крыле замка. Там, куда ранее ее перемещал Кристиан, велел посетить ардовского целителя.

Платье Зорик, насыщенного зеленого цвета, так замечательно контрастировало с медными волосами. Сегодня каэли оставила их распущенными. Она прошла еще немного и улыбнулась, почувствовав присутствие студентки.

– Здравствуй, странная девочка, – обернулась ингрэйд к Трин. – Что вынудило тебя следовать за мной?

– Здравствуйте! – Она поспешно склонила голову, приветствуя Зорик. – Могу я просить вас уделить мне немного времени? Если вы сейчас не заняты, конечно.

Вместо ответа ее жестом пригласили войти в уже знакомый огромный кабинет. Он был все так же полон зелени и света. Зорик неспешно прошлась, останавливаясь у стены, где буйствовал цветущий плющ.

– Что же ты хотела спросить? Или хотела чем-то поделиться? Обожаю секреты.

Зорик провела кончиками пальцев по бархатным бледно-голубым цветам, и лиана ожила. Изгибаясь, она коснулась волос ингрэйда.

– Мне бы хотелось узнать немного о годах учебы отца в академии. Увы, он не настолько сентиментален, чтобы делиться воспоминаниями. – Трин приблизилась к Маркар. – Возможно, я зря тревожу вас этой просьбой. Но не знаю, кого еще могу спросить.

– Ты права, – задумчиво кивнула ингрэйд. – Я действительно мало что знаю о том времени. И совсем немного могу рассказать о Фемире Синхелме.

– Но, может, вы слышали о некоем происшествии, которое случилось в Арде в ту пору? Каэль Моррус вскользь упоминал о нем, но не объяснил подробностей.

– Много лет назад в Арде было лишь одно происшествие, о котором до сих пор неохотно говорят. Я понимаю старика Морруса. – Зорик нахмурилась, снова задумавшись. – Я знаю об этом лишь со слов тех преподавателей, которым довелось работать в Арде в ту пору. Поэтому могу быть неточна.

– Поделитесь со мной, прошу вас! – Трин подступила к ней на шаг, смотря с надеждой. – Мне важна любая информация.

– Когда твой отец учился на последнем курсе, как и зануда Фергас, на территории корпуса факультета боевой магии погиб студент. Несчастье случилось в одной из наблюдательных башен. Ранее их было четыре. Сейчас она почти полностью разрушена и на ее месте создано искусственное озеро.

– Вы помните имя погибшего студента?

Трин уже приготовилась услышать названную Моррусом фамилию третьего друга отца, Дэнвея. Но ошиблась.

– Конечно. – Зорик жестом предложила гостье занять одно из кресел. Сама опустилась в то, что стояло ближе к окну. – Первокурсник Арис Брант. Этот несчастный юноша был единственным сыном королевского советника Вибера Бранта.

– Вот как...

– Ты думала услышать другое имя? – удивилась Зорик.

– Можно и так сказать. Я ошибочно предположила, что погибшим мог быть студент Дэнвей.

- Дэнвей был тем, кого признали виновным в гибели Бранта, - неожиданно сказала инрэйг.

- Виновным? - отчего-то поникла Трин.

- Говорят, вся башня буквально выгорела изнутри. Все трое были огнетворцами. И твой отец, и Фергас, и Дэнвей, - повторяя недавние слова Морруса, продолжала Зорик. - Твой отец и Фергас пытались спасти его, предотвратить несчастье, но им не удалось. Брант погиб.

- И Дэнвей был осужден, верно? Он сейчас в тюрьме? Или казнен? - осторожно спросила Трин. - Почему же он так поступил с тем студентом?

- К сожалению, я не знаю ответ ни на первый, ни на второй твой вопрос. Полагаю, что злая шутка обернулась бедой и вышла из-под контроля. Вижу, мои слова тебя расстроили. Уже не рада, что решила узнать об этом?

- Нет. Это очень важно. Благодарю вас. - Трин поднялась с кресла. - Мне пора бежать, скоро начнется занятие. Спасибо что уделили мне время.

- Рада, что смогла хоть чем-то помочь. - Зорик встала, собираясь проводить ее к выходу. - Как летит время. В следующем месяце состоится первый бал Арда.

Говоря это, инрэйг наблюдала за лицом гостьи. Трин явно ушла в свои мысли, поскольку никакого оживления, присущего любой юной каэли, не было заметно. Зорик улыбнулась, покачав рыжей головой.

- Ты ведь слышала об этом событии? - снова спросила она уже возле дверей.

- Да... - рассеянно ответила Трин.

Бал. Все верно. Скоро в академии будет бал. Совсем выпустила это событие из памяти. Голову было чем заполнить в последнее время.

- Неужели не рада? - Видя смятение на ее лице, Зорик рассмеялась и вздохнула. - Не любишь балы?

- По правде говоря, я не посещала ни одного, - призналась Трин. - Поэтому нельзя сказать, что не люблю. Просто это подразумевает присутствие слишком большого количества людей.

- О да! - Инрэйг прислонилась плечом к двери и изящно взмахнула рукой. - Бал для женщины словно бой. Нужно прикончить всех соперниц, при этом выглядеть блестяще и в итоге сразить главную мишень - лучшего из мужчин.

- Уж лучше выдержать неделю непрерывных тренировок от каэля Бриса.

- Это, несомненно, проще! - Зорик снова рассмеялась. - Но все же интересно, на кого укажет Крис, выбирая пару для первого танца. Тебе совсем не любопытно?

- Нет.

Первый танец. Тот самый, о котором столько говорила Ивон. Ректору полагается открывать бал. Кристиан должен выбрать себе пару. Пару? Трин крепче сжала дверную ручку. То есть ему придется танцевать с кем-то из студенток. Опасный жаркий огонек затлел где-то в груди. Затлел и угас. Все это не более чем формальность. Она ведь прекрасно знает об этом.

Как и о том, что никогда не сможет встать рядом с Кристианом в прекрасном Белом зале, где ранее приветствовали короля. Ведь она и танцы - вещи несовместимые. Наверняка была единственной, у кого и платья не имелось по этому случаю.

Зорик вовремя напомнила о бале. Нужно придумать причину, по которой не сможет явиться туда. И должна быть достаточно убедительна, иначе Кристиан не поведется. Он заставит прийти. А ведь совершенно не хотелось смотреть, как будет обнимать другую, танцую перед всеми.

- Сейчас ты думаешь о том, какой цвет для бального платья будет выигрышнее? - поддразнила ее Зорик.

- В некотором смысле. - Спеша закончить неловкий разговор и вспоминая, что почти опоздала на занятие, Трин торопливо поклонилась. - Прошу простить меня. Если я опоздаю, меня накажут. Я должна идти.

- Ступай, странная девочка, - тепло улыбнулась Зорик.

Она распахнула дверь, выпуская гостью. Возвращаться в кабинет не спешила, наблюдая за тем, как Трин перешла на бег, торопясь исчезнуть. Эта девочка влюблена в Кристиана? И, кажется, ее

чувства взаимны. Прекрасно и в то же время вызывает легкую грусть. Зорик склонила голову, позволяя солнечным лучам золотить ее волосы. Оба одиноки и потеряны. Они подходят друг другу.

Трин взбежала по ступенькам лестницы, уже слыша сигнал начала занятий. Не снижая скорости в коридоре второго этажа, она свернула за угол, надеясь, что преподавателя еще не было в аудитории. Маленький, но шанс был. А также был тот, кого сейчас совсем не ожидала увидеть. Отдавая какие-то распоряжения преподавателю, в коридоре со свитками в руках стоял Фергас. Декан пристально посмотрел на опоздавшую студентку.

Она немедленно остановилась и приветствовала мага, переводя дыхание. Лучше бы совсем пропустила занятие. Фергас смотрел молча, изучая ее так, словно видел впервые.

– Трин Синхелм, – наконец проговорил маг, неспешно прохаживаясь вокруг студентки. – Я наблюдал за твоими тренировками.

Останавливаясь за спиной, он вынудил ее повернуться.

– Должен признать, что твои навыки не настолько безнадежны, как ожидалось.

Это был комплимент? Трин не стала обольщаться, прекрасно слыша в его голосе оттенок иронии.

– Благодарю за вашу оценку, каэль Фергас, – подыграла она, прикидывая шансы сбежать в аудиторию.

Пока они были нулевыми. Но судя по тишине за закрытыми дверьми, преподаватель уже начал занятие. Иначе стоял бы еще тот галдеж. В некотором смысле Фергас ее спас. Она всегда сможет сослаться на то, что опоздала по причине беседы с самым уважаемым деканом.

– Я заметил, что ты используешь Ратхам. Это несколько устаревшая тактика. Брис не преподает ее, – сказал маг, все еще изучая ее лицо. – Откуда ты знаешь ее?

– Мой отец...

– Синхелм никогда не использовал бы ее, – неожиданно резким голосом оборвал ее декан. – Он был одним из первых, кто освоил Наймрун. Это новая система обучения боевых магов, введенная на двух последних курсах нашего факультета. И он владеет ею в превосходной степени. Так что ему нет нужды учить тебя иному.

– Мой отец, – твердо повторила Трин, – не единственный в Беренгарде, кто отвечал за мою боевую подготовку. У меня было достаточно учителей. И каждый привнес что-то свое. Может, Ратхам и устарела, но и ныне не менее эффективна. Чуть ранее вы сами это подтвердили, наблюдая за моими успехами, каэль Фергас. Могу ли я просить отпустить меня на занятие?

Смерив ее тяжелым взглядом, Фергас молча кивнул. Затем указал на двери, повелев убираться. Ни на мгновение не задерживаясь, Трин широким шагом направилась к аудитории. Только скрывшись в ней и добравшись наконец до своего стола, смогла перевести дыхание.

Фергас некоторое время стоял и смотрел на закрытые двери. В висках его пульсировало, а кулаки сами сжимались от кипящего внутри гнева. Синхелм безумец... Зачем он забрал к себе эту проклятую девчонку? Ну зачем? Мог бы взять кого угодно, раз уж так хотел найти замену своей мертвой дочери. Наверняка для жены старался, поскольку и дураку ясно, что сам не был особо привязан к этой сироте.

– Идиот, – сквозь зубы процедил маг.

Намеревался ведь отдать ее кому-то в жены. Так кому? Хотел бы он знать. Почему не отослал девчонку жениху? Ну конечно же нужно играть в героя... Везде. Всегда. Пусть все в королевстве считают, что папочка-герой обожает дочь и готов сделать все для ее счастья. А если не справилась, так это сама виновата. Главное, чтобы не Синхелм. Только не он. Он просто не мог. Как позволить пострадать блестящему образу? Никаких пятен на доспехах – кровь легко смыть. Никаких пятен на душе – их легко спрятать под маской. А за последствия этого героизма сейчас отдуваться ему? Не в этот раз.

Фергас развернулся, направляясь прочь по пустому коридору, где были гулко слышны его шаги. В этот раз каждый сам за себя. Синхелм далеко. А девчонка начинает задавать вопросы. Совершенно ненужные вопросы. Он прекрасно слышал их разговор с Маркар. Обе слишком любопытны и суют нос, куда не следует. Девцам нужно болтать о платьях да как охмутать идиота побогаче, чтобы удачно выйти замуж. А вовсе не поднимать старую пыль с того, что давно умерло. Так и должно оставаться. Слишком высокая цена заплачена. Он не собирался рисковать. И если на пути встанет одна неугодная сиротка, колебаться не станет.

Глава 16

Улицы Валмира наконец-то перестали походить на болото. Солнце и разгулявшийся ветер помогали в этом в полной мере. Пересекая главную площадь города, Кристиан огляделся, пытаясь вспомнить, где мог находиться нужный ему дом. Следуя за хозяином, Вир перешагнул через очередную блестящую лужу. Босоногая ребятня резвилась, разбрызгивая воду, прыгая в нее с разбегу.

Штаны и высокие ботинки моментально оказались вымоченными благодаря летевшим во все стороны брызгам. Вир поворчал в ответ, но его оглушил очередной радостный писк. Махнув рукой на детвору, он нагнал Кристиана.

– Что удалось узнать про печать? – Кристиан тихо выругался, когда мимо, не соблюдая дороги, пронесся новенький экипаж, запряженный парой белоснежных лошадей.

На дверце сверкал герб Улхаров. Пир Улхар являлся управляющим города. А судя по шлейфу приторных духов, оставшихся за экипажем, тот нес либо госпожу Улхар, либо одну из многочисленных дочерей управляющего.

– Хорошие лошади, – пробормотал Вир, глядя вслед экипажу. – Да только в нехороших руках. Не зашибли б кого по пути...

Припоминая детишек, игравших на площади, воин нахмурился. Рэйван едва повел рукой. Легкая шустрая тень скользнула по ней, срываясь с ладони и бросаясь вслед за несшимся экипажем. Нагоняя его, принялась ластиться к лошадям, обвивая длинные ноги невидимыми путами. Поднималась к шее, тяжестью припадала к груди, шептала неслышно, вынуждая животных замедлять ход и едва не засыпать от охватившей слабости.

Кристиану было жаль лошадей. Куда больше, чем тех, кто гнал их или отдавал крикливым голосом приказы, сидя в модном экипаже. Но, увы, не мог навредить людям. Сейчас не мог. Экипаж остановился, что вызвало новый поток явно пьяной истерики у его хозяйки. Дверца резко распахнулась, визгливый голос продолжал сыпать проклятиями.

Много сил он не отобрал. Пара дней – и лошади вернутся в прежнюю форму. Особенно при должном уходе. Не собираясь и дальше наблюдать за представлением, Рэйван покинул площадь, сворачивая на одну из широких улиц Валмира. Вир ухмыльнулся, кидая последний взгляд на девушку, метавшуюся вокруг экипажа, грозя неизвестному обидчику кулаками. Явно дочь Улхара. Уж слишком молода для матери семейства.

– Я малость поразузнал, – вернулся к разговору Вир. – Местный сброд верит, что существует некая томаринская печать. Что якобы она открывает путь к сокровищам.

– Сокровищам? – поморщился Рэйван.

– Да, – хмыкнул Вир. – Считается, что есть секретное место, где томаринские разбойники прячут награбленное. Многие охотники хотят заполучить его. Вот и ищут печать.

– И конечно же никакой печати нет?

– Полагаю, что все так и обстоит, – кивнул Вир. – Но томаринцам здорово кровь портят все эти желающие обогатиться.

– И кому у нас прямая выгода от этого? – Кристиан на мгновение обернулся лицом к площади. – Слухи распространяются с благословения Улхара?

– Так поговаривают среди стражей. За голову Калвага, предводителя томаринцев, назначена такая цена, что и я не прочь присоединиться к охотникам. И эти идиоты бесплатно сделают то, за что Ламон платит стражам.

– Они учиняют беспорядки в городе и пока для горожан и жителей окрестностей куда опаснее томаринцев. – Кристиан оглядел часть широкой улицы, на которой они оказались.

Она пестрела яркими домами и буйством зелени. Мощенная светлым камнем дорога, блестящие окна витрин... Все, чтобы заманить любителей опустошить свой кошелек. Чуть дальше, под высокой остроконечной крышей с черепицей, походящей на печенье, находилась кондитерская. Купить Трин сладостей? Рэйван спрятал руки в карманы штанов. Сегодня у него были несколько иные планы. Но отчего не добавить к главному подарку горсть конфет? Или пирожных? Или...

– Что там с томаринцами? – Кристиан направился к кондитерской.

– Местный люд двояко относится к лесным разбойникам, – догнал его Вир.

Воин с удовольствием вдохнул аромат свежей выпечки, ощущавшийся даже отсюда.

– Отчего же? Все они объявлены королем вне закона.

– Так оно и обстоит, – подтвердил Вир. – Но во время минувшей войны именно томаринцы поддержали королевские войска, защищая окрестные земли от вердианцев. Сейчас корона отрицает данный факт, но люди-то помнят. Всех не заставишь умолкнуть, хоть и пытаются.

– Когда война окончена, имена героев забываются.

– А некоторые навязчиво напоминают, – прокашлялся в кулак Вир.

– Намекаешь на Синхелма? – нахмурился Кристиан.

Помощник только пожал плечами.

– Что слышно о хозяине Томарина? – продолжал расспрашивать некромант, останавливаясь перед витриной кондитерской и разглядывая разноцветные десерты.

– Замок стоит у Легатских гор. Достаточно уединенно. Да еще и окружен лесами. После смерти прошлого хозяина больше десяти лет назад перешел по наследству к Самусу Элфэру. Но нынешний хозяин за все время владения землей ни разу не появлялся в Томарине.

– Почему? – обернулся к нему Кристиан. – Из-за соседства с разбойниками? Каэль Элфэр у нас трус?

– Слышал только сплетни. Говорят, земля Томарина после смерти старых хозяев проклята. А еще больше того проклятия пугают разбойники. Чего уж там... Выходит, что и сам Элфэр не рад такому наследству оказался. Вроде есть, а вроде как и нет его.

– Слухи о проклятии, полагаю, разбойникам на руку. – Кристиан оглядел кусок улицы, ощутив некоторое беспокойство.

Горожане прогуливались неспешно, и казалось, никому не было дела до его персоны. Но он чувствовал чей-то взгляд.

– Им на пользу все, что держит людей подальше от лесов.

– Кто следит за замком в отсутствие хозяина?

– Полагаю, что там должен быть управляющий, назначенный Элфэром. Возможно, кто-то из прислуги остался с ним. К сожалению, пока подробности мне неизвестны. А может, разбойники хранят в замке свое добро? Что, если замок заброшен и все обстоит именно так?

– Не думаю, что наглость томаринцев настолько уж велика. Да и нет мне дела до их тайников. – Кристиан нахмурился, припоминая недолгое сражение на заднем дворе трактира.

Эти охотники точно одержимы, раз не понимают, что их используют, как идиотов. Рэйван толкнул дверь кондитерской, входя внутрь небольшого помещения. Честно, он не любитель сладкого. Все осталось где-то в детстве, давно забытом. И сейчас некромант растерялся от разнообразия десертов и прочих сладостей, сверкавших разноцветными обертками. Бородатый хозяин улыбнулся в роскошные усы, широким жестом предлагая посетителю выбирать. Выбирать...

Что могло понравиться Трин? Взгляд остановился на небольших блестящих блюдах с идеальными горками орехов в шоколаде. Дальше лежали всевозможные виды печенья и пирожных. Разных цветов и форм, они еще больше сбивали с толку названиями. «Драконий глаз», «Дезия вечерняя»... Была даже «Первая невинность» в бело-розовой глазури. Не стоило задумываться о том, что вдохновило мастера на создание этого шедевра. И уж тем более о причинах нумерации той самой невинности.

Дядька за прилавком наверняка понял смятение посетителя, поскольку улыбка стала еще шире, а концы пушистых усов вздернулись, придавая ему вид чудака.

– Дайте что-нибудь на ваше усмотрение. – Рэйван нервно расстегнул пуговицу воротника рубашки.

– Господин желает признаться в любви? Или потешить ребенка? – деловито осведомился хозяин кондитерской. – А может...

– Просто порадовать. Порадовать, и все. – Кристиан прокашлялся в кулак. – И чтобы живот потом не свело от всех этих красок и блесков.

– Один момент! – Мужчина на минуту удалился в некое помещение за его спиной, скрытое резной дверью.

Вернулся с небольшим блюдом, застеленным белоснежной салфеткой. Края ее мягко трепетали при каждом движении кондитера. Легкий фруктовый аромат коснулся ноздрей Рэйвана. Смешивался он с запахом цветочного меда. Было и еще нечто едва уловимое, солнечное. Кажется, в детстве так пахло печенье, которое мать подавала к завтраку...

Отчего сейчас он вспомнил этот запах и вкус? Казалось, что тот забыт навсегда. Сердце гулко застучало, но Кристиан глубоко вздохнул, сдерживаясь. Тем самым еще сильнее ощутил аромат – немного пряный, немного сладковатый. Спелые золотистые дольки плодов кальмии были выложены полукругом на подносе. Почти прозрачные, выдержанные в меду, они буквально светились благодаря заглянувшему в кондитерскую солнцу.

– Кальмию нельзя назвать изысканной. Но она всегда радует. Этот вкус и аромат ни с чем не спутаешь. – Блюдо было опущено на стойку перед Кристианом.

– Согласен, – глухо отозвался Рэйван.

– Попробуете?

– Нет, – наверное, резче, чем стоило, ответил некромант.

Попробовать? Не смог бы. Не сейчас. Не при посторонних. Да что же он, в самом деле? Душа разнылась, как старая рана.

– Понял, – ничуть не смутившись, кивнул кондитер.

Видимо, и не таких чудачков встречал. Скрылся где-то под прилавком и поднялся с небольшой бумажной коробочкой, расписанной цветами. Аккуратно деревянной лопаткой принялся выкладывать на дно десерт, а по завершении накрыл крышкой и перевязал золотистой лентой.

Поблагодарив и расплатившись, Кристиан принял коробку и поспешил покинуть кондитерскую. Оказавшись на улице, он остановился на мгновение, закрыл глаза и шумно вздохнул. Будто так мог остудить память и собраться с мыслями.

– Господин! – Вир осторожно окликнул его, подходя со стороны шумного фонтана.

Тот сверкал в лучах солнца, разбрызгивая воду по бордюру, выполненному из белого камня. Будто мало им воды после стольких дождей. Кристиан подавил желание подойти к фонтану и умыться.

– За мной, – велел он коротко, намереваясь скорее покинуть эту часть улицы.

– Куда на этот раз, господин? – стараясь поспевать за ним, спросил помощник.

– Где в этом городе находится дом портного? – осведомился некромант, перешагивая через очередную лужу.

– Так отчего же сразу не спросили? – удивленно поглядел на него Вир. – Это нам через Тирову площадь нужно вернуться. Ну там, где экипаж Улхара малость подпортили... Так вот, сразу по правую руку и будет. Госпожу хотите порадовать?

Ухмылка на небритом лице воина стала шире.

– Вперед, Вир. – Голос некроманта опасно понизился, а зазмеившаяся у его ног тьма подсказала помощнику, что пора прикусить язык.

Глава 17

На Тировой площади продолжалось представление. Стоило отметить, что каэли Улхар могла построить блестящую карьеру актрисы королевского театра. Ламон был бы в восторге.

Светловолосая девица в слишком вычурном для городской прогулки платье то и дело лишалась перед стражами чувств, рассказывая попеременно каждому о случившемся злодействе. Народ развлекался, наблюдая за подвыпившей дочерью управляющего, впрочем, кто-то уже кинулся известить папашу. Двое стражей осматривали экипаж и лошадей, допрашивая худощавого кучера. Еще двое, стоя рядом со старшим патруля, вынужденно выслушивали раскрасневшуюся жертву.

Проходя мимо, Кристиану удалось услышать обрывок ее слов. Улхар требовала найти и непременно бросить за решетку того, кто посмел покуситься на ее драгоценную жизнь. Ведь негодяй наверняка метил в нее, но смог только умертвить лошадей.

То, что лошади были живехоньки, девицу мало волновало. Покачивая белыми головами, животные словно понимали пьяный бред хозяйки и обреченно ожидали возможности вернуться в конюшню. Кучер стоял, смиренно опустив голову, и мял в руках шляпу. Даже не обладая магическим даром, дядька наверняка понимал, что произошло на самом деле. Ведь не по своей воле гнал лошадей, не разбирая дороги. Приказ хозяйский выполнял.

– Этот некромант поплатится за свои деяния! – взвизгнула Улхар, вынуждая Рэйвана поморщиться от противного голоса.

Вир широким шагом следовал за хозяином, тоже желая поскорее пересечь площадь и оказаться в тишине.

– Наверняка он был подослан врагами моего отца! – слышалось позади них. – Вы ведь знаете, кто мой отец? Вот! Это точно он! Я чувствую его отвратительную магию! Стой!

Кристиан тихо выругался, слыша, как стражи кинулись выполнять приказ старшего патруля. Совсем страх потеряли? Готовы на все, лишь бы умолкла дочь управляющего. И откуда взялась на его голову эта девица?

– Тебе не скрыться, убийца! – снова выкрикнула Улхар.

Вир коснулся рукояти оружия, крепившегося на поясе, стоило стражам приблизиться к ним. Но Кристиан едва качнул головой, веля помощнику остановиться.

– Именем короля... – начал было говорить один из стражей, но стоило некроманту повернуться к нему, как он умолк.

– Я Кристиан Рэйван, благословением короля ректор академии Ард! – изобразил он праведный гнев. – Как смеете останавливать меня? Как смеете упоминать имя короля и при этом обнажать оружие передо мной?

– Хватайте же его! – топнула ногой каэли Улхар.

– Простите, господин, – склонил голову старший патруля. – Сожалею, что не узнал вас.

– Арестуйте! Арестуйте этого гадкого некроманта! И его приспешника тоже! – возмущалась девица.

Топот копыт заставил ее ненадолго умолкнуть. И стражи и Кристиан обернулись, наблюдая за приближавшимся всадником. Нет, это конечно же был не управляющий. Сам Улхар не стал бы позориться, поэтому прислал помощника. Остановив серого коня, высокий худощавый мужчина спешил. Тонкий шрам на его щеке скрывался под аккуратной короткой бородой. Темными внимательными глазами маг обвел площадь, замечая собиравшихся любопытных горожан. Пора все это заканчивать.

– Господин Вилмор, – склонил голову старший стражи.

Маг сдержанно кивнул. Полностью игнорируя очередные выкрики дочери своего хозяина, наверняка уже давно ставшие привычными, он повернулся к Кристиану.

– Господин Рэйван... – Вилмор говорил неспешно, будто слова давались ему с трудом. – Я рад, что вы оказались в нужное время в нужном месте, если можно так выразиться. Лошади понесли, но благодаря вашим своевременным действиям госпожа Макэль не пострадала. Господин Улхар непременно будет об этом извещен и наверняка пожелает поблагодарить вас лично. Но, к сожалению, сегодня его нет в Валмире.

«Лошади понесли»? Серьезно? Слова были сказаны таким тоном, что Рэйван понял: это был

единственный быстрый способ покончить с нелепой ситуацией и убраться с площади. Вот только подвыпившая девица с этим была явно не согласна.

– Убийца!

– Простите, – снова кланяясь, пробормотал страж, поморщившись от выкриков за его спиной.

– Он не спасал меня! Вы только посмотрите на него! Посмотрите на него! Он хотел убить... – Она замахнулась рукой, но не удержалась на шатких ногах и осела на сырые камни.

– Не смею вас задерживать, – натянуто улыбнулся Вилмор, жестом предлагая Кристиану идти своей дорогой. – Еще раз благодарю за помощь.

– Не стоит благодарности, – сухо ответил Рэйван.

Он прошел мимо помощника управляющего, не собираясь и мгновения больше задерживаться на шумной площади. Вир спешил за ним, продолжая тихо ворчать и хвататься за рукоять оружия, разгоняя любопытных горожан. Оказавшись на соседней улице, Кристиан шумно вздохнул и пробормотал проклятия. Темные узоры стирались с его рук и шеи, когда некромант успокоил всплеск силы. Вспомнив о своей ноше, которую держал в руке, Кристиан посмотрел на коробку со сладостями. Лента была в порядке. А сладковатый аромат ощущался даже сейчас, говоря о том, что десерт не превратился в прах.

– Держи! – велел он, передавая коробку помощнику. – Головой отвечаешь.

Так будет безопаснее. Вдруг сегодня еще кто-нибудь лишится ума, испытывая его терпение на прочность. Как пить дать завтра во всех городских газетах напишут, что ректор Арда спас жизнь дочери управляющего. На что только не пойдут, чтобы замять сегодняшнее происшествие. Селма будет в восторге.

– Не тормози, Вир! – уже видя нужный дом, велел Кристиан.

Бережно удерживая в руках коробку, помощник поспешил за ним. Как и в прошлый раз, Вир остался ожидать хозяина у крыльца, осматривая улицу.

Этот дом был намного больше уютной кондитерской и имел два этажа. Кристиан шагнул на натертый до блеска пол, в котором, казалось, можно было разглядеть собственное отражение. Высокие окна позволяли дневному свету проникать в просторный нижний зал, буквально заливая его теплым светом.

В стороне стояли два дивана в компании небольшого резного столика. Видимо, для ожидания явившихся каэли. Кристиан заметил несколько на удивление невысоких деревцев цемиклера. Высаженные в белоснежные горшки, они своей зеленью оживляли помещение. Приблизившись, Рэйван понял, что растения были искусственными. Что объясняло их размер. Листья и белые цветы неизвестный мастер выполнил на удивление реалистично из лоскутов ткани.

По другую сторону зала Кристиан увидел три деревянных манекена, обряженных в готовые платья. Вполне приличные платья. На второй этаж вела лестница, и оттуда доносились голоса. Один мужской и еще несколько женских.

Он ощущал смешение сил. Маг воздуха... Судя по общей атмосфере дома, им являлся хозяин. Чувал Кристиан и некроманта. Остальные были слишком слабы, чтобы четко обозначить себя. Его окликнули. Женщина средних лет подошла совершенно бесшумно. Или он так крепко задумался? Рэйван ответил на приветствие.

Миниатюрная, в голубом платье, светлая коса уложена венком на голове. Она мягко улыбнулась. Есть такие женщины, редкие, к сожалению. Не имея ни капли привычной магии, они используют свою собственную магию – непостижимую, заставляющую любое место, где окажутся, становиться светлее и чище. Помощница лучшего портного Валмира была именно такой.

– Господин Рэйван!

Ну надо же, на этот раз его узнали, да еще и не испытывая отвращения при этом. Сплетни, распускавшиеся о нем в королевстве, не добрались до этого дома? Сейчас Кристиану было все равно. Нужно закончить то, зачем явился.

– Вы хотите сделать заказ? – открыто улыбаясь, спросила помощница.

Заказ? У него нет времени ожидать, пока наряд сошьют. Как и нет возможности привести сюда Трин для примерки. Нужно выбрать готовое, если повезет.

– Господин Юлмиз сейчас беседует по поводу одного из срочных заказов. Вы располагаете

временем, чтобы дождаться его за чашечкой чая? Или хотите выбрать удобное время?

– Я хочу выбрать из тех платьев, что уже готовы, – пояснил Кристиан. – То, что я могу забрать сразу.

– Неожиданно, – удивилась помощница Юлмиза. – Вы хотите взять без примерки?

– Полагаю, что, примерив хоть одно, распугаю всех ваших клиентов.

– С этим можно поспорить, – улыбнулась она, жестом приглашая пройти в смежное помещение, оказавшееся немногим меньше зала. – Готовых платьев не больше десяти. Как правило, к нам обращаются желающие сшить на заказ. Надеюсь на ваше понимание.

– Безусловно. – Рэйван огляделся.

Тот же зеркальный пол, огромные окна, поднимавшиеся до потолка, белоснежные шторы, на фоне которых яркими пятнами выделялись платья. Манекены стояли полукругом, в разноцветных нарядах, словно девицы на балу.

– Вам предложить платье для какого-то особого случая? – поинтересовалась помощница Юлмиза. – Мне необходимо знать некоторые подробности о каэли, которая наденет его, господин. Могу ли я попросить вас ответить на несколько вопросов, чтобы подобрать наиболее подходящий вариант?

Вопросы? Размеры... Объемы... Возраст... Цвет волос или глаз... К хаосу все эти допросы! К счастью, в этот раз ему не нужно гадать, что выбрать. Оказалось достаточно одного взгляда. Серебряное, черное, голубое... Или даже темно-зеленое. Все не то. А вот это, единственное, незаслуженно оставленное с краю, было тем самым. Наряд облегал тонкий силуэт манекена из черного гладкого дерева. Облегал, струился, буквально стекал с него всполохами мягкого пламени длинных юбок. Золотистая невесомая ткань рукавов, строгий корсет, расшитый в тон медовыми камнями эмерита... Если можно чем-то передать без слов и мягкость пламени и одновременно его яркость, это идеальный вариант.

– Это, – указал Кристиан на платье.

Глава 18

– Надеюсь, ваше ожидание было недолгим! – Юлмиз присоединился к ним, спустившись по лестнице. – Каэль Рэйван, рад видеть вас.

Легкие светлые одежды, легкие шаги... Он шел, будто не касаясь ногами земли. В присутствии мага воздуха колыхнулись шторы, впуская в приоткрытое окно свежий порыв ветра. Тот, словно ручной зверь, радовался возвращению стихийника. Сухощавый высокий мужчина тепло подал руку гостю, затем широким жестом обвел зал.

– Чем же я могу порадовать вас?

– Меня уже порадовали, – сдержанно улыбнулся Кристиан.

– Дорогая Лисия, – с некоторой долей обиды обратился к своей помощнице Юлмиз, – вы приняли заказ без моего участия?

– Каэль Рэйван выбрал готовое платье, – пояснила женщина, останавливаясь возле манекена с нарядом. – Только по этой причине я приняла заказ.

– Готовое? – Тонкие брови портного приподнялись над маленькими круглыми очками.

Зачем очки магу? Тому, у кого зрение не могло испортиться, как у простого смертного. Но, видимо, они были частью образа Юлмиза.

– Увы, это подарок. Я не могу привести будущую хозяйку платья на примерку или просить ее назвать все необходимые мерки. Иначе поймет, для чего я их прошу. – Кристиан снова поглядел на платье. – Уверен, что оно прекрасно подойдет. Так что вам не о чем беспокоиться.

– Я понимаю вас. – Лицо Юлмиза смягчилось, и он неспешно прогулялся к манекенам. – Прекрасный выбор. Хотел бы я увидеть ту, что его наденет. Каждому платью я даю название. Вы выбрали «Танец огня». Стоит сделать шаг – и пламя оживет, придет в движение. Я назвал его в честь цветения яльмаров. Вы слышали об этом чуде, каэль Рэйван?

– Нет, – признался Кристиан.

– Жаль, – мечтательно вздохнул Юлмиз.

Оживший ветер скользнул за шторами, повторяя вздох мага.

– Из этих удивительных деревьев в основном состоят томаринские леса. Цветут яльмары только раз в году, точнее, одну-единственную ночь. А к утру роняют все свои цветы. И тогда создается ощущение, будто лес горит. А на рассвете пламя из лепестков стелется под ногами и сияет так ярко, что впору ослепнуть. Нежный пожар. Опасный и трепетный. Вот что я хотел сказать этим творением. Кстати, это чудо скоро вновь повторится, – щелкнув ухоженными пальцами, сказал Юлмиз. – Советую не пропустить момент и лично насладиться этим зрелищем.

– Благодарю за информацию. – Кристиан коротко кивнул.

Спускаясь по ступенькам лестницы, она все гадала, могло ли воображение сыграть с ней шутку. Голос был так знаком... Дель сошла с последней ступеньки на блестящий пол нижнего зала. Она неслышно подошла к открытым настежь дверям соседней комнаты. Нет, не ошиблась. Это действительно Рэйван. Что он здесь делал? Юлмиз славился на весь Валмир тем, что шил только женские наряды. Явиться сюда за костюмом для себя Кристиан не мог. Пришел за платьем? Но... для кого?

Дель почувствовала, как сердцебиение участилось. Она остановилась у входа в зал, наблюдая за действиями тех, кто находился в нем. Говорили о платьях. Юлмиз все сетовал, что невозможно примерить наряд перед покупкой. Но тогда бы подарок не получился... Подарок? Кому?

Кристиан прошелся вдоль ряда платьев, и Дель позволила себе увлечься предположениями. Скоро в академии бал. Ректор должен выбрать пару. Кого же еще он мог выбрать? Верно же? Ведь их семьи, считай, договорились. Разве может его упрямство что-то изменить? Решил наконец признать их союз и сделать подарок? Наверняка так и есть. Победная улыбка коснулась ее губ.

Пусть она позволила некроманту унижить ее перед всей академией, лишив статуса главы студсовета. Но с лихвой отомстит, когда ему придется лично признать ее хозяйкой своего замка. Она будет смотреть в эти серые глаза, она будет улыбаться. Непременно. И конечно же изобразит удивление, получив белоснежную коробку с золотистой лентой и личными пожеланиями самого

Юлмиза. Теми, что непременно оставляют в каждой коробке в конверте, написав несколько сладких строк счастливой обладательнице обновки.

Как хорошо, что убедила Вильят отпустить ее сегодня с занятий! Все по причине скорого дня рождения младшей сестры. Заказанное платье практически готово, и визит к портному никак нельзя отложить. Иначе его не успеют закончить в срок и отправить имениннице в Деспин.

Но что выберет Рэйван? Мужчины ничего не смыслят в этом деле. Ах, вон то, расшитое серебром. А рукава украшены малийским кружевом... Все так подойдет к цвету ее волос. Догадается выбрать его? Она примет любое, так и быть. Но не хотелось выглядеть нелепо на балу. Все должно быть безупречно. Хоть окликай и вели все сделать, как должно!

– Вы уверены в выборе цвета, каэль Рэйван? – еще раз спросил Юлмиз. – Вы так загадочны, что я вновь ощущаю волнение. Подойдет ли? Что скажете о «Звездной ночи»? Или о «Лунной дымке»?

Указал на то платье, что она так вождеделала, и Дель задержала дыхание. Ну давай же, что молчишь, проклятье! Выбирай его...

– Черное? – заговорил Кристиан. – Серое? Никогда. Только это подойдет той, что сама как солнце.

К молчаливому возмущению Дель некромант указал на крайнее, то, что никогда бы в здравом уме не выбрала. Он сошел с ума? Разве не помнит, что она предпочитает серебро? Погодите-ка... Внезапно кинуло в жар, и Дель отступила на пару шагов, скрываясь в смежном зале. Та, что сама как солнце? Так сказал Рэйван?

– Что?

Нет, она просто неправильно поняла. Не мог он говорить о ком-то другом. Не мог. У Кристиана Рэйвана нет возлюбленной. Нет и не может быть. Не может. Платье для нее. Он ведь покупал его для нее... Лучше пусть все обстоит именно так. В противном случае «солнце» пожалеет, покусившись на то, что принадлежит ей. Дель едва сдержалась, чтобы немедленно не кинуться, потребовав объяснений. Но нет, она не выдаст сейчас, что знает о визите к Юлмизу. Она должна узнать, кто посмел настолько обнаглеть.

Не дожидаясь, пока ее заметят, Дель бесшумно покинула дом. Придерживая подол платья, она едва не задела на крыльце Вира, ожидавшего хозяина. Воин поклонился, приветствуя каэли. Но та пригвоздила его к месту гневным взглядом, вынуждая замереть и с недоумением глядеть вслед.

– Примерка прошла неудачно? – пробормотал он. – У женщин все так сложно...

Оглядывая улицу, Вир не без удовольствия остановил взгляд на противоположной ее стороне. Там, где у небольшого фонтана слышался тихий смех и девичьи голоса. Разноцветной стайкой юные каэли собрались вокруг цветочницы, наперебой указывая на корзинку в ее руках и выбирая небольшие букеты. Цветы – простые, полевые, перевязанные тонкими цветными лентами. Наверняка собраны в окрестностях Валмира.

Девицы были хороши. Но все же вниманием Вира завладела сама цветочница. Длинные вьющиеся волосы, яркие, словно пламя. Простое незатейливое платье, на тонкой талии перехваченное широким, расшитым цветами поясом. Белый передник с карманом посередине, из которого выглядывали концы лент. Цветочница вытащила одну, алую. Лента затрепетала на ветру. Девушки принялись что-то бурно обсуждать. Цветочница поставила корзину на землю и занялась выбранным букетом, меняя голубую ленту на алую по просьбе покупательницы.

Вир бы и дальше любовался незнакомкой, но тут на пороге дома объявился хозяин. Судя по темным всполохам, окружавшим его силуэт, Кристиан Рэйван едва вытерпел визит к портному. Выбор платьев уж точно не для его господина. Вир торопливо принял от него большую белоснежную коробку, перехваченную золотой лентой. На крышку, возле пышного банта, воин рискнул поставить коробочку со сладостями. Теперь держать покупки стало проще, и он не боялся, что уронит хоть одну, рискуя лишиться головы.

– Куда теперь, господин? – спросил Вир, следуя за Кристианом.

Он еще раз посмотрел на компанию девушек, широко улыбаясь цветочнице. Рыжая незнакомка одарила его ответной улыбкой. Спросил бы ее имя. Обязательно спросил бы. Но сейчас должен идти.

– К мосту, – велел Кристиан. – Я перемещусь у ворот Арда. Затем ты вернешься в город, Вир. Если будут новости – доложишь в любое время.

Поднимая с земли корзинку, Хельга посмотрела вслед мужчинам. В город они с Яром пришли до рассвета. Сделать это раньше не позволяла ни погода, ни состояние товарища. Сейчас Хельга могла

не опасаться за его здоровье. Но Кристиан Рэйван уже знал Яра в лицо, как и его улыбчивый помощник. Поэтому подойти к ним ближе могла лишь она. Хельге хотелось в это верить.

Рэйван, признаться, удивил. Даже тьма, окружавшая его, не вызывала у инрэйг привычного отвращения. Она не казалась ядом и не пахла смертью. В воображении Хельги она рисовалась уставшим, замученным зверем, вынужденным волочить за собой тяжелые цепи. Вроде как никто не удерживал за них, но уже не было сил скинуть прочь.

После минувшей войны осталось много таких «зверей». Она чувствовала каждого, что порой причиняло почти физическую боль. Таковы были причуды ее силы. Как правило, инрэйги, подобные ей, являлись природными целителями, леча физические раны за счет своей магии. Она же ощущала и раны душевные, исцелить которые было куда сложнее.

Хельга видела, как некромант остановил лошадей, когда одна из дочерей Улхара вновь решила, что ей все позволено. Рэйван пожалел животных, не стал убивать... Не стал вредить кучеру и мерзкой Макэль, когда та вопила у экипажа. Но Хельга не собиралась так легко доверяться ему, несмотря на выказанную человечность.

Да, Рэйван не походил на простых охотников, готовых на все, лишь бы заполучить несуществующую печать и разбойничьи сокровища. Не походил и на Фемира Синхелма. Произнося мысленно это имя, Хельга презрительно изогнула губы. Если есть справедливость в этом мире, однажды он ответит за все содеянное. Однажды каждый узнает, кто... Нет – *что* скрывается за всеми уважаемой личиной героя.

Глава 19

В отличие от Ивон, буквально поселившейся в библиотеке, Трин посещала ее лишь пару раз. Сегодня пришлось отправиться сюда за специальными книгами по рунологии, получив особое задание от каэля Морруса. Трин толкнула тяжелые створки дверей, оказываясь на площадке, с которой две деревянные лестницы вели в огромный зал библиотеки.

– Каэли требуется помощь хранителя? – слышался у ее уха тонкий голосок.

Легкие прозрачные крылья трепетали, удерживая существо в воздухе.

– Здравствуй. Кажется, мне действительно нужна помощь, – согласилась Трин. – В какой части библиотеки я могу найти книги по рунологии?

– Следуй за мной!

Хранитель описал круг над студенткой, и его золотистое свечение стало ярче. Затем полетел в направлении левого крыла библиотеки. Оставалось поспевать за проворным существом, спускаясь в зал и лавируя в лабиринте бесконечных рядов стеллажей. Объявившийся Зиль вздумал играть наперегонки с хранителем, но был остановлен хозяйкой. Фамильяр продолжал с восторгом следить за летящим существом, от нетерпения выпуская и пряча длинные когти. Причем делал это, сидя на плече Трин.

– Ты должен вести себя прилично, – пожурела она духа. – Иначе нас выгонят отсюда. Здесь тебе не площадки боевого факультета.

Трин торопливо прошла вдоль ряда колонн, сворачивая в сторону, указанную сверкающим хранителем. Она миновала отделенную часть библиотеки, где были установлены столы и кресла, давая возможность чтения книг, не покидая зала. Зачарованные сферы мягко светились, паря над столами и услужливо снижаясь по требованию чтеца. Оказавшись наконец у нужных высоких стеллажей, Трин остановилась. Хранитель описал круг над нею и получил в благодарность печенье, оказавшееся едва не в половину роста самого существа. Довольно пропищав что-то на прощанье, беспокойный помощник упорхнул, крепко удерживая руками угощение.

Зиль ласкался, терся о шею, пытался заглянуть в лицо и не давал толком рассмотреть бесконечное множество книг. Заметив нужную на верхней полке, Трин огляделась. Лестница находилась рядом. Пододвинув ее, она взобралась по деревянным ступенькам, теперь имея возможность добраться до полки. Книга была тяжелой, в старом кожаном переплете, связанная тонким шнурком. Надпись на обложке сохранилась отлично, и Трин с удовольствием провела ладонью по тисненым буквам. Спускаться вниз не стала, садясь на удобную верхнюю ступеньку лестницы. Пока никому не мешала и была одна, могла спокойно прочитать все, что было нужно.

Скоро Кристиан вновь переместит ее к себе. Она уже привыкла выбирать уединенные места, зная о близком времени встречи. Раскрывая книгу, Трин не сдержала улыбки. Она соскучилась. Сегодня Кристиана целый день не было в замке. Оставалось гадать, куда мог отправиться некромант. Пристроив книгу на коленях, Трин принялась читать, иногда делая пометки в тетради. За столом было бы куда удобнее. Но здесь тише.

Увлечлась чтением так, что не заметила, как стемнело. И действительно испугалась, когда под нею вспыхнули круги печати перемещения. Едва успела прижать к груди книгу, как оказалась в знакомой комнате. Устояв на ногах, Трин заметила Кристиана за своим столом. Что-то дописывая в длинном шуршащем свитке, некромант хмурил брови.

– Обо мне совершенно забыли? – Уголки его губ едва дрогнули, выдавая то, что ворчание было показным.

– Нет. – Трин ответила улыбкой, пройдясь по комнате и останавливаясь рядом с ним. – Просто немного увлеклась.

– И что же такого увлекательного в писаниях почтенного Морруса? – поднял к ней взгляд Кристиан. – Снова дает задания по своим же книгам?

– Так и есть, – подтвердила Трин, делая еще шаг к жениху.

Она опустила захваченную из библиотеки книгу на край стола. Затем собралась расправить воротник на рубашке Кристиана. Но он опередил, притянув ее к себе и вынуждая сесть на колени, окутывая знакомым теплом.

– Ты скучала? – спросил, обнимая за талию.

Но слова звучали так, будто сам признавался в этом.

– Я была слишком занята, чтобы предаваться скуке, – поддразнила Трин.

– Вот как? – Серебро в глазах некроманта потемнело.

А едва склонился к ее лицу, собираясь поцеловать, как услышал низкое рычание. Вредный комок тьмы, им же призванный, возник перед самым лицом, скалясь и не давая приблизиться.

– Смеешь мешать мне? Все твои жалкие кости все еще у меня, мараг. Достаточно одного щелчка пальцев, чтобы обратить их в прах и уничтожить тебя, – без тени шуточки пригрозил Кристиан. – Или навечно приставить к самому темному чулану Арда – ловить мышей и пауков.

В ответ его виновато лизнули в нос, ощерились и деликатно растворились в воздухе.

– Вы только посмотрите на них! – Взгляд Кристиана вернулся к Трин. – Что хозяйка, что фамильяр – оба бессердечны и слабы памятью.

Трин немного подалась к нему и все же поправила воротник рубашки. Позволила себе задержать ладони у его лица, коснуться кончиками пальцев шеи, а затем повести ими к подбородку. Колючий... Губы чувствовали то же, когда осмелела, целуя его. А затем устроилась удобнее на коленях, опуская голову на плечо Кристиана. Как же уютно было, как же тепло и безопасно.

Хотя здесь она поторопилась с выводами. Возможно, некромант был лучшим щитом от всех невзгод, но сам уж никак не являлся безопасным. И когда наконец поцеловал, как и собирался до выходки Зиля, то в полной мере доказал это. Их дыхание смешалось, а объятия стали крепче. И только когда почувствовал жар на своих плечах, исходивший от ее ладоней, Кристиан отстранился.

– Так ты скучала, Спичка? – спросил он вновь, сплетая пальцы их рук и давая Трин возможность справиться с чувствами.

– Ты снова обожжешься! – Она попыталась высвободить руки, но их сжали крепче.

– Тогда придется заботиться обо мне.

Рунные знаки на запястьях стихийницы то вспыхивали ярче, то, тлея, угасали.

– Я не желаю ранить тебя. – Трин кое-как уняла разгоравшийся в груди жар. – Пройдет полжизни, пока моя сила станет стабильна. И каждый день ты будешь в опасности.

– Значит, признаешь тот факт, что у нас будет этот «каждый день»? – усмехнулся Рэйван. – Ты...

– Я скучала, – призналась Трин. – И...

– И? – Он так и не отпустил ее рук, отмечая про себя, что хоть глаза и сияли золотом, но знаки с ладоней стирались.

– Иногда мне хочется просто подойти к тебе и взять за руку. Хочется окликнуть, когда вижу в коридоре. И не думать о том, что скажут люди. Иногда мне так хочется быть свободной от шепота за спиной. От всех сплетен и интриг. Иногда мне кажется, я устала настолько, что больше не выдержу. Но ты веришь в меня. Это так удивительно.

Проведя ладонью по ее волосам, Кристиан тепло коснулся губами лба Трин.

– Я не стану лгать, что люди умолкнут. И пусть браки между преподавателями и студентами в Арде не запрещены и даже имели место быть, но сплетни только усилятся. Это как дождь, нужно просто переждать. Он льет сильнее перед тем, как стихнуть.

В дверь осторожно постучали, вынуждая Кристиана прервать разговор. Тот, кто потревожил их, не был живым. Это некромант чуял прекрасно. Прислужник явился с некими известиями?

Трин поднялась, встал и Кристиан, направляясь к двери. Пришедший умай склонил голову перед ректором Арда, протягивая блестящий серебром поднос. На нем лежал небольшой конверт. Приняв его, Кристиан отпустил умая и прошелся по комнате.

– Ты получил письмо?

– Склонен предположить, что это приглашение. – Он вскрыл конверт, разворачивая сложенный вдвое лист.

Читая скупые строки, Кристиан холодно усмехнулся. Ну надо же, как быстро! Улхар возвратился в город и возжелал поблагодарить «спасителя» его пьяницы-дочери? С визитом звал... Что ж, в другой раз он непременно отказался бы. Но это неплохая возможность расспросить о томаринцах. Если верить слухам, управляющий распускал и свои – о печати. Мог знать нечто, что пригодится в

поисках.

– Что-то не так? – полюбопытствовала Трин.

– Все в порядке. Нужно нанести визит в дом Пира Улхара, управляющего Валмира. Я совершенно не горю желанием видеть его. Но раз уж пригласил, то воспользуюсь этим. – Кристиан бросил конверт и письмо на стол. – Улхар мечтает избавиться от разбойников. Скорее всего, идея распустить слухи о томаринской печати принадлежит ему. Хочу расспросить его об этом. Эта земля была в твоих воспоминаниях. Я понимаю, как хочешь открыть для себя правду. Просто дай мне время.

– Я хочу быть полезной тебе, помочь хоть чем-то. – Трин приблизилась к нему.

– Тогда просто оставайся в Арде, чтобы быть единственной причиной, по которой я возвращаюсь сюда. Трин... – Кристиан опустил ладони на ее плечи.

– Да?

– Я говорил ранее, что выберу время отвести тебя в храм Бевана. Там мы принесем брачные клятвы у алтаря.

– Да... – разволновалась Трин, вздрогнув под его ладонями.

Кристиан сжал ее плечи сильнее.

– Мне жаль торопить тебя. И я желал бы, чтобы все происходило при более приятных обстоятельствах. Но в свете последних событий хочу, чтобы мое имя стало тебе защитой, – внимательно глядя в ее лицо, твердо проговорил Кристиан. – Ты понимаешь меня, Трин?

Она понимала. Прекрасно понимала. А также сознавала, что не желала прикрываться им, словно щитом. Зачем ему она – сирота безымянного рода? Зачем ему она, если взамен может потерять все, что дорого? Трин прерывисто вздохнула, снова вздрогнув в его руках, ощущая озноб.

– Трин! – Кристиан не сводил с нее глаз.

– Да. Я понимаю.

– Тогда почему мне кажется, что сейчас ты готова выпрыгнуть в окно и бежать прочь, позволь спросить?

– Твой дед не позволит свершиться этому браку, – наконец произнесла Трин, высказав то, что уже столько времени ее мучило.

– И в этом вся причина? – Казалось, он действительно был удивлен.

– А этого мало? – растерянно посмотрела на него Трин. – Деверукс лишит тебя наследства. Он не отдаст тебе Харланд.

– И все это время ты мучилась подобными мыслями, Спичка?

Его мягкий смех неожиданно зазвучал в комнате, разволновав Трин больше прежнего. Что в ее словах вызвало подобную реакцию?

– Разве могут не беспокоить эти вопросы?

Кристиан вновь заставил девушку смотреть на него, придерживая ее подбородок.

– Я знаю своего деда, Трин. Прекрасно знаю. Поэтому и настоял на письменном договоре. У меня есть его подпись и печать на жалкой бумажке. И там ясно сказано, что я всего лишь обязуюсь жениться в течение года для получения наследства. Но кем должна быть будущая каэли Рэйван, ничего не сказано, – пояснил он, отпуская подбородок Трин и проведя тыльной стороной ладони по ее горячей щеке. – Много лет было так темно. Темно. Холодно. Я рад был обжечься, чтобы вновь ощутить, что жив. И если единственная причина твоего сомнения боязнь навредить мне, я лишь еще больше уверяюсь в правильности своего выбора. Я не отступлюсь.

Глава 20

Трин с удивлением глядела на большую коробку, которую Кристиан опустил на стол. Золотистая лента так замечательно сверкала аккуратным бантом на крышке. Рядом ютилась вторая коробка, совсем маленькая, привлекая к себе внимание приятным ароматом. В ней явно таилось нечто, приобретенное в кондитерской.

– Что это? – Трин приблизилась, когда Кристиан жестом пригласил подойти к его столу.

– То, что, надеюсь, хоть немного поднимет тебе настроение. Хотел вручить это в качестве поощрительного приза, когда ты выиграла у Димера тот небольшой поединок. – Кристиан усмехнулся. – Но что-то вечно вмешивалось в планы.

– Это подарок? Мне? Еще один? – Ее глаза распахнулись от волнения, и она не смогла сдержать улыбку.

В прошлый раз Кристиан подарил Зиля. И порой ей казалось, что вместе с ним подарил частичку себя, которая постоянно находилась рядом, где бы ни пропадал некромант. Что же в этот раз? Что могло быть в прекрасной белой коробке? Погодите-ка... Это же не то, что она думает?

– Верно. Подарок. Откроешь здесь или предпочитаешь сделать это в своей комнате?

– Спасибо. – Трин осторожно потянула за конец ленты на большой коробке. – Я открою его при тебе. Надеюсь, оттуда не выскочит еще один дух?

– Хватит и одного, – припоминая выходку Зиля, вздохнул Рэйван.

Развязав бант, Трин рискнула поднять крышку. Она дрогнула в руках, и пришлось задержать дыхание от неожиданности и... восторга. Да. Именно это Трин сейчас чувствовала. Мягкое сияние эмеритовых камней, которыми был расшит корсет платья, отражалось в ее глазах. Платье. Кристиан подарил ей платье...

Он молча наблюдал за реакцией Трин. Подарок понравился. Это он видел совершенно ясно. Вот только не мог понять, отчего радость смешивалась с откровенным испугом. Трин пыталась скрыть свои чувства, но безуспешно. Отчего простое платье так ее взволновало?

– Оно очень красивое. – Трин прикоснулась к переливчатой, пылавшей огнем ткани. – Оно прекрасно. Спасибо.

Глаза увлажнились, и она закусила губу, надеясь сдержаться. Да что такое? Снова чувства через край. Все ее планы спрятаться на время бала летели к хаосу. Теперь она не сможет отказаться. Не сможет подвести Кристиана. И наверняка опозорится перед всеми собравшимися на балу. Или будет мучиться и смотреть, как Кристиан танцует с кем-то из студенток. Трин прекрасно понимала, что это для него всего лишь необходимость. Всего лишь некий ардовский ритуал. Но сердце отказывалось слушать.

– Если понравилось, почему так взволнована? – проникновенно прозвучал рядом голос Кристиана.

Он обнял девушку за плечи, привлекая к себе. Время, замри. Остановись. Вот бы стоять так вечно. Трин обняла Кристиана, прижимаясь щекой к его груди. Вот он, такой полюбившийся мерный стук сердца... И тепло. Так тепло. Точно, тепло!

– В этом платье я не смогу надеть наручи. – Трин подняла голову, глядя на Кристиана. – Я могу не сдержаться и натворю дел во время бала. Мне совершенно нельзя там появляться.

– Так проблема в твоей неуправляемой силе? – Он постарался не улыбнуться, чтобы не расстроить лгунью еще сильнее.

– Да, – торопливо кивнула Трин. – Ты лучше всех знаешь, что я могу натворить.

– И лучше всех знаю, как с этим справиться, верно? – не выдержал и усмехнулся некромант. – Доверься мне. Этого будет достаточно. И так, на всякий случай: даже не смей думать о том, что сможешь не явиться на этот проклятый бал. Не смей бросать меня одного на растерзание толпы.

– Я не брошу, – заверила Трин уже спокойнее.

Подумаешь, еще раз осмеют или будут распускать сплетни о дикарке-сироте. И в самом деле, она придет туда только ради Кристиана. Все остальное не важно. Справится. Не впервой.

– Ты дала слово, – пристально поглядел Рэйван.

- Я его сдержу, - твердо пообещала Трин.

- Сейчас я должен отпустить тебя. Увы, необходимо вернуться к делам.

Отпускал нехотя, целуя на прощанье и вручая коробки с подарками. Оставшись один, Кристиан прошелся по комнате, устало поведя плечами. Затем поглядел на стол, заваленный бумагами. Еще одна куча планов, расписаний и тому подобного, отчего голова раскалывалась. А затем еще одна бессонная ночь. Он посмотрел на кровать... Опять вернутся ночные кошмары.

Хотя в прошлую ночь, когда едва смог сомкнуть глаза, ему снилось нечто необычное. Тихий голос пел песню. Некую колыбельную. Где он мог ранее ее слышать? Возможно, в детстве пела нянька, поскольку голос уж точно не походил на материнский. Или его снова посетили чужие воспоминания? Кристиан глянул на входную дверь. Песня пелась не для него? Кто-то когда-то пел ее для Трин? Появилось желание не сдерживать слово, надеть медальон на ночь и перенести ее к себе. Но спалит же всю комнату! Зато перед этим он отлично выспится...

Оказавшись в темном коридоре, неподалеку от лестницы, ведущей к крылу общежитий, Трин придержала коробки. Маленькая, со сладостями, едва не соскользнула с гладкой крышки коробки с платьем. Кальмия дразнила своим ароматом, вызывая желание немедленно попробовать десерт. А еще в который раз пожалеть, что не могла разделить эту радость со своим молчаливым другом.

Трин огляделась в поисках умая. Тихий стук вызвал улыбку, сообщая о том, что сегодня она все же увидит Лейтона. Это не удавалось уже третий день. Он появился, спускаясь с третьего этажа. Мягкое голубоватое свечение стало ярче, когда ардовский прислужник заметил стоящую в сумерках коридора подругу. Лейтон приблизился, кивком отвечая на приветствие, и протянул руки, предлагая помощь.

- Где ты пропадал, Лейтон? - Трин позволила принять коробки. - Я уж было начала волноваться. Вдруг настолько надоела, что ты сбежал?

Умай покачал головой в ответ на ее слова, и его глаза затлели сильнее. Он немного приподнял в руках ношу, таким образом спрашивая, что же такое нес.

- Тебе интересно? - усмехнулась Трин, спускаясь с другом по широкой лестнице.

Они остановились где-то на середине, когда она пригласила присесть на одну из ступенек.

- Сегодня я получила подарки, Лейтон.

Умай указал пальцем куда-то вверх.

- Да-да, Кристиан снова сделал мне подарок. И этот самый подарок делает меня одновременно и счастливой и несчастной, - вздохнула Трин.

Лейтон бережно опустил коробки на ступеньку повыше, а сам сел рядом с девушкой, вопросительно наклонив голову.

- Почему? Ах, Лейтон... Он подарил мне сладости, и я бы с удовольствием поделилась ими с тобой. - Трин склонила голову на его плечо. - Но могу лишь делиться своими проблемами.

Свечение умая то становилось ярче, то мягко угасало, выдавая чувства. Мерцающим призраком он сидел не шелохнувшись. Будто боялся, что она - живая, полная надежд и тревог, исчезнет, уйдет, растает. И все привиделось ему, после смерти не нашедшему покоя. И получил он проклятие - бесконечную тоску. Или просто был так жаден? Или было всего мало? Каждого мига, каждого взгляда. Каждого слова...

- Он подарил мне платье, Лейтон. Прекрасное платье. У меня никогда не было такого. - Трин отпрянула от его плеча. - Скоро в академии бал. Знаешь, кажется, наш король очень любит подобные мероприятия. Буквально каждый месяц в Арде ожидается какое-то событие. Я так надеялась придумать отличный план, чтобы пропустить бал, Лейтон. Например, притворилась бы больной. Или сломала ногу, честное слово.

Умай кинул на нее серьезный взгляд и явно был недоволен таким планом.

- Да. Понимаю, что это ерунда, - сдалась Трин. - Я бы просто солгала что-нибудь. И мы отлично проболтали всю ночь напролет, пока шел этот ужасный бал. Но Кристиан подарил мне платье. Попросил поддержать его.

Рука умая опустилась на ее плечо, тепло пожимая.

– Да. Конечно, я сдержу слово и не струшу. Я должна его поддержать. Как же иначе? Но я сгорю, Лейтон. – Трин мотнула головой, когда увидела волнение друга. – Нет, слабый контроль силы в этот раз ни при чем. Хотя это тоже проблема. Я сгорю от стыда.

Снова вопросительный кивок.

– Я не умею танцевать, – прошептала Трин. – Я, наверное, единственная студентка в академии, кто никогда в жизни не танцевал. Все брали уроки. Ну разумеется, какая каэли не берет уроки танцев? А еще скоро в Ард явится каэли Делла Орлаг. И все студентки готовы будут поубивать друг дружку за возможность попасть к ней на урок. Но даже если я каким-то чудом смогла бы встретиться с ней, это ничего не даст, Лейтон. За пару уроков можно подправить уже то, что умеешь. Но не научиться с нуля. Может, все же сломать ногу? Кто станет ждать танца от неудачницы с костылем?

Прерывая ее жаркие речи, Лейтон встал со ступеньки и протянул подруге руку. Трин насторожилась, глядя на него. Затем приняла поддержку и поднялась. Не отпуская ее руки, Лейтон проводил девушку вниз, к пустому круглому залу, приглушенно освещенному зачарованными огнями. Они остановились в центре, где Трин ожидала дальнейших действий друга.

– Что ты задумал, Лейтон?

Вместо ответа умай галантно склонился перед нею и вновь протянул руку.

– Это приглашение на танец? – осторожно спросила Трин, усмехнувшись. – Я отдавлю тебе все ноги. Ты готов пройти через это испытание?

Сияющий призрак едва улыбнулся. Впервые, что привело ее в еще большее замешательство. Сейчас Лейтон выглядел как человек, пусть очертания его и были нарисованы сверкающими красками – нечетко, как набросок художника.

Он вновь взял Трин за руки. Как всегда молча, Лейтон опустил одну ее ладонь на свое плечо. Вторую оставил в своей руке, поднимая на уровне плеча и предлагая согнуть немного в локте. Трин послушно следовала его указаниям, от волнения чувствуя, что ладони дрожали. Но улыбка умая просила довериться, что она и сделала.

Лейтон опустил правую руку на ее талию, бережно сжимая правую ладонь Трин. Медленно, осторожно повел ее. Шаг... Еще шаг... Поворот... Это оказалось сложнее, чем тренировка на площадке боевого факультета. Но разве она могла не справиться сейчас? Шаг... Еще один...

За высокими окнами совсем стемнело. Скоро ночь опустится на Валмир, вспыхивая бледными звездами на чистом небе. Но одна из них сейчас была рядом. Светила, вела, дарила надежду. Держала ее в своих сверкающих руках, пока пара в танце кружила в пустом тихом зале.

Глава 21

Возвращаясь в общежитие, Трин гадала, заснула ли уже подруга или ожидала ее возвращения. Совсем темно. И тихо. Она бесшумно прокралась к двери. Придерживая коробки, Трин быстро вошла в комнату.

– Где тебя носило? – возмутилась Ивон, которая и не собиралась спать, читая в постели очередную книжку в свете зачарованного огня.

Видя коробки в руках подруги, она поднялась с кровати, убирая длинные волосы за спину. Босиком прошла по ковру, приближаясь к Трин.

– Кто-то приехал навестить тебя? – предположила Ивон. – Поэтому ты так задержалась?

– В некотором смысле ты права.

Трин прекрасно понимала, что бесконечно обманывать подругу мало того что не хотелось, так еще и становилось все труднее. Раз уж вскоре Кристиан намерен сделать ее своей женой, нужно подготовить подругу к этому откровению. Понемногу.

Трин опустила на застеленную постель коробку с платьем и подняла с нее десерт.

– Это чудесная кальмия в меду. Хочешь попробовать? – предложила она Ивон.

– Еще спрашиваешь? – Глаза подруги загорелись от восторга. – Я пробовала ее во время празднования в Валмире. Она действительно чудесна.

Словно договорившись, обе устроились на кровати Трин. Зиль рискнул показаться, больше не остерегаясь гнева некроманта. Объявился на спинке кровати, с любопытством наблюдая за действиями девушек.

– Понимаю, что слишком любопытна. Но это же коробка из дома самого Юлмиза, – не удержалась Ивон, указывая на второй подарок одной из своих оживших прядей.

В руках она держала тонкую деревянную палочку, на которую наколола кусочек золотистого фрукта. Трин воспользовалась второй палочкой, заботливо оставленной кондитером в коробке.

– Все верно. В ней платье, – подтвердила она, пробуя десерт.

– И кто же так расщедрился? – ахнула Ивон. – Неужели приехал твой отец? Или прислал кого-то из Беренгарда? Несомненно, он взволнован и хотел порадовать тебя.

По выражению лица подруги Ивон поняла, что ошиблась.

– Нет. Это не отец. И даже не его доверенный.

Кальмия была удивительно ароматной. И сладкой... Настолько вкусна, что перебивала привкус горечи от сказанных ею же слов.

– Тогда кто же это? – Ивон откусила дольку десерта.

Зиль вздумал протянуть когтистую лапу и схватить ее за змеившуюся прядь волос. Трин молча мотнула головой, веля духу уgomониться. Разочарованный, он втянул сверкнувшие когти, удобнее устраиваясь на спинке кровати.

– Это подарок моего жениха, – ломким голосом призналась Трин.

– Жениха? – Ивон едва не уронила десерт. – Когда же ты успела? И ни словом не обмолвилась. Но кто же твой жених?

– У моего отца была договоренность по поводу этого брака. Я прошу дать мне возможность пока не называть имени.

– Скажи, он хотя бы молод? Состоятелен? Хорош собой? Боги, о чем я говорю? Что он за человек, Трин? – закидала вопросами Ивон.

– Он достойный человек. Очень добр и заботлив. Рядом с ним мне спокойно. Ему хочется верить. А еще он смел и силен, – поделилась Трин.

– И где же обитают такие идеальные мужчины? – недоверчиво поглядела на нее Ивон. – Или же правда в том, что любовь ослепляет?

– Скорее она позволяет увидеть истинную суть человека. Соприкоснуться душой. Сначала мне казалось это совершенно невозможным. Но теперь знаю, что могу полностью доверять ему. Он так удивителен...

Трин задумчиво глядела на Зиля, который со скучающим видом изображал, что задремал, будто мертвому духу это требовалось.

– Шагрим будет очень «рад» этому известию. Он ведь еще не в курсе твоей помолвки?

– Нет. И ты же не думаешь, что Талл серьезен в своих чувствах? Ему просто нравится подшучивать надо мной и ставить в неловкое положение. На прошлой неделе я видела, как он обнимался с двумя девицами со второго курса. Причем каждую уверял, что не стоит сдерживать своих чувств, и призывал открыться любви. Когда кто-то действительно нравится, не станешь и смотреть на других, не то что обниматься с ними.

Трин прислонилась к спинке кровати. Ночной ветер играл легкими шторами, проникая через приоткрытое окно. Он мягко касался лица, остужая его, и приносил с собой аромат цветов, росших в террасном саду.

Если кто-то очень нравится, то испытываешь желание видеть лишь его, слышать его голос. Испытываешь страх потерять или причинить страдания. Чувствуешь тепло в груди от одной мысли о нем. Это то, что Трин чувствовала сейчас. Кажется, она была влюблена...

– А как же учеба, Трин? – продолжала расспрашивать Ивон, расправляя кружевной край ночной сорочки.

– Жених не станет мешать мне. И если не вынудят непредвиденные обстоятельства, я не покину Ард.

– Ты ведь понимаешь, что после твоих слов я сойду с ума от любопытства? – Ивон откусила очередной кусочек кальмии. – Кто же этот невероятный мужчина? Ты позволишь?

Подруга указала на коробку с платьем. Трин кивнула, предлагая поднять крышку. Боясь испачкать обновку сладостями, Ивон воспользовалась прядью волос, бережно открывая подарок.

– Ну что ж, одно я знаю точно: у этого парня отличный вкус, кем бы он ни был! – Она с восхищением поглядела на платье. – Твой жених будет среди гостей, приглашенных на бал?

Этот вопрос застал Трин врасплох.

– Пока я не могу сказать точно...

– Если он явится, представишь нас?

Не самая лучшая идея Ивон. Трин натянуто улыбнулась.

– А ты? – перевела она разговор. – Пригласишь кого-нибудь? Ты говорила ранее, что есть некто нравящийся тебе. Но тоже попросила не требовать назвать его имя.

– О нет, – застонала Ивон. – Не напоминай. Я даже не стану смотреть в его сторону на балу. Иначе буду выглядеть с каждым разом все нелепее. Со своей мнимой влюбленностью я не только заполучила проблемы, но еще создала их прекрасному человеку.

– Ты говоришь о каэле Гарсе? – осторожно спросила Трин.

– Проклятье! – Ивон спрятала лицо в шелковых прядях волос. – Это так очевидно? И ты догадалась. Теперь мне стыдно...

– Тебе нечего стыдиться. – Трин согнула ноги в коленях, обнимая их руками. – Уж тем более рядом со мной.

– Я не должна была увлекаться, Трин. – Голос подруги звучал взволнованно. – Каэль Гарс идеален. Я прекрасно понимаю, что это его качество вскружило голову не одной мне. Вот только в нас он видит лишь наивных студенток, банально мечтающих о волнующем романе и первой любви. Гарс не воспринимает эти ахи и вздохи всерьез. Что тоже служит еще одним несомненным поводом для восхищения. И он как всегда прав. Моя излишняя эмоциональность – мой личный извечный враг. Я должна обуздать ее. Каэль Гарс талантливейший артефактор. И это единственное, о чем должна помнить. Благодаря помощи ректора я могу учиться в его группе. Ни за что не потеряю эту возможность.

– А о каких проблемах ты упоминала? – нахмурилась Трин.

– Грымза Вильят до сих пор считает, что я перевелась в группу Гарса исключительно из-за того, что он мне понравился. Она не верит, что я действительно хочу у него учиться. И каждый раз напоминает об этом. При каждой встрече, – возмутилась Ивон. – Это так унижительно. Она не простила мне кажущегося предательства в отношении Тэусса. Что уж говорить о самом старикашке... Но это еще полбеды. У Гарса свой клуб поклонниц. Благодаря словам Вильят они решили, что я имею некие планы на него. Мне хватало издевок насчет волос, так теперь ненавидят еще и из-за своего любимого преподавателя! Это так мучительно, Трин. Я чувствую себя такой несчастной!

– И что ты намерена делать?

– Нужно найти кого-нибудь, чтобы от меня отстали. Увидят, что я увлечена другим, и не будет повода для этих унижительных обвинений. Мне срочно нужен парень.

– Но кто? У тебя есть некто на примете?

– Нет. Нужен тот, кто будет вполне симпатичен, будет рядом и сможет притвориться влюбленным.

На звук стукнувшей створки окна оглянулись обе. Зиль зарычал, вздыбив призрачную шерсть. Шторы шевельнулись, и через мгновение на подоконнике объявился взъерошенный Шагрим.

– Что?.. – Ивон ткнула в его сторону десертной палочкой. – Как посмел? Что ты здесь делаешь, проклятье?! В это время...

– Тсс. – Талл приложил палец к губам.

Под окнами послышалась какая-то возня и хриплые голоса, о чем-то спорящие. Хрустнули ветки на ближайшем дереве. Кто-то от души выругался. Затем притихшая в комнате тройца услышала грубые окрики ардовских стражей. Видимо, пытались поймать каких-то студентов, нарушивших устав. Но те бросились наутек, пытаясь избежать неминуемого наказания.

Едва все стихло, Трин перевела взгляд на друга. Воротник рубашки наполовину оторван. Одна ее пола выбилась из штанов, свисая мятой тряпкой. Губа разбита, ботинки в грязи, которая так и не высохла во дворе из-за опостылевших дождей. Шнурок, удерживавший огненные волосы, где-то потерял, наверняка в драке. Сейчас спутанные пряди обрамляли слишком довольное для странной ситуации лицо.

– Есть что поесть? – Белозубая улыбка Шагрима ослепила.

– Как ты посмел сюда явиться, да еще и ночью? – с угрозой зашипела Ивон, поднимаясь с постели.

Она была так зла, что позабыла, в каком виде предстала перед сокурсником.

– Просто проходил мимо. – Талл прижал большой палец к ранке на губе, желая остановить кровь. – Увидел, что у вас свет еще не погашен.

– Ты опять с кем-то подрался? – вздохнула Трин и бросила подруге покрывало со своей кровати. – Накинь на плечи.

Ивон вспыхнула, торопливо укутавшись до самого подбородка, и грозно приблизилась к своей жертве. Волосы отлично выдавали ее настроение, опасно змеясь вокруг головы. Помня прошлую стычку, Шагрим отступил на шаг.

– Ты!

– Да?

– Не смей больше никогда вламываться сюда как разбойник!

– Это была вынужденная мера. – Талл отступил на шаг, затем еще и еще, пока не уперся спиной в холодную стену. – Тебя совсем не волнует, что я мог запросто погибнуть под твоими окнами?

– Ни капли! – Ивон подошла к нему вплотную. – В следующий раз столкну с подоконника. Клянусь...

– Отлично, – послышался за спиной Ивон голос Трин.

– Что? – произнесли в два голоса товарищи.

– Отлично смотрите вместе, – улыбнулась она.

– Нет... – прекрасно понимая, к чему вела подруга, отмахнулась Ивон.

- Он вполне симпатичный. - Трин продолжала нахваливать кандидата.
- Нет!
- Что значит - нет? - в свою очередь возмутился Талл, хотя и не понимал, что здесь происходит. - Я красив!
- Он красив, - усмехнулась Трин. - Если особо не приглядываться.
- Эй! - закусил губу Шагрим, снова ощутив, как на ранке выступила кровь.
- Он всегда рядом.
- Да! - подтвердил инрэйг.
- Даже когда не нужно, - договорила Трин. - И уж кто больше него умеет врать и притворяться!
- Да никогда! - категорично заявила Ивон.
- Это идеальный вариант.

Глава 22

День выдался ветреным. Впереди ожидали выходные, и будет прекрасная возможность прогуляться по Валмиру. Именно сейчас нестерпимо захотелось сбежать из академии и побродить по улицам города. Или по той чудесной аллее перед домом каэли Мюрн.

Первую половину дня их группа провела на территории боевого факультета. Ветер трепал светлые волосы Хэйла, расхаживающего перед студентами, и оставил мага в покое, лишь когда тот применил свою силу. Трин вновь удивилась смещению двух стихий, которыми владел преподаватель. Явление было редким. Огонь и воздух – опасный союз. Но управлялся Брис с ними с завидной легкостью. Она же не могла толком совладать и с единственной стихией.

Часто стал появляться на тренировочных площадках и Фергас. Декан проводил занятия со старшими курсами. Но Трин постоянно ощущала на себе его пристальные взгляды. Казалось, что маг изучал ее или пытался уличить в чем-то, только ему известном. Вредить ей больше не пытался. Видимо, боялся привлекать внимание к себе после королевского указа. Но спокойнее в его присутствии не становилось. Своей неприязни Фергас не скрывал, хотя не сказал ни слова в ее адрес после прошлого разговора перед аудиторией.

Ян толкнул Трин плечом, когда она задумалась, глядя на темную фигуру декана, видневшуюся на дальней площадке. Трин повернула голову, слушая вновь заговорившего Хэйла.

– Теперь поговорим о щитах. – Маг упер кулаки в бока, останавливаясь перед подопечными.

Ветер вновь расшалился, пытаясь сорвать с него тонкую белую рубашку. Хэйл что-то тихо прошептал, и его голубые глаза потемнели на мгновение. К неудовольствию студентов, теперь вредный ветер доставал только их, не тронув и волоска на голове стихийника. Довольный, Хэйл продолжал:

– Отражающий щит каждый из вас изучает и в некоторой мере умеет использовать с самых первых этапов познания собственной силы. Поскольку он прост и действует на уровне подсознания. Как любой смертный укрывается руками от удара или брошенного камня, так маг использует вместо этого щит отражения. Какие еще виды щитов вам известны? Кто назовет? Юрнер! – Хэйл кивком указал на подопечного.

– Щит отражения, поглощения и трансформации, – неуверенно пробормотал Гай.

– Неверно! Кто скажет, где ошибка? – Хэйл обвел их внимательным взглядом.

– Трансформация является частью линейки щитов поглощения, – поправил товарища Тео Кахнер.

– Верно! Щиты поглощения делятся на несколько линеек, – пояснил Хэйл, поднял руку и начал перечислять, загибая пальцы. – Рассеивание, трансформация, запечатывание. Первую линейку вы будете изучать на протяжении этого курса. Поскольку она достаточно легка по сравнению с остальными.

– Призракам хорошо, – с легкой завистью отозвался Раду. – С таким даром можно не напрягаться особо.

Трин насторожилась. Камень в ее огород? У нее проблем было куда больше, чем у остальных. Какой уж там дар!

– Призрачность не является даром или навыком, развитым тренировками, – недовольно пояснил Хэйл. – Не разобравшись, ты делаешь глупые выводы.

– Так что же это? – спросил Димер, стоя рядом с Трин. – В этом году двое зачислены на факультет боевой магии с владением призрачностью.

– Ею нельзя владеть, – терпеливо стал объяснять маг. – Призрачность – это своеобразный изъян в ауре мага. Вместо того чтобы быть заключенной в подобие кокона – целостную оболочку, магическая аура нарушена. Оттого способна соприкоснуться с аурой другого носителя магической силы. И этот эффект может вызвать ослабление щита. Поскольку враг в некотором смысле одновременно находится и перед ним и за ним. Лицом к лицу с противником. Данное свойство поврежденной ауры веками использовалось среди тайных служб, а также для засылки шпиона в стан врага. И во многом помогло в действиях наших войск во время войны с вердианцами. Призрак имеет свои плюсы при толковом умении пользоваться повреждением ауры. Но и сам оказывается более восприимчив к атакам врага, по понятной причине. Имея достаточно сильный природный дар и не ленись развивать его, приложив все усилия, можно достичь прекрасного результата. И тогда любой недостаток тоже станет даром, опаснейшим оружием в руках мага. Помните это каждый.

Трин вздохнула. В копилку ее изъязнов добавился еще один. Хорошо хоть от призрака есть своя польза. Именно благодаря ему при нужном везении есть шанс вспомнить хоть что-то из прошлого.

– Так какой вид щита использовал каэль Фергас во время отбора, а, Синхелм? – обратился к ней Хэйл.

– Поглощение – рассеивание, – предположила Трин. – Данный вид имеет двухстороннее свойство. Поэтому часто используется для своеобразного уединения, когда есть нужда говорить при посторонних. Щит поглощает любой звук, рассеивая его и не давая вырваться за пределы. Это один из многих способов применения его.

– Ты гляди-ка, – стихийник довольно ухмыльнулся, – что-то соображаешь. Молодец!

– А почему почти все занятия по теории проводятся не в аудитории, как остальные? Почему здесь? – расстроено протянул Димер.

Сощурившись, в ответ Хэйл произнес нечто беззвучно, небрежным жестом выставив перед этим легкий щит.

– Что? – пробормотал Димер.

– Ответ спросишь у Синхелм, – кинул преподаватель. Он подтянул шнурок, удерживавший волосы, собранные в хвост, и отправился к корпусу. – Перерыв!

– Что он сказал?

– Что?

Вопросы посыпались со всех сторон. Трин сердито поглядела вслед магу. Щеки ее сделались пунцовыми от неловкости. Он думает, что это весело?

– Я не стану повторять это! – возмутилась она.

– Да говори уже, Синхелм! – потребовал Гай. – Тут все свои.

Ну уж нет, развлекать Хэйла она не собиралась.

– Уважаемый каэль Брис хотел сказать, что ты, Димер, пока еще не настолько... э-э-э... потерял совесть, чтобы спать стоя на его занятиях. Поэтому они и проходят... э-э-э... на свежем воздухе, – стараясь подобрать приличные слова, с усилием произнесла Трин. – Все оттого, что ты постоянно спишь на занятиях! Понял?

Она не выдержала и сердито пошла прочь, направляясь к небольшому искусственному озеру.

– Так это все из-за тебя, Димер?

– Проклятье!

Позади слышался спор одноклассников, и Трин устало вздохнула. Ей нужно немного одиночества. Хотя бы на время перерыва. Она прогуливалась по каменистому берегу озера, глядя на блестящую воду. Листья лилий мерно покачивались на ней, а несколько распустившихся цветов бледно-розовыми пятнами виднелись среди яркой зелени.

Трин остановилась у самой кромки воды. Это ведь то самое озеро, о котором упоминала Зорик? На месте его ранее стояла одна из смотровых башен. Как сказала инрэйг, она была разрушена то ли из-за случившегося несчастья, то ли после него. Остатки башни поднимались над уровнем воды небольшим островком, который уже порос зеленью. Даже какая-то птица умудрилась устроить на старых камнях гнездо. Крылья синие, яркие, словно осколок неба...

– Твоя группа уже покинула корпус. Что ты забыла здесь?

Трин обернулась, услышав голос. Фергас все же решил заговорить с нею, неспешно прогуливаясь вдоль берега, как и она ранее. Маг кинул мимолетный взгляд на обломки башни. Трин заметила, как он стиснул зубы с такой силой, что стали видны желваки на скулах.

– Недавно я услышала историю этой башни, – проговорила Трин, не подавая виду, насколько ей неприятно было присутствие декана.

– И что же ты слышала? – сухо поинтересовался Фергас, остановившись у воды и заложив руки за спину.

– Мне интересны годы учебы отца. Я хотела узнать о них больше.

– Мой тебе совет – оставь прошлое в прошлом. Оно лежит в руинах. Там ему и место, – повелительным тоном отозвался маг.

– Что же плохого в том, чтобы интересоваться прошлым своего отца?

Не родного... Трин прекрасно понимала, что именно это слово готово было сорваться с губ Фергаса.

– Твой отец... – Декан говорил так, будто каждое слово давалось ему с огромным трудом. – Твой отец подыскал тебе жениха. Почему бы не поступить, как должно доброй дочери, и не выйти замуж? Поступи мудро – покинь Ард. Покинь сама. Прояви уважение к Синхелму. В конце концов, ты...

– Сирота, которую он подобрал у обочины. И должна быть благодарна за это до конца своих дней. – Трин посмотрела на него вспыхнувшим взглядом. – Я никогда не забуду этого. Вам нет нужды напоминать. Но хотелось бы знать, откуда у вас столько неприязни ко мне? Разве в письме отец не просил поддержать меня? Уверена, что именно это написал моему лучшему и единственному другу.

Говорила она ровным голосом, наблюдая, как взгляд Фергаса наливался опасным золотом. Что с ним происходило? Если раньше это была неприкрытая неприязнь, то сейчас она перерастала едва ли не в ненависть. Но она всего лишь какая-то студентка-первокурсница. И все проблемы были из-за молчания отца. Сам король дал дозволение остаться в Арде, и Фергасу впору успокоиться. Но он по непонятной причине не мог этого сделать. Это было нечто личное, нечто, что не давало магу совладать с чувствами.

Нет, бывает, конечно, что человек становится неприятным просто так, раздражает одним своим присутствием. Но не настолько же. К тому же Фергас сам искал с ней встречи. Не она заговаривала первой. И не она подходила к нему.

– Ты одна из тех, кто создает проблемы для остальных, – уклончиво ответил Эрвиг.

– Как и ваш старый друг? – не удержалась Трин.

– О ком ты говоришь? – нетерпеливо спросил маг.

Проклятие... Именно проклятие тянуло его к этой девчонке. Зачем подошел? Зачем заговорил? Нет. Он должен узнать. Должен понять. Он ведь не ошибся. Она не просто так явилась в Ард. Выискивает. Задает вопросы. Синхелм глупец! Наверняка девчонка напела отцу, что хочет учиться здесь. А он и рад был отправить. Да-да... Наверняка все так и было. Или нет? Или он сходит с ума? Ведь Синхелм писал, что не мог выказать неуважение королю. И заодно хотел, чтобы дочь поняла свою глупость и сбежала из академии. Она ничего не знает. Просто любопытна и глупа, как все девицы...

– Ваш общий друг, Дэнвей, – заставляя его ощутить немедленный жар в груди, произнесла Трин. – Он тоже был из тех, кто создавал проблемы? Вы и отец пытались образумить его, как и меня сейчас. Но не смогли. Верно? В этой башне...

Трин указала на обломки, темневшие в воде.

– Что тебе известно? – мрачно проговорил Фергас, проследив за ее взглядом.

– Когда вы учились на последнем курсе, здесь погиб студент. В этой наблюдательной башне. Ранее их было четыре. Озеро на ее месте было создано после несчастия? Или по иной причине? Погибший был первокурсником, как и я. Арис Брант. Единственный сын королевского советника Виберта Бранта.

– К чему ты решила заговорить о том, что было так давно?

– Виновным в гибели Бранта признали Дэнвея. Он ведь был вашим другом. Наверняка это невообразимо тяжело. Вы не смогли помочь ни тому бедняге, ни своему другу. Вы с отцом пытались, но, к сожалению, не смогли.

– Дэнвей мертв! Как и заслужил, – сквозь зубы проговорил Фергас, ткнув в грудь Трин пальцем, отталкивая от себя. – Оставь мертвецов в покое, глупая девчонка! Убирайся прочь из корпуса! И не попадайся мне более на глаза!

Маг пошел прочь, оставляя ее одну на берегу. Синекрылая птица тревожно снялась с гнезда, взлетая в чистое небо и растворяясь в нем. Словно душа отлетела, побеспокоенная живыми, устроившими спор у скорбного обелиска.

– Отчего же ты так зол, если все получили по заслугам? – Трин посмотрела ему вслед.

После этого странного разговора девушка только больше уверилась в своих подозрениях. Сердце

заныло, она прижала к груди руку, сжатую в кулак. Неужели не один Дэнвей был виновен в этом происшествии? Или – что еще страшнее – вовсе не был виноват? Но это значит... Нет!

Глава 23

Время близилось к обеду. Последнее занятие в первой половине дня подходило к концу, и Ивон бросала нервные взгляды на двери аудитории. Как же неудобно иметь в друзьях парочку боевых магов! А все потому, что занятия их почти всегда проходят в таком отдалении от главного замка Арда. Добираться до столовой придется самой. А это означало неминуемую неприятность. Ведь обязательно кто-нибудь из девиц, вздыхающих по каэлю Гарсу, решит достать ее.

Почему эти дурехи не ревнуют друг к другу? Почему пристали к ней? Она просто создана притягивать неловкие ситуации. И вчерашняя идея была сплошным безумием. Сколько же раз за последние месяцы она пожалела, что выбрала для поступления именно королевскую академию. В прошлой группе друзей завести не удалось. В новой пока все еще чувствовала себя чужой, хотя компания и подобралась куда приятней.

Поддержку Ивон ощущала только от двоих. Нет – троих. Трин, Шагрим и каэль Гарс. Эти три человека на весь Ард были теми, кому она могла доверять. Доверять, но уж точно не изображать ее возлюбленного. Ивон поморщилась, вспоминая ночной разговор в комнате общежития. Не нужно было признаваться в своих проблемах. Наверняка их только прибавится благодаря Таллу. Вздумает подшутить над нею, и тогда ее репутации и вовсе конец...

Звук колокольчика, возвестивший об окончании занятия, заставил вздрогнуть. Ивон закрыла книгу еще за пару минут до его окончания и ровной стопкой сложила тетради, готовая немедленно подняться из-за стола. Верно. Она должна выйти вместе с группой. В такой толчее никому не будет до нее дела. Вот только одноклассники любили разбегаться по своим делам, едва покидали аудиторию. Раз – и нет их. Наверняка этот факт тоже как-то связан с наложенным на нее проклятием. А в этом Ивон не сомневалась. Именно это могло объяснить все происходящее с нею. Она проклята.

Размышляя над своей злосчастной судьбой, Ивон вышла из аудитории в шумный коридор. Конечно же она не увидела Шагрима. Как наивно было надеяться, что он окажется здесь, ожидая ее. Может, и совсем забыл о том, что за ним должок. Верно-верно. Его милостиво пощадили после того, как без предупреждения влез в окно комнаты, да еще и ночью. Если так и дальше будет продолжаться, то этот интрэйг будет знать, как выглядят все ее ночные сорочки. Боги... Талл и в самом деле был единственным парнем, видевшим ее полуголой. Ивон едва сдерживала нахлынувшее негодование.

Затем, внезапно ощутив прилив волнения, притормозила в очередном коридоре перед лестницей. А вдруг Шагрим не появился, потому что снова что-то произошло в дальнем корпусе? Опять с кем-то подрался? Или поранился на своей тренировке?

Это было ужасно, по ее мнению. Каждый день оба возвращались на кланкеях в синяках и ссадинах. Тревожась за друзей, Ивон стала спускаться по лестнице на первый этаж, в просторный зал. Здесь было свежо, поскольку открыты окна и створки входных дверей, впуская полуденное солнце и пахнущий цветами ветер. Людно. Слышится чей-то смех, и снова кажется, будто обсуждают именно ее.

Глупо, конечно. Но она ничего не смогла поделать с этим ощущением. Хочется просто сбежать с лестницы, но заставляла себя идти достойно и неспешно. Никто не смотрит на нее. Никому она не интересна. Все это просто нервы. «Ты же не считаешь, что настолько важна?» – мысленно спрашивала себя Ивон. Она не была настолько важна, чтобы кто-то желал тратить на нее свое внимание. Ну вот, все обошлось. Почти дошла, и без приключений.

– Змея... – ворвался в мысли еле слышный голос, и в спину полетело заклинание тлена.

Тьма почти коснулась легкой ткани рубашки, собираясь обратить ее в прах. Но вовремя выставленный щит остановил действие магии некромантки. Это привело обидчицу в ярость, которая поубавилась, стоило заметить черную форму боевого факультета.

– Вышла встречать меня, цветочек?

Этот голос был знаком. Ивон резко обернулась, прижимая книгу с тетрадями к груди. Так вот кто прикрыл щитом! Она была благодарна. Так благодарна. Но что интрэйг сейчас сказал?

Талл, стоявший в дверях, неторопливо прошел к ней. Одной ладонью провел по влажным волосам, убирая медные пряди со лба. Он снова весь вымок до последней нитки. Но ведь не было дождя. Вторую руку Шагрим держал за спиной. Оставалось только гадать, что мог там прятать. Ивон почувствовала, как запульсировало в висках от волнения, когда Талл подошел, переступая ту невидимую черту, условно именуемую дружеской. Он встал слишком близко, наклоняясь к ее лицу.

Запах озерной воды смешивался с легким ароматом цветочной пыльцы. Всем этим пахло от Шагрима, выдавая, что он совсем недавно находился в озере. Что у них там за занятия такие? Или

решил искупаться перед возвращением в замок? Тогда почему в одежде? Или по глупости свалился в воду? Или...

– Знай я, что ты так соскучишься, прилетел бы раньше, – снова поддразнил Талл, не сводя с нее медового взгляда.

В этих глазах нахальные демоны водили хороводы, наслаждаясь смятением подруги. Ивон сдерживалась из последних сил, ее ногти впились в мягкую обложку книги. Ах так? Решил отомстить за выбранное наказание? Для него было таким наказанием подыграть ей? Ну и к хаосу... Она тоже не горит желанием изображать его девушку. Она будет просто благодарной. Все остальное не важно. Пусть дразнит, главное, чтобы другие оставили в покое. Капля озерной воды упала с волос Талла на ее лицо, скатившись прозрачной слезой. Инрэйг немало удивил тем, что осторожно стер ее со щеки тыльной стороной ладони.

– Я плыл за нею до середины озера, – проговорил он, заставляя Ивон растеряться еще больше. – Поэтому и задержался. Извини.

Шагрим поднял руку, которую ранее держал за спиной. Цветочный аромат усилился. Ивон удивленно посмотрела на озерную лилию, послушно распустившую в руке инрэйга бледно-розовые лепестки. Легкая сиреневая пыльца мягко сверкала в солнечном свете, поднимаясь над цветком.

– Ты сорвал ее для меня?

Талл улыбнулся, и в уголке губ на еще не зажившей ранке вновь выступила кровь. Костяшки пальцев на руке, державшей цветок, сбиты. На скуле темнел синяк. Красавец... Ивон достала платок и осторожно прижала к его губам, промокнув кровь. Почему не исцелил себя? Не хотел расходовать силы, чтобы осталось больше на размахивание кулаками? А почему не обратился к целителю? Если не к замковому, то хотя бы тому, что имелся в боевом корпусе. Все нет времени на подобные глупости? Мальчишки...

На какой-то момент Ивон даже позабыла, что они стояли в зале, полном народу. Странное чувство. Приятное. Но об этом не узнает ни одна живая душа. И неживая тоже. Прибыли в замок и остальные студенты с факультета боевой магии, черной стаей смешиваясь с яркими воспитанниками Арда. В этот раз обидчице и ее подружкам пришлось ретироваться. Некромантка была зла, но еще больше удивлена. Что и требовалось.

Ивон приняла цветок у Шагрима, открыто улыбаясь ему. Только потому, что играла. Это просто игра. Он ведь тоже сейчас притворялся. Это все представление. Но лилия была чудесна, как и тот факт, что ради подарка Талл даже полез в воду.

– Спасибо. – Аромат цветка кружил голову. – Но где же Трин? Я не вижу ее среди прибывших.

– Хэйл задержал ее, – сказал Шагрим, провожая подругу к столовой. – Но сказал, что отпустит до конца перерыва, чтобы успела пообедать.

– Что же там такое важное, чтобы задерживать? – расстроилась Ивон.

– Не знаю. Возможно, хочет объяснить что-то по тактике. Лучше делать это сразу, не прерывая занятия. Так легче будет усвоить. Трин приходится нелегко, сама понимаешь.

– Понимаю, – нахмурилась Ивон. – Надеюсь, что и каэль Брис это понимает. Ах, она всего лишь девушка.

– Верно. Но мы не выбираем свою силу, Ивон. Наш выбор лишь в том, как решаем ей пользоваться. Так уж вышло, что Трин перешла отцовская сила. У стихийников огня это большая редкость. А значит, нужно принимать ответственность. Подобная сила требует особого контроля. Огонь есть огонь.

– Знаю. – Ивон задумчиво покрутила в пальцах длинный гладкий стебель лилии.

– Я читал в библиотеке в одной книге по истории, что раньше, когда среди стихийников рождалась женщина с подобной силой, дар запечатывали, – продолжал Шагрим. – Ритуал этот весьма опасен. И последствия его непредсказуемы. Часто это приводило к преждевременной смерти. И указом Ламона запечатывание запретили.

– Это ужасно! – возмутилась Ивон, прерывисто вздыхая.

– Согласен. Был и еще один старый способ. Но он не менее отвратителен, – помрачнел Талл. – Поэтому я рад, что у Трин есть выбор и некая, скажем так, свобода.

– О каком еще способе ты говоришь? – Глаза Ивон испуганно распахнулись.

- Есть те, кто способен иссушить силу, лишить дара, оставив безвольной куклой, тенью. В давние времена девочек с сильным даром, даже не обязательно огненным, отдавали некромантам.

- Хватит пугать меня этими страшными сказками!

- Я рад, что Синхелм не оказался подлецом и поддержал дочь. Ты только представь, что было бы, вздумай он устроить договорной брак Трин с каким-нибудь сыном Смерти!

- Я не желаю этого представлять! - возмущенно заявила Ивон. - Жених Трин достойный человек. И не какой-нибудь некромант. Наверняка тоже стихийник огня.

- Что ты сказала? - Талл притормозил на входе в столовую.

- Забудь, - отмахнулась Ивон, поспешив пройти внутрь.

- Какой жених? Кто он? Кто? - догнал ее Шагрим. - И почему я об этом не знаю? Что за ерунда?

Глава 24

Хэйл отдал команду подняться к нему, стоя на смотровой площадке одной из башен учебного корпуса. Прекрасно расслышав его хриплый окрик, Трин вынужденно оставила кланкей и вернулась обратно в здание. Она поднялась по винтовой лестнице наверх. Толкая скрипнувшую дверь, Трин увидела преподавателя у ограждения. Хэйл молча смотрел вниз, и ветер трепал его волосы, прекрасно освежая после тренировки.

– Каэль Брис! – окликнула она.

Маг жестом велел подойти и оперся обеими руками на каменное ограждение. Трин приблизилась, гадая, о чем же преподаватель хотел говорить с нею. Она также положила ладони на почти горячие шершавые камни, из которых было сложено высокое ограждение смотровой площадки. Мимо стай пронеслись кланкей, и оставалось только провожать товарищей взглядом.

– Синхелм! – Хэйл повернул к подопечной голову, щурясь от яркого солнца. – Вот скажи мне, что с тобой не так?

– Что вы имеете в виду?

Трин насторожилась, припоминая, где сегодня могла провиниться. Вроде полдня прошло без происшествий.

– Я заметил, что ты остаешься в корпусе даже после дополнительного времени по самоподготовке. – Хэйл смотрел на нее внимательно, будто изучал неведомую зверушку. – Я уж как-то больше привык наказывать за пропуск занятий.

– Прошу прощения, – склонила голову Трин. – Но я не знала, что мои действия нарушают устав академии. Я...

– Личное время – время для отдыха, и дается не просто так, – наставительным тоном произнес Хэйл. – И рассчитывается оно не просто так, наугад из головы. Ты решила, что сильнее остальных? Выносливее? Я ведь говорил, что, взяв больше у одного дня, ты крадешь у следующего.

– Я поняла.

– И все равно будешь тайком продолжать, верно?

– Это очень важно, – попыталась оправдаться Трин. – Пожалуйста, позвольте мне это делать. Я не буду доводить до крайностей. И не хочу лгать вам, что перестану.

– Ты пытаешься контролировать призрачность. Именно этим занимаешься по вечерам, когда все нормальные студенты разбегаются прочь. – Хэйл нахмурился, вглядываясь в ее лицо. – Ты делаешь это каждый день. Я хочу понять, в чем причина этой одержимости.

– Вы ведь сами не так давно говорили на занятии, что необходимо развивать свой дар.

– К хаосу мои слова! – не выдержал маг, раздраженно прерывая ее. – Призрак – это не дар. Это проклятие. Для тебя это может стать проклятием.

– Для меня? Что со мной не так? – не могла понять его Трин. – Талл Шагрим свободно обучается. Почему мне не разрешено?

– Ты – девица, Синхелм, – сердито заявил Хэйл. – Вот что с тобой не так!

– Что? – Уж чего-чего, а подобного объяснения она никак не ожидала.

– Ты знаешь, я никогда не вмешиваюсь в личные дела сопляков, находящихся на моем попечении. Но в этот раз меня, так сказать, вмешали, особо не спрашивая позволения.

Хэйл прошелся вокруг нее, затем заставил себя остановиться и вновь опереться спиной на ограду. Он сложил руки на груди, глядя на Трин.

– Что вы имеете в виду, говоря, что вас вмешали в мои дела? – помрачнела она.

– Вопросы, вопросы... Так мы далеко не уйдем. Сейчас будешь слушать и отвечать на те, что задаю я. Или я буду очень зол. Ты поняла меня?

Нагревшийся вокруг них воздух убеждал без слов. Трин кивнула, подчиняясь. Смятение охватило ее. Неужели Фергас угрожал Хэйлу? Неужели хотел впутать в это дело? Хотел заставить подстроить ее отчисление?

Высказывая пугавшее ее предположение, маг заговорил:

– Я знаю о договоренности между твоим отцом и нашим деканом. Да, я говорю именно о твоём отчислении, Синхелм.

Хэйл склонил голову, следя за реакцией студентки.

– Существование этой договоренности для тебя не новость, – сделал он вывод. – Когда ты узнала о ней?

– Уже после того, как поступила в академию. Но вы откуда знаете о делах моей семьи? Кто рассказал вам? Кто вмешал в эти дела? Фергас? – забросала она вопросами. – Мне очень жаль, что вас впутали...

– Я знаю, каково это, когда за тебя решают. Когда вынуждают смириться и принять «неизбежное благо». В чем-то мы похожи.

– В чем же?

– Мы оба разочаровали своих отцов. И, как я понимаю, собираемся разочаровывать и дальше. Поначалу я считал твоё появление в академии чудачеством бывшего вояки. Генерал сам воспитывал дочь, воспитывал скорее как сына. Я считал, что таким образом Синхелм даёт тебе свободу быть собой. Разрешает стать тем, кем ты хочешь. Помогает раскрыть свою силу и принять себя. Можно долго перечислять все эти банальные фразы, но я не стану. А на деле оказалось, что выбора-то и не было, верно?

– Да.

– Теперь ответь, кому он тебя обещал?

– Я не стану называть имени, – твердо проговорила Трин.

– Мне плевать на имена. Кто он по сути? – не отступал Хэйл.

Ветер крепчал, злился за его спиной, выдавая настроение мага. Хриплым тихим рыком вторил ему и Зиль, беспокойной тьмой собираясь за спиной Трин.

– Некромант. – Она уже поняла, к чему вел преподаватель.

– Синхелм обещал тебя сыну Смерти? – Губы мага презрительно искривились.

– Я не понимаю многих поступков моего отца. Но все же он мой отец. Тот, кто был любим столько лет. Тот, кто был моей единственной семьей.

– Именно это и не позволяет тебе смотреть трезво. Это нормально. Это естественно, – смягчил тон Хэйл. – И в этом твоя беда. В любви мы бываем слепы. Но как твой преподаватель, как куратор я хочу, чтобы ты была трезва в своих чувствах. Ты должна видеть ситуацию как есть. Без прикрас, Синхелм.

– Что вы имеете в виду?

– Отец знал о призраке до твоего поступления?

– Нет. Это свойство проявилось только в академии. Я и сама не подозревала о нем.

– Теперь он знает. Как и король. А поскольку меня настоятельно просили содействовать твоему отчислению, мы с тобой знаем, что никто не собирался давать тебе возможность закончить академию.

– Но королевским указом мне было разрешено учиться! Отец не пойдет против этого решения. Да и Фергас сейчас не... не способствует моему отчислению. Если я буду усердна, если буду стараться, то смогу достойно продолжить обучение.

– Наш правитель никогда ничего не делает, повинаясь душевному порыву либо для чужого блага. Ты наивна. И я бы никогда не начал этот разговор, если бы не твоя одержимость призрачностью. – Хэйл отпрянул от ограждения и приблизился к Трин, глядя на нее сверху вниз. – Ламон оставил тебя здесь вовсе не благодаря заслугам Синхелма. И не потому, что благоволит ему. И поскольку ты продолжаешь заниматься, я уверен, что до сих пор не получала письма от отца с предостережением. Все потому, что он подчинился прихоти короля. Это ведь так легко, когда кровь неродная. Прости за жестокость, но говорю как есть. Красивых слов подбирать не стану, уж такой я человек.

– Вы хотите сказать, – бесцветно проговорила Трин, хотя пальцы мелко дрожали, сжимаясь в кулаки, – что меня оставили здесь только благодаря изъяну в магической ауре? Из-за призрачности? Моему отцу не так важен теперь договорной брак? Важнее внимание короля к этой особенности? Но я – никто! Какую ценность я могу представлять? Вы обучаете меня. Кто лучше вас знает, что я собой представляю как маг!

– Первой в учебе ты не станешь. Тем более на факультете. Но спокойно войдешь в пятерку лучших на курсе к концу обучения, если постараться как следует. Но не это важно сейчас. Важно, каким ты сама видишь свое будущее. Для чего ты здесь. Ты говорила, что у тебя есть цель. Возможно ли, что она совпадает с видением твоего будущего нашим королем? Ламон до сих пор считает вопрос с вердианцами незакрытым. Он убежден, что вторая война вполне возможна. И как следствие будет рассматриваться каждый сильный маг, находящийся на обучении в Арде. Ты представляешь, какая участь может ждать женщину с подобной способностью на службе короля или во время военных действий? Женщина-призрак, да еще и стихийник огня, более чем редкость. Ты готова служить королю после обучения? Готова стать его личной тенью? Шпионка для особых заданий. Понимаешь, что это значит, Синхелм?

Хэйл подступил еще ближе, и рычание Зиля усилилось, предупреждая мага.

– Понимаешь, какие способы добывания нужной информации могут понадобиться? Не думаешь же, что твои способности будут использоваться с честью на поле боя, как у любого другого воина, будь он мужчиной? Это иной бой. И грязи в нем, может стать, поболее той, что сейчас не обсохла на городских дорогах.

– Замолчите...

– Не стану. Моя работа – вбить в ваши головы, как сохранить их на плечах. – Хэйл хищно улыбнулся, привычно ткнув пальцем в ее лоб.

– Я никогда не стану шпионкой короля. Я никогда не ввяжусь в эти игры. Я лучше умру...

– Это самый легкий способ, – разочарованно протянул маг. – И самый скучный.

– Я просто хочу учиться. Хочу контролировать свой дар. Я хочу быть свободной! – горячо отозвалась Трин.

Зиль исполинским зверем скреб когтями по камням, вторя настроению хозяйки. Алые глаза горели огнем, и мараг напрягся всем телом.

– Тогда подумай хорошенько о своих поздних тренировках. Решишь выбрать этот путь – я обучу тебя всему, что знаю. Решишь быть собой – тоже поддержу. Это мое слово. И без призрачности ты будешь достойным и сильным стихийником. Но станешь бесполезной для планов короля. Думай, что действительно важно.

– Я поняла...

Если продолжит, возможно, она обретет воспоминания, но при этом потеряет себя в настоящем. Бросит – прошлое останется в забвении, но даст ей шанс на будущее...

Чем дольше человек живет с наведенным мороком, тем сильнее сплетается нить заклинания с самим сознанием. Тем труднее разрушить его. Оттого Кристиан и запретил обращаться к ведьмакам. Боялся, что последствия вмешательства могли быть необратимыми. Но призрак мог бы по капле просачиваться под этот своеобразный щит памяти, давая ей шанс. Рисковать нельзя. Привлекать ненужное внимание – нельзя... Придется оставить тренировки и молиться, что той раны на ее ауре будет достаточно, чтобы подарить хоть каплю надежды вспомнить. Другого выхода пока не видно.

Глава 25

Стоило приблизиться к двери кабинета, как она услужливо распахнулась, приглашая войти. Кристиан вздохнул, устало поведя плечами. Ну надо же, кто-то из студентов все же поправил свою кривую печать с заклинанием «аруса», прилепленную ранее на его дверь. Позаботился, значит. В последнее время подопечные Арда несколько расхрабрились. Почти перестали шарахаться в разные стороны при его приближении и пугать новичков нелепыми историями о кровожадном роде Рэйванов. Да и о ректоре, расчленяющем по ночам трупы и пьющем кровь девственниц, больше не говорили. Он не сделал ничего особенного. Отчего так впечатлилась детвора? Спокойно войти Рэйван не успел – его буквально втокнули внутрь, окутав ароматом цветочных духов.

– Наконец-то я тебя поймала. Ты вообще у себя в кабинете появляешься?

– Годы идут, но ничего не меняется, верно, Зорик? – Кристиан подошел к столу, опуская на него стопку бумаг.

– Говоришь как старый дед, – возмутилась Зорик. – Не так уж много этих лет и прошло. Как вообще ты мог такое сказать практически юной каэли?

– Практически? – скептически осведомился Кристиан. – Юной?

– Ты ведь не станешь с этим спорить, верно, Крис? – предупреждающе сощурилась она.

Яркая, бодрая Зорик прошлась по кабинету, и ветер из открытого окна подхватил медные волосы. Аромат цветочных духов вновь достиг обоняния Кристиана. Сколько помнил, Зорик пользовалась исключительно ими, самой же и приготовленными. Это был ее запах. Тот, который помогал узнать о присутствии, даже не видя. Достаточно лишь вдохнуть.

Зорик была старше на пару лет. Сирота, как и он. Война никого не щадила, забрала и родителей, и двух старших братьев. А после смерти ее опекуна, которого Деверукс считал единственным близким другом, Зорик стала воспитанницей деда. Сколько ей тогда было? Лет шестнадцать. Прошло около года, как Кристиан потерял отца и мать. В ту пору он не говорил. Практически не спал, мучаясь еженощными кошмарами. Отказывался от еды. Сбегал из замка, теряясь на несколько дней, пока его не находили, вынуждая вернуться обратно.

Но в тот день его нашли не люди Деверукса. За ним явилась Зорик. Нашла сама. Он лежал над обрывом, на одном из огромных валунов, глядя в серое небо с рваными облаками. Зорик забралась к нему, устроилась рядом и также принялась смотреть вверх, не говоря ни слова. Прогнать ее не было сил. Просто не было сил.

А рыжеволосая инрэйг казалась переполненной ею, плескавшейся через край, и делилась своей силой, не боясь касаться тьмы. Тьма сжималась жгучим комком нервов, сопротивлялась, кровоточила. Он и сам мечтал в ту пору уйти следом за родителями. Тоска становилась невыносимой. Но каждый раз, когда он подходил к краю обрыва, его что-то останавливало, не давало сделать последний шаг. Зорик лечила без спроса, жестоко, до слез, и он плакал. Плакал при ней. Она была единственной, кто видел эти слезы.

Деверукс велел называть ее сестрой. Он ни разу не подчинился этому приказу. Хотя никому бы не признался, сколько раз произносил это слово мысленно. Даже самой Зорик. Но порой невероятно раздражало ощущение того, что она прекрасно об этом знала...

– Зачем ты меня искала?

Кристиан прогнал непрошенные воспоминания. Он уселся, жестом предлагая Зорик присоединиться и сесть в свободное кресло напротив него. Она вручила Кристиану несколько свитков и приняла его предложение, устраиваясь поудобнее.

– Ты в курсе, что в последнее время с твоим проректором невозможно говорить? – пожаловалась Зорик, расправляя складки легкого платья. – Я намеревалась обсудить с ней изменения в графике занятий. И меня уже в третий раз просто выставили из кабинета, ссылаясь на занятость. Но это чистейшая ложь. Что не так с Вильят, Крис?

Он вздохнул и потер переносицу. На днях у них снова вышел конфликт. Селма явилась к нему, вновь требуя изменить решение по поводу увольнения старика Тэусса. Сначала принялась убеждать, рассказывая, как ухудшилось здоровье бедолаги после печального известия. Затем в ход пошли намеки, что все происходящее может плохо сказаться на семействе Гарса. Здесь Вильят допустила роковую ошибку. Поняла это быстро, поскольку негодующая тьма едва не поглотила и кабинет и ее. Тэусс опустил до того, что угрожает родственникам Гарса? Хотел убедить всех в том, что силенок хватит?

Зорик наблюдала, как вокруг задумавшегося ректора клубилась черная дымка, принимая все более устрашающие очертания. Очарование какое... Снова захотелось взъерошить братцу волосы или...

Видя, как опасно сощурился Кристиан, она поняла, что ее мысли были разгаданы. Зорик улыбнулась, хлопнула руками по подлокотникам кресла и поднялась. Сидеть терпения не хватало. Она прошла к окну, наслаждаясь свежестью ветра.

– Так ты поделишься?

– Признайся наконец, Зорик...

Кристиан откинулся на спинку кресла, заложив руки за голову и закрывая глаза.

– В чем же?

Она присела на подоконник, разглядывая Небесный двор и Круглую башню, вокруг которой носилась стая белых острокрылых нейтин. В ярком солнце казалось, что перья птиц светились. Звонкий щебет усилился, стоило одной из нейтин отыскать в траве жука и броситься к нему стрелой.

– Где он сейчас? – тихо спросил Рэйван.

– Все еще думаешь, что я шпионю для Деверукса и докладываю ему обо всем? Ты ведь следил за мной, Крис. – В ее голосе ему снова послышалась улыбка. – Я помню того симпатичного воина... Вир, кажется? Точно, Вир. Не сомневаюсь, что он доложил о том, что я совершенно невинна.

– Ты его любила. Гордость. Радость. Надежда. И я искренне рад этому факту. Хотя кто-то из нас не разочаровал старика. Но именно это и дает повод сомневаться.

– Это ведь ревность, надеюсь?

Зорик перекинула волосы на одно плечо, чтобы лучше видеть своего собеседника. Но Кристиан сидел к ней спиной, конечно же не желая, чтобы она могла прочитать на его лице все мысли. Не в первый раз...

– Я не ревную тебя, проклятье! – возмутился Рэйван.

– Я говорю о твоём деде, Крис. И ты это прекрасно понял. Сколько еще лет вы оба собираетесь упрямыться? Деверукс не вечен.

– Сомневаюсь. – Голос Кристиана дрогнул.

– Прости его, Крис. Дай надежду. Он не успел в тот далекий год. В тот день, – рискнула заговорить Зорик, но тут же увидела тревожные всполохи тьмы вокруг кресла.

В кабинете заметно похолодало, и порыв ветра из окна казался жарким.

– Деверукс не успел возвратиться вовремя. И не может простить себе этого и по сей день.

– Прекрати, Зорик, – потребовал Кристиан.

Но она никогда не слушала его. Как и в этот раз. Ее сила вновь без спроса обжигала и, через кресло касаясь спины, опускалась на плечи горячими ладонями, смешиваясь с тревожно клубившейся тьмой. И тьма позволяла, опадая обессиленным зверем к ногам. Как и много лет назад.

– Решила лишить себя сил? Не трать их попусту. Забыла, чем все кончилось в прошлый раз?

– Прекрасно помню. Тебе пришлось тащить меня на спине до самого Харланда.

– Из-за тебя я повредил спину. Ты тяжела, как камень.

– И ты был очень зол.

– Верно. Как и сейчас.

– Я была рада найти тебя тогда.

– И я... как и сейчас, – откликнулся Кристиан.

– Это стало возможно благодаря Деверуксу. – Она ощутила усталость, вынужденная усмирить свою тающую силу.

– Тебя использовали. Ты не сердишься? Хотя разве ты способна злиться?

– Он не использовал меня, Крис. Он попросил о помощи.

– Деверукс умеет просить? – Кристиан нервно усмехнулся, поднимаясь с кресла и поворачиваясь к Зорик. – Должно быть, поистине невиданное зрелище.

– Однажды вам придется поговорить откровенно, Крис. Хотя бы раз. Возможно, для этого придется связать обоих. А лучше затащить вас на священную землю, где будете бессильны. Будете просто дедом и внуком.

– У него была возможность быть просто дедом. Но он предпочел иную роль. И она ему удалась, Зорик. Довольно с меня этого разговора.

– Вовсе не я его любимица, – упрямо продолжала Зорик, игнорируя слова Кристиана. Не станет же и в самом деле крушить Ард? Или станет? – Ты всегда был его гордостью. Надеждой. И вечным напоминанием того, что он не смог защитить единственное, что дорого. Да, у твоего деда очень сложный характер, и с годами он превратился в холодного демона. Так говорят о нем. Но все эти годы Деверукс, так же как и ты, страдал в одиночестве. Все из-за чувства вины, что не умер в тот день вместо сына. Что не встал перед внуком, заслонив собой, и позволил беде случиться. Он проклинал себя все эти годы.

– Хватит говорить за него, Зорик! – вспыхнул Кристиан. – Хотя раз в жизни, но он должен сам сказать это. Хотя раз... Да, Деверукс винит себя. Да, его сын погиб. Логично страдать от этой потери. Она безмерна. И из всего рода остался лишь я – вечное разочарование. Тот, кто зачем-то выжил. Его сын – единственный, кого Деверукс был способен любить, пожертвовал собой ради никчемного мальчишки. И все последние годы я чувствовал, что эта жертва была напрасной!

– Кристиан! – Зорик шагнула к нему. – Деверукс чувствует то же самое. Чувствует себя никчемным отцом, который зачем-то выжил, но не спас единственного сына. Чувствует себя никчемным дедом, поскольку не смог ни открыть свою душу, ни исцелить твою. Он сам свое единственное ненавистное разочарование. Деверукс не мог заставить тебя вздохнуть глубже, заставить заговорить. Но мог заставить кричать, когда ты спорил с ним. Он провоцировал тебя, надеясь, что хоть так сможешь очнуться, сопротивляться, сражаться, пусть и с ним. Я знаю это. Поскольку наблюдаю за вами двумя уже столько лет. Вы похожи. Вам обоим больно.

– Я просто устал... – тихо проговорил Кристиан.

– Я знаю. Как и он.

– Где сейчас Деверукс?

– Я виделась с ним в столице, перед тем как возвратиться в Ард, – призналась Зорик. – Тогда мы говорили в последний раз.

– И как же здоровье дорогого деда? – сухо поинтересовался Кристиан.

– Крис, твоя ссылка в Ард была вовсе не блажью Деверукса. Он сделал это вовсе не потому, что хотел подчинить тебя.

– А что это, по-твоему? – развел руками Рэйван. – Он действительно верит, что я душевно исцелюсь здесь? Проникнусь любовью ко всем сводящим с ума юнцам и позволю похоронить себя под ворохом расписаний занятий?

– Но, согласись, это отлично отвлекает от ненужных мыслей, когда на них и минуты не остается? – Зорик поспешила улыбнуться, сдерживая его гнев. – Ты отлично справляешься.

– Да ну? – с сомнением поморщился Рэйван. – Я совершенно не подхожу для этой работы.

– А кто подходит? Те, кто опустили моральный климат академии на сегодняшний уровень? Всеми твоими предшественниками руководили только корысть и желание через воспитанников Арда занять выгодные связи. Исключением был твой дед. Деверукс ненавидел Ард не меньше твоего. Но королю, помнится, пришла в голову великолепная идея назначить его ректором своей академии лишь потому, что в тот день Деверукс спас детеныша топ-шу, которых так обожает Ламон. И ты ведь знаешь, как это бывает – отказаться невозможно. Вот и пришлось подчиниться. А ты не преследуешь свои интересы. Ты не ищешь выгоды. Все, что нужно, – просто оставаться самим собой. Ты помог этим детям. Ты вступился...

– Зорик... – Рэйван устало вздохнул. – Ты не настолько хорошо знаешь меня. Я был далеко не бескорыстен в своих поступках. Половина их совершена оттого, что меня вывела из себя Вильят. Вторая... Тут личная выгода. Она и держит меня в Арде на сегодняшний день.

– Эта «личная выгода» будет держать тебя в Арде еще пять лет как минимум, – покружилась вокруг

него Зорик, вынуждая поворачиваться вслед за нею. – Так что времени предостаточно.

– Боги! – Кристиан снова зажмурился и потер переносицу. – Остановись, голова кругом!

– Я приготовлю для тебя отвар из своих трав, – перестала кружиться Зорик. – И я прекрасно все вижу. Не думал ведь, что утаишь от своей обожаемой сестры свою влюбленность?

– О чем ты говоришь? – от неожиданности замер Рэйван.

– О странной девочке, которая говорит сама с собой на южной лестнице и по ночам танцует с мертвецами. – Зорик заботливо поправила воротник Кристиана.

– Ты...

– Счастлива за тебя.

– Ты...

– Не собираюсь кому-либо рассказывать об этом. Пожалуйста, Крис, подумай хорошенько. Ты собираешься продолжать поиски? Хочешь добиться возвращения Деверукса в Ард?

Кристиан задумчиво молчал, опершись рукой о высокую спинку кресла. Он был бледен, и почти белые волосы только усиливали это ощущение. Зорик уже в который раз пожалела, что завела этот разговор. Но сейчас беспокоило нечто иное. Или нет, скорее радовало. Брат, а именно им считала Зорик стоящего перед нею некроманта, до сих пор не возразил. Не бросил нечто колкое в ответ и не проклял Ард, желая избавиться от него. Сомневался? Неужели Кристиан сомневался? Неужели у них с Деверуксом появилась надежда?

Глава 26

Ее гордость была задета. Но следовало явиться в кабинет Вильят, чтобы поблагодарить за предоставленную возможность. Она смогла покинуть Ард во время занятий только с разрешения проректора. Дель торопливо прошла по коридору. Солнечный свет, лившийся из окон, рисовал яркими пятнами по полу и сегодня невероятно раздражал. Сдерживаемая тьма легкой вуалью окутывала силуэт Дель, опадая и стелясь невесомым шлейфом. Отвратительное настроение!

Увиденное и подслушанное в доме портного лишь усилило ее негодование. Не радовали больше ни предстоящий день рождения любимой сестры, ни первый бал. И куда подевалась ее королевская выдержка и самообладание? Она превращалась в истеричку, поддаваясь эмоциям. Это никуда не годилось!

Во всех бедах хотелось винить выскочку Синхелм, а теперь и Кристиан туда же... Еще и старшая сестра подливала масла в огонь, высмеивая ее перед остальными сестрами. Ну а как же! Сколько Дель себя помнила, так и было.

Отец зол как демон. А матушка несколько раз лишалась чувств, когда они получили письмо из Арда с уведомлением о назначенном дочери позорном наказании. Избежать родительского гнева помогло только то, что удалось свалить вину на Амиаса. Пришлось лить слезы в три ручья, убеждая родителей, как она невинна и несчастна. Но с Кристианом все обстояло иначе.

После разговора с Деверуксом о возможной помолвке отец был положительно настроен на этот союз. Не то чтобы она мечтала выйти замуж, едва окончив академию. Таис, старшей сестре, первой полагалось обменяться клятвами в храме. Тайно Дель надеялась, что испытает хоть малую влюбленность, перед тем как назовет избранника своим мужем. И уж точно Кристиан Рэйван не был самым завидным женихом в Камеладере. Но так по-детски хотелось отомстить. Сделать больно.

Унижение – вот что должен испытать Рэйван после того, как она была публично унижена. Кто посмеет смотреть на нее косо, когда ректору придется объявить об их помолвке? Таис умолкнет наконец и перестанет потешаться над ее неудачами. А отец усмирит свой гнев. Она сама получит удовлетворение, когда увидит, что Кристиан сдался воле старших их семей. Так и будет. Иначе... Иначе последний год обучения превратится в пытку. Как и визиты домой на каникулах.

Дель нервно одернула камзол и расправила складки бордового форменного платья. Она уже собралась постучать в дверь кабинета Вильят, когда на противоположном конце коридора открылась другая дверь – ректорская. Дель быстро пригладила волосы и замерла, надеясь через мгновение увидеть Рэйвана. Но происходило нечто, по ее мнению, откровенно возмутительное.

Мелькнул светлый подол платья, и в коридор вышла Зорик Маркар, которая сейчас замещала декана факультета целительства. И ладно бы просто вышла, так нет – вздумала весело рассмеяться, перебрасываясь шутками с Кристианом. Он и сам приблизился к открытой двери, провожая Маркар, и проклятье – улыбался в ответ.

– Обязательно прими тот отвар, что я рекомендовала, Крис, – заботливым тоном сказала женщина. – Его принесут тебе позже. Ты обещал мне.

– Подчиняюсь, – сдался Рэйван.

Уже уходя, инрэйг собственнически притянула ректора к себе за воротник рубашки и запечатлела поцелуй на его щеке. Дель задыхнулась от этих действий, забыв, что лучше всего исчезнуть из коридора, пока не заметили. Что эти двое делали? Эта женщина... Порыв ветра из открытого кабинета так эффектно подхватил пряди волос Маркар. Они сверкали ярким золотом на солнце, лучи которого падали из высоких окон. И невольно припомнились недавние слова Кристиана в доме портного Юлмиза.

Что он тогда сказал? Черное и серое платье никогда не подойдет той, что сама как солнце? Зорик Маркар действительно сейчас походила на солнце. Так о ней Кристиан говорил? Для нее покупал платье? Решил нарушить традицию и пригласить на первый танец не студентку, а преподавателя?

Кристиан смотрел на Маркар с таким теплом! С таким теплом, проклятье... Отчего-то захотелось плакать и комом сдавило горло. Жгла обида. К ней беспощадно присоединилась злость. Причем злость на саму себя. Так неожиданно, словно кто ударил по лицу. Хотелось оплести весь Ард паутиной проклятий. Стереть с него все краски, стереть улыбки с лиц стоящих неподалеку людей. Как смеют они быть счастливы, когда она так несчастна? Вкус у Рэйвана оказался отвратительным... Как Кристиан мог увлечься этой женщиной?

И как теперь поступить ей? Маркар не была студенткой-первокурсницей, как Синхелм. С нею невозможно спорить во дворе замка или угрозами заставить отступить. Не нашлешь проклятие и не опоишь отворотным зельем. Инрэйг была хитра, так о ней высказывались другие студентки. Эта

почует опасность. И тогда все закончится тем, что с позором придется вылететь с последнего курса академии, подобно Амиасу. Нет, так рисковать Дель не могла. Как прикажете вернуться в родовой замок с таким клеймом?

Она должна придумать, как сохранить лицо в подобной ситуации и решить все до того, как каждый в Арде узнает о связи ректора с преподавательницей. Похоже, лучшее, что она могла сделать, – это первой отвергнуть Рэйвана. Публично. Да, она должна заявить об этом при свидетелях! Отлично подойдет один из коридоров академии, где обычно толпятся студенты. Остальное за нее сделают сплетники. Дель высказалась бы прямо сейчас. Но осталась одна в коридоре, поскольку Маркар покинула его, а Рэйван собирался закрыть дверь, возвращаясь к себе.

Или все же удача на ее стороне? Группа студенток, едва удерживая огромное количество свитков, показалась со стороны лестницы. Только бы свернули сюда... Так и есть. Наверняка несут все эти пыльные бумажки Вильят.

– Что вы здесь делаете? – спросил Кристиан, наконец заметив Дель, затаившуюся у кабинета проректора.

Он придержал дверь, ожидая ответа.

– Я всего лишь должна была поблагодарить каэли Вильят за оказанную поддержку. – Дель неспешно развернулась к нему. Болтавшие без умолку студентки приближались, давая ей неплохую возможность отыграться. – Но раз уж встретились сейчас, хочу прояснить отношения, сложившиеся между нами.

– А между нами существуют некие отношения?

Кристиан уже пожалел, что заговорил с нею, но уж слишком подозрительно выглядела Дель, стоя здесь, как привидение. Он отступил немного, позволяя беспрепятственно пройти девчушкам. При виде его студентки по привычке пришли в волнение, и половина свитков с шелестом посыпалась на пол.

– Прошу прощения! – восторгалась та, что стояла ближе к ректору, и кинулась подбирать упавшие вещи.

Присоединились к ней и остальные.

– Невзирая на договор между нашими семьями, – торопливо начала говорить Дель, – я вынуждена отказать вам, каэль Рэйван!

Брови Кристиана приподнялись от удивления. Замерли и шуршащие свитками студентки, словно цыплята, устроившиеся вокруг ног некроманта. Задрали головы и поочередно переводили взгляд с Дель на него и обратно.

– Да ну? – Понимая ее наивную игру, Кристиан сложил руки на груди, ожидая продолжения. – Значит, отказываете мне?

– Да! – гордо приподняла подбородок Дель.

– Отвергаете мою руку и сердце?

– Да!

– Как жестоко.

– Вы должны смириться.

– Хватит ли сил? – Уголки губ Рэйвана дрогнули.

– Иного выбора вам не остается, – жестко заявила Дель.

– Сообщаете об этом так холодно, бросая в лицо посреди коридора?

– Да...

Почувствовав едва приметную дрожь в полу, а также характерную вибрацию воздуха, Дель нервно опустила взгляд к ногам ректора. Проклятье! Разве эти дурочки не должны радоваться новым сплетням? Не должны быть удивлены или испуганы? Все были с первого курса, поэтому и заставил их кто-то из старших переносить хлам из библиотеки. Но несколько пар горящих глаз смотрели на Дель с неприкрытой неприязнью. Что происходило?

– Что ж, – вздохнул Кристиан, – я принимаю ваш отказ.

Не собираясь больше тратить время на нелепый разговор, он развернулся и вновь взялся за ручку двери. Та услужливо распахнулась сама, ускользнув из его руки.

– Куда вы? – возмутилась Дель.

– Рыдать. И пить в одиночестве, – кинул он, возвращаясь в кабинет.

– Что? – пробормотала Дель, от возмущения едва усмиряя силу.

Глаза ее потемнели, а черная дымка опутала ладони, проявляя рунные знаки.

– Высокомерная дрянь... – зашелестел шепот, и Дель едва не сбило с ног магическим порывом ветра.

Измятые свитки вновь посыпались на пол, а возмущенные защитницы ректора поднялись в полный рост, расправляя платья.

– Да как смеете? – начала было защищаться Дель, но резкий голос за спиной заставил умолкнуть всех студентов.

– Что здесь происходит? – Селма обвела их гневным взглядом, выходя в коридор. – Как смеете шуметь здесь?

Попросив прощения, первокурсницы наспех собрали оброненные свитки и поспешили к проректору.

– Велено было отнести вам!

– Здесь все списки, что вам нужны!

– А вы, Шеридан? – сердито глянула на нее Вильят. – Какой пример подаете первому курсу? Раз уж вызвались помочь, делайте все как следует! – Проректор нервным жестом указала на несколько валявшихся свитков.

– Я вовсе не...

– Спорите под дверьми! Позволяете подобное неуважение к важнейшим записям Арда! Вы знаете, сколько лет этим свиткам? Ваши руки пусты. Собирайте оставшиеся и следуйте в кабинет!

– Вы не правы, – попыталась оправдаться Дель.

– Вы спорите со мной? – Воздух заискрился вокруг Вильят.

Слушая возмущенные голоса, раздававшиеся за дверью, Кристиан со стоном опустил в кресло.

– Моя голова...

И где спасительный отвар, обещанный Зорик? Кристиан прижал пальцы к виску, зажмуриваясь. Боль пульсирующими волнами накатывала, вынуждая стискивать зубы. Происходило нечто странное. И шум в коридоре был ни при чем.

Черный рисунок принялся проступать на коже, оплетая предплечья, поднимаясь по груди к шее. Тьма встревоженным зверем отозвалась в груди. В следующий момент оглушительный грохот и звон бьющегося стекла наполнили замок.

Глава 27

Высвобожденное проклятие липкой дрожащей паутиной расплзлось по стенам столовой. Стремительно, словно пытаясь поглотить каждый кусок камня, замирая на мгновение там, где касалось солнечных пятен на стенах. Призванный харлах был довольно сильным. Отвратительным куском несформировавшейся плоти виднелся в самом темном углу, у потолка. Передние из шести тонких костлявых лап изогнулись, ударяя по стене. На ней появились опасные трещины. Звон стекла вновь оглушил, когда кто-то из преподавателей заставил вылететь оставшиеся окна. Все верно. Нужен свет. И больше свежего воздуха. Тварь этого не любит и немного ослабевает.

Кристиан быстро перенесся с помощью медальона, оглушенный испуганными криками студентов, пытавшихся сбежать из столовой. Кто-то из старшекурсников неловко пробовал остановить тварь, что было похвально. В большей степени оттого, что виновник случившегося до сих пор был жив. Это обнадеживало. И сегодня в Арде смертей не будет.

Харлах – мерзкий демон. И уж больно вкусна ему тьма, сокрытая в некромантской сути. Оттого и подпитывается ею. Оттого и ощущается его присутствие во всем теле. Тварь растет, формируется... Ищет всеми своими горящими глазами того, на кого была наслана. А едва убьет – растает, превратившись в лужу смрадной жижи. Отличный убийца. Идеально подходит, когда не хочется нанимать того, кому придется платить или оставлять в свидетелях. Вот только на кого заказ? Кто-то из студентов? Кто протащил в замок артефакт с проклятием?

– Всем лечь на пол и не двигаться! – хрипло выкрикнул Рэйван, чувствуя, как тупой болью отозвалась голова.

Дар Колум – один из преподавателей-стихийников повторил приказ, веля замереть студентам, находившимся рядом с ним у перевернутых столов. Кто-то послушался, а кто-то, к негодованию старших магов, по-прежнему пытался сбежать, дразня харлаха. Тварь дернулась, стоило одному из студентов броситься к выбитому окну.

Тьма скользнула по руке Кристиана, привычно формируя кнут. Он сделал выпад, ударяя существо по лапам, не давая коснуться мальчишки.

– Прочь! – срывающимся голосом прокричал студент, укрывая голову от атаковавшего чудовища и приседая у подоконника.

Он вжался спиной в стену, продолжая испуганно вскрикивать.

– Не двигайся! – яростно скомандовал Кристиан.

Так вот кто цель... Чей он сын? Кристиан не мог припомнить имя мальчишки. Да и не так важно это сейчас. В другом случае лучшим вариантом было переместить цель в другую часть Арда, подальше отсюда. Но это только ухудшит ситуацию, когда имеешь дело с подобной тварью. Здесь работает привязка к объекту. Сильнейшая привязка. Переместится мальчишка – переместится и харлах.

Кристиан повторил захват, и существо противно заскреблось чудовищными когтями по стене, пытаясь сорвать удерживающую петлю. Глаза горели углями, а из пасти вырвался противный писк, немедленно вызвавший желание заткнуть уши.

– Нет... Нет-нет... – Став бледным, как стена за его спиной, студент попытался сотворить щит.

– Я же сказал – не двигаться!

Тварь рванулась резче, питая силы гневом некроманта и пытаясь ударить передними лапами свою испуганную жертву. Черный рисунок полностью покрыл тело Кристиана. Тьма клубилась вокруг его ног, стелясь по полу, усыпанному опасными осколками стекла. Вплеталась в нити проклятия, добавляя свой узор и прочно удерживая паутину.

Предугадывая дальнейшие действия ректора, Колум, маг воздуха, проговорил заклинание. Острые сверкающие осколки медленно поднимались в воздух, собираясь кольцом под потолком. Кружась в вышине, зачарованное стекло ожидало своего часа, готовое обрушиться на тварь.

Стремительно следуя по паутине, черные нити заклинания, сплетенные некромантом, подбирались к харлаху. Едва сдерживая тварь, он дождался того момента, когда нити достигли цели. Оглушающий визг усилился. Существо забилося, пытаясь высвободиться из парализующего кокона, не дававшего подобраться к жертве. Харлах все еще не оставил попытку иссушить силу Кристиана, упуская тот факт, что попался в сети такого же монстра, способного впитать его энергию. Верно. Он – монстр. Тут уж кто кого. Кристиан стиснул зубы, справляясь с болью во всем теле и продолжая творить свою магию.

Тварь металась, все больше опутываясь обжигающей сетью, и издавала пронзительный клич. Она нависала над студентом, находившимся в полуобморочном состоянии. Разинув пасть, пыталась дотянуться до его лица. Мальчишка вжался в стену, заливаясь слезами и беззвучно шепча не то заклинание, не то молитву.

Зашептал и Кристиан. Его голос шелестел, повторяя древние слова. Тварь слабела, отдавая свою силу зачарованным нитям, перетекавшую затем к ладоням некроманта. Глаза Кристиана вспыхивали, словно у слабевшего харлаха, а лицо и шея бледнели, укрываясь тончайшей сеткой паутины проклятия. Он поставил ноги шире, стараясь устоять и не дать твари вырваться. Кристиан чувствовал ее страх так, словно он принадлежал ему. Обреченность. Ледяной ужас и ненависть.

Чувства вспыхивали в нем ярко, жарко, отражаясь в глазах диким отравленным пламенем. Он горел. Всем своим существом – до кончиков пальцев, до края сознания боясь потерять себя в диком огне. Проклятие было сильным, и ненависть наложившего его была сильна. Еще немного. Он выдержит. Выстоит. Тьма поглотит тьму. Смещается. Станет ровной гладью. Безмятежной. Оглушительно тихой... Только нужно выстоять. Сегодня никто не умрет. Сегодня он справится. Сможет. Он уже не тот мальчишка, стоящий один посреди поля боя. Сегодня все иначе...

– Действуй! – Кристиан сам не узнал свой голос.

Не видел сейчас ничего, кроме красной пелены перед глазами.

– Щит! – зазвучала команда, отданная Колумом.

Наверняка приказывал той группе студентов с боевого факультета, которых Рэйван успел заметить, когда переместился в столовую. Была ли среди них Трин? Кристиан мечтал о том, чтобы ее здесь не оказалось. Чтобы была в безопасности. Чтобы не видела его таким...

Ощутил вибрацию щита. Выходит, детишки решили укрыть его, а не себя... Боялись, что его изрежет стеклом, с противным звоном обрушившимся откуда-то сверху? Так и есть. Вибрация усилилась, подтверждая сопротивление щита. Пораженная тварь истошно завизжала, буквально пригвожденная к полу осколками. Не теряя драгоценного времени, Колум отдал следующую команду.

– Катхам!

Печать огнетворца? Отлично. То, что нужно. В следующий момент воздух вокруг раскалился, обжигая дыхание, обжигая руки, в которых по-прежнему держал зачарованные нити, опутывавшие тварь. Затем ощутил неожиданный удар по рукам. И жар отпустил их, отпустил теперь ненужную паутину. Оборванная, она вспыхнула, искрясь и тая в голодном пламени, поглощавшем бесформенное тело харлаха.

Сил стоять больше не было. Кристиан опустился на колени, тяжело упираясь кулаками в горячий каменный пол и пытаясь справиться с головокружением. Зрение постепенно возвращалось. Удалось сконцентрироваться на покрытой пеплом цветной плитке, которой был выложен пол. Вся потрескалась... Вильят с ума сойдет... Все дети целы? Окна же без стекол, так почему нечем дышать? И отчего так тихо?..

Алая капля упала на плитку, впитываясь в жадный пепел. Затем еще одна и еще... Кристиан обтер рукавом лицо, пачкая манжету рубашки собственной кровью, которая пошла носом от слабости.

– Вы в порядке?..

Этот голос он узнал бы из тысячи других. Как и силуэт, который смог разглядеть перед собой. И горевшие рунные знаки на руках. И испуганные, широко распахнутые глаза, сверкавшие золотом. Трин. Так вот кто снова применил боевую печать, не умея толком ею пользоваться! Надо бы наказать... Или обнять... Или выпить... Воды. Много воды. Ледяной. Чистой. Как же хотелось пить...

Битое стекло захрустело под подошвами ботинок, когда Трин подбежала к нему, протягивая руку и помогая опереться на нее. Кристиан принял поддержку, скользнув рассеянным взглядом по ее лицу. Сам был бел как снег, а глаза едва стали возвращать себе серый оттенок, растворяя отвратительную черноту. Стиралась она и с тела Кристиана, где ранее проступала неким подобием паутины.

Трин едва справлялась с чувствами. Как он мог так рисковать собой? Решил, что бессмертен? Неистово захотелось его обнять, и чтобы все исчезли, оставляя их одних. Но это было невозможно. И сейчас Кристиан нуждался в ардовском целителе куда больше, чем в ее объятиях.

– Все прочь из столовой! Здесь не прикасаться ни к чему и не смей убраться или впускать кого-то без моего приказа, – глухо пробормотал Кристиан, нехотя отпуская руку Трин и обводя плавающим взглядом разгромленное помещение. – Кто ранен – к целителю. А ты...

Кристиан поискал взглядом невольного виновника погрома. Мальчишка нашелся на том же месте. Ноги не слушались бедолагу, потому он и остался сидеть, вжимаясь в стену.

- А ты - явишься ко мне в кабинет. Я жду объяснений. - Он сухо прокашлялся в кулак.

- Вам нужно к целителю, - запротестовала Трин, крепче сжимая его руку.

- Поверьте, каэли, сейчас мне нужно совсем иное... - Кристиан осторожно высвободил руку и неловко прикоснулся к груди, активируя медальон.

Трин наблюдала, как растаял его силуэт. Почему не послушался? Ее возмущению не было предела. Ему нужна помощь. Нужна поддержка. Нужно...

- Не расстраивайтесь, Синхелм. - Тяжелая ладонь Колума опустилась на ее плечо. - Ваше участие, несомненно, оценено. Но в случае подобного поглощения темной силы целитель не поможет. Здесь требуется особое противоядие, для этого используется собственная сила некроманта. Сегодня вы отлично постарались. Ваш преподаватель будет рад узнать об этом.

Трин представила себе реакцию Хэйла и нервно одернула перепачканную куртку. Вот уж да... Рад будет безгранично...

- А каэлю Рэйвану нужно некоторое время для нейтрализации яда харлаха, - тем временем говорил стихийник, сопровождая и ее и группу оставшихся студентов к выходу из столовой. - Вам не стоит волноваться. Яд не смертелен для мага такого уровня. Хотя и пресквернейшее ощущение.

Не волноваться? Колум просил о невозможном. Она должна лично убедиться, что с Кристианом все в порядке, и уже обдумывала варианты.

Глава 28

Откусить голову? Или лучше... Кристиан осторожно вдохнул, поскольку тошнота накатилась новой волной, а затем задержал дыхание. Мальчишка, бледный и взъерошенный, стоял перед его столом, за край которого некромант крепко держался обеими руками. Тьма в нем смешивалась, поглощала ту, что была враждебной и до сих пор вызвала желание прикончить хлипкого человечка, шмыгавшего носом.

- Говорите, Найрок, - потребовал Кристиан, но сам едва разобрал произнесенные слова.

Студент встрепенулся, благоразумно отступил на шаг и принялся нервно ерошить светлые волосы.

- Да говорите же, проклятье! - буквально зарычал Рэйван.

- Да-да... - отозвался мальчишка. - Завтра должен был... Только завтра...

Голос сорвался, превратился в нервный всхлип.

- Рэм, - нарочно обратился к нему по имени Кристиан. - Здесь вы в безопасности.

Наглая ложь... И непонятно, кого он сейчас больше убеждал в этом. В другой ситуации он бы просто ушел прочь из Арда на несколько дней. Но сейчас нужно выяснить подробности. И оставить все на Вильят некромант просто не мог.

- Оно сидит... В вас сидит? - прошептал Рэм, и глаза его испуганно расширились.

- Никто во мне не сидит, - возмутился Кристиан, прижимая пальцы к вискам. - Эту тварь сожгли перед вашими глазами. Сами же должны были видеть. Это просто яд. Последствия работы с подобными существами.

- И вы...

- Не собираюсь умирать, проклятье. Не отвлекайтесь. Так что же вы должны были сделать завтра? О чем говорили?

- Завтра день моего рождения. Я должен был открыть их завтра... - упираясь взглядом в пол и не смея смотреть на ректора, сейчас напоминавшего демона, пробормотал Рэм.

- Так, - поощряя студента, кивнул Кристиан. - Прошу объяснить подробнее.

- Завтра в академии выходной. Так удобно... Совпал с моим днем рождения... - все еще непослушным от волнения голосом говорил Найрок. - Я и четверо моих друзей собрались отпраздновать завтра в городе. Ничего, что могло бы нарушить устав Арда...

Студент замотал головой и рискнул взглянуть на ректора.

- Дальше.

- Подарки передавали мне в последние несколько дней. Я терпел... Не открывал их, хотел дожидаться нужного момента.

- Но отчего же не дождались, Найрок? - мрачно осведомился Кристиан. - Неужели ничего не заподозрили? Вы хоть потрудились узнать, от кого были переданы все эти «дары»?

- Говорю же вам, что их было слишком много. У нас столько родственников... Я всех и не упомяну. Приходили и от друзей, и от их семей. От знакомых отца и матери. Я привык, что подарков всегда целая гора. И, признаться, практически никогда не читаю записок к ним. Только от близких.

- Всегда целая гора, значит? - Кристиан задумчиво потер перепачканный пеплом подбородок.

Рэм собрался было сказать об этом ректору, но не решился, вновь поникнув.

- Что вынудило вас открыть этот подарок именно сегодня?

- Я не выдержал, - пробормотал Рэм. - Хотел показать его одноклассникам. Парес хвастался подарком старшего брата. Это был нож великолепной работы тамирского мастера. Такие очень ценны. Я мечтал о таком. Давно просил у отца. Но он сказал, что подарит, если только первый курс закончу на отлично.

- И что дальше?

- Я старался, - с жаром сказал Рэм, посмотрев на ректора. - Мои отметки лучшие в группе. Я писал

об этом отцу. И когда увидел среди подарков эту коробку... У меня даже сомнений не было по поводу отправителя.

- Коробку? Ее не нашли в столовой. Возможно, сгорела, когда активировалась печать Катхам.

- Я бросил ее на столе, - принялся вспоминать Рэм. - А нож выронил, когда... когда все началось. Он жег руку.

- Конечно, - медленно кивнул Кристиан, глядя на студента взглядом голодной тьмы.

Проклятие вздумало оживиться, рискуя вплестись в его родную силу, но было безжалостно заблокировано. Правда, голова вновь пошла кругом, а глаза едва не почернели. Рисунок на коже проступил, поднимаясь над воротником мятой рубашки, и медленно принялся таять, послушный некроманту.

- Я нашел нож. - Кристиан тяжело прислонился к спинке кресла.

- Вам плохо? - с участием спросил Найрок.

- Лучше, чем той твари, - отозвался некромант. - Найденный нож не был творением рук тамирца Воргеса, о котором вы мечтали, верно?

- Да. Я выглядел настоящим глупцом, решив похвастаться им перед товарищами. Если бы проверил раньше... - Рэм запнулся, понимая, что случилось бы, сделай он это в комнате общежития. - Нож - подделка. Такой можно купить во многих сувенирных лавках. Он ничего не стоит.

- Но тот, кто прислал его, был в курсе вашей просьбы к отцу.

- Выходит, что так.

- И был уверен, что вы так будете захвачены радостным предвкушением, что наивно не проверите сопровождающее письмо.

- Да...

- Я могу сказать с большой долей уверенности, что проклятие наведено женщиной.

- Женщиной? - искренне удивился мальчишка.

- Верно. Я чувствовал это, касаясь его. Эта обжигающая ненависть. Это всепоглощающее чувство одиночества и отчаяния. Это не просто желание избавиться от единственного наследника влиятельного рода, - сухо проговорил Кристиан.

Он поднялся и прошел к окну, стараясь обойти студента большим кругом. Проклятие тянулось к нему, рвалось из груди, яростно сопротивляясь, когда не смогло коснуться Найрока. В висках застучало, и Рэйван прислонился плечом к стене, рядом с открытым окном. Вдохнул полной грудью вечерний воздух. Свежий, холодный. Он немного отрезвлял.

- Это личная месть, полагаю, - сказал он. - И эта женщина уже в курсе, что ее подарок был открыт.

- Я за свою жизнь даже не ссорился ни с кем всерьез. А уж так, чтобы до убийства дойти... - возмутился Рэм. - Кто же она?

- Проклятие довольно сильное. Его создал опытный маг. Создал лично. Это говорит нам о том, что женщина, скажем так, не совсем юна. Она знакома с вами очно или ей была доступна вся необходимая личная информация, включая даже то, что вы желали получить в подарок от отца.

- Что вы хотите этим сказать? - растерянно прозвучал голос Найрока, а Кристиану казалось, что он звучал из другого мира.

Изображение перед глазами плавало, вызывая очередной приступ тошноты. Снова глубокий вдох... выдох... вдох... выдох...

- Казль Рэйван!

Проклятье... Отчего мальчишка так громко говорит? О чем он сам только что говорил?..

- Что вы подразумевали?

- Вашему отцу уже послано письмо, где изложена суть случившегося в Арде. Вскоре он получит его и, полагаю, прибудет в академию. Либо пришлет доверенного человека. - Голос снова охрип.

Нужно воды. Много воды. Рэйван заставил себя отойти от стены и, шатко ступая, приблизился к

столу. Поднял графин с водой и принялся жадно пить прямо из него. Остановился, только осушив до дна. И все было мало.

– Вы единственный сын Лоруса Найрока, – попробовал снова заговорить Кристиан. К счастью, это вполне прилично удалось, но все же продолжало казаться, будто жевал стекло. – И ваш отец занимает влиятельную должность. Он управляющий города Цемерин. Верно?

– Да.

– У управляющих есть одна важная, но порой не очень приятная обязанность, которая может повлечь за собой и не очень приятные последствия.

– Что вы имеете в виду?

– Я говорю об обязанностях судьи, чьи полномочия возложены на многих управляющих по приказу короля. Ваш отец имеет данное разрешение, – терпеливо пояснил Кристиан.

Солнце садилось, и демон в нем любовался закатом, нагло радуясь тому, что скоро стемнеет... Дневной свет был неприятен, хотя не так сильно, как в первые часы после воздействия яда харлаха.

– Это лишь мое предположение, не больше. Один из возможных вариантов. Но артефакт с проклятием мог быть изготовлен тем, кого ранее осудил ваш отец. Либо кем-то из его родственников. Людям свойственно верить в собственную невиновность, причем чем больше вина, тем сильнее вера в обратное. Возможно, кто-то решил таким образом отомстить вашему отцу. Смерть единственного сына – достаточная расплата за несправедливый суд.

– Мой отец всегда справедлив! – возмутился Рэм.

– А разве для сына может быть иначе? – устало улыбнулся Рэйван.

На лбу выступила испарина, и жутко хотелось улечься на один из холодных камней Харланда и смотреть в небо не отрываясь. Упить им... Стереть все из памяти. Как бы он желал утратить ее, словно Трин. Трин... Где она сейчас? Чем занята? Теперь Кристиан желал коснуться ее, увидеть. Чувствовать... Захотелось так неистово, что стиснул зубы. Такого лютого одиночества он не испытывал с того дня, как осиротел. Но сейчас это чувство смешивалось с чужим. С чужим одиночеством. Эта часть чужой силы, отданная в жертву проклятию, отзывалась в груди.

– Женщина. Некромант. Средних лет. Был кто-то подобный вхож в круг вашей семьи? Или довелось знать кого-то похожего?

– Мой отец на сильно жалуется... некромантов, – неловко сказал Рэм, отводя глаза в сторону. – Извините. Я не хочу сказать, что ваша суть... Я так благодарен...

– Я понял, – прервал его бормотание Рэйван.

– У нас не было близких знакомых среди некромантов, – пожал плечами Рэм. – Родители действительно избегали близкого общения с ними. Со всем уважением, но таков уж характер моего отца. Что касается должности управляющего и обязанностей судьи, то я не в курсе его дел.

– Даже так? – искренне удивился Кристиан. – Отец разве не планировал, что пойдете по его стопам? Каким он видит ваше будущее?

– Я свободен в своем выборе.

Честное слово, давно он не испытывал зависти... Кристиан расстегнул удушающую пуговицу на воротнике рубашки. Разговор утомил, но был необходим.

– Все подаренные вам вещи будут изъяты по понятной причине, для проверки.

– Да, – поник студент.

– Также вам запрещено покидать Ард до моего личного распоряжения. Вы поняли меня, Найрок?

– Да... – тихо отозвался он.

– Вы живы, и это главное, – как мог, подбодрил студента Кристиан. – Расследованием покушения на вас займется специальный отдел стражей Валмира. Их капитан уже связался со мной и ему будет передана вся полученная информация. Скоро преступник будет в курсе, что его попытка не удалась. Но он зашел слишком далеко, чтобы отступить. Поэтому я надеюсь на ваше благоразумие и содействие расследованию. Вы слышали меня, Найрок?

– Я не покину академию. Надеюсь, что этого человека поймут и он ответит за содеянное.

- Дождемся ответа вашего отца. Полагаю, что он располагает большей информацией, способной нам помочь.

- У вас... У вас снова идет кровь! – Голос Рэма понизился до испуганного шепота.

Кристиан провел ладонью по лицу, вновь замечая алые разводы на пальцах. Снова пошла носом...

- Я позову на помощь? – осторожно спросил мальчишка.

- Нет. Ступайте, Рэм. Будьте среди друзей. Не оставайтесь сегодня один. Послушайтесь совета.

- Я благодарен вам. Я никогда не забуду... Вы – самый лучший.

- Да ну? – Рэйван поднял голову, достал из кармана платок и зажал нос.

- Вы... настоящий, – тихо проговорил студент.

Чувствуя неловкость, Кристиан вздохнул.

- Найрок...

- Вы не должны уходить! – добил его последним заявлением второкурсник и торопливо покинул кабинет, бесшумно закрыв дверь.

- Что?

Глава 29

Ужинать пришлось в общежитии. Пока столовую пытались восстановить после сегодняшнего происшествия, все довольствовались компанией соседей по комнате. Известие о попытке убийства Рэма Найрока и героическом спасении его ректором академии распространилось молниеносно. Причем каэля Колума и не упоминали в пересказываемых друг другу историях. Те обрастали все большими и большими подробностями, практически полностью вымышленными. Но кого это интересовало? Кристиан Рэйван в который раз стал героем, кинувшись спасать одного из студентов, рискуя своей жизнью.

– Представляешь? А потом он...

– Я присутствовала при этом, Ивон, – напомнила Трин.

– Да... – усмирила восторг подруга. – Ужасный случай. Мне просто повезло, что уже покинула столовую в тот момент.

– Согласна с тобой.

Трин из последних сил сдерживалась, чтобы не сбежать из комнаты. Лежа в постели, она от всей души надеялась, что Ивон вскоре заснет и даст ей возможность уйти незаметно. Чувствуя ее нервозность, бил хвостом по полу Зиль. Ивон выше подтянула одеяло и покосилась на огромного призрачного зверя, пугающе сверкавшего глазами-углями.

– Это нормально? Почему оно такое огромное?

– Оно нормальное. Так бывает. Нам всем нужно отдохнуть, – предложила Трин, стараясь, чтобы ее слова не прозвучали как приказ.

– Ты права, – деликатно прикрываясь ладонью, зевнула Ивон.

Затем она перевела взгляд на приоткрытое окно, где покачивались легкие шторы. И что, собственно, она там ожидала увидеть? Своего фальшивого возлюбленного? Талл не пострадал сегодня в столовой. Эта мысль неожиданно согревала. Хорошо, что все живы...

– Он наверняка тоже спит, – послышался голос Трин. – Последуй его примеру, Ивон.

– Доброй ночи, – смущенно пожелала подруга, удобнее устроиваясь в постели.

Волосы серебряным шелком укрыли ее подушку и часть одеяла, когда девушка легла на бок, закрывая глаза.

– Доброй ночи, Ивон, – ответила Трин, мучительно дожидаясь, пока подруга крепче заснет.

Она не видела Кристиана с того самого момента, как он покинул разгромленную столовую. И не слышала ничего о его теперешнем состоянии, не считая нелепых сплетен. Как он? Что с ним? Почему не призвал к себе, как делал каждый день? Почему не принял ее помощь, поддержку? Если нужно, то забрал бы и всю ее силу, но исцелился...

Зиль ступил передними лапами на постель, устраивая возле подушки огромную голову. Смотрел с участием, затем лизнул расстроенную хозяйку в нос. «Я так волнуюсь», – говорила Трин мысленно. «Я знаю», – отвечал ей безмолвно яркий взгляд марага.

Ночь мягко опустилась на Валмир, погружая в тревожный сон и замок Арда. Возможность покинуть общежитие появилась лишь ближе к полуночи, поскольку Ивон несколько раз тревожно просыпалась. Быстро переодевшись в рубашку и штаны, Трин бесшумно покинула комнату. Нарушить запрет на выход из общежития мешали два стража. Пришлось идти на хитрость и использовать беспокойного фамильяра.

Зиль объявился у блестевших старинных доспехов, мирно стоявших в простенках между окнами. Принялся с противнейшим звуком скрести по металлу когтями, вынуждая охрану отреагировать на шум. Трин воспользовалась возможностью незамеченной пробраться к темной лестнице и стала торопливо подниматься по ступенькам наверх.

Еще немного. Еще одна лестница. Проходной зал. Галерея с такими же старыми доспехами в простенках, пугавшими в ночной тишине. По пути пришлось еще раз прятаться от стражей, но наконец достигла нужной части замка. Теперь оставалось надеяться, что Кристиан находился у себя в комнате. И что не запер дверь, как делал это в ректорском кабинете. Приближаясь, Трин оробела в какой-то момент. Вдруг Кристиан будет сердиться, что пришла без спросу? Или решит, что она слишком...

Долго мучиться сомнениями ей не дали. Дверь распахнулась перед лицом Трин. Сильная рука схватила за рубашку и втащила в комнату, освещенную мягко мерцающими свечами.

– Что ты здесь делаешь, Спичка? – прозвучал над ее головой голос Кристиана.

Звучал тихо, выдавая усталость. Зол не был, но темный взгляд пугал. Казалось, что наблюдал за нею не только человек, но и некий темный зверь, сокрытый в нем.

– Ты должна была оставаться в общежитии. – Кристиан поднял руку и тыльной стороной ладони провел по ее щеке.

– Знаю.

– Но рискнула нарушить ректорский приказ.

– Верно. И теперь я здесь.

– И теперь боишься меня? – Не спросил, скорее делал вывод для себя самого.

– Нет, – упрямо заверила Трин, глядя ему в глаза. – Не тебя.

– Чего же тогда?

Светлые волосы вновь беспорядочно падали на лоб и глаза. Рубашка Кристиана была расстегнута, открывая взгляду грудь, на которой тьма рисовала свои удивительные узоры. Они поднимались к шее некроманта и терялись за ремнем его брюк.

– За...

– За?

– Я боюсь не тебя, а за тебя, – сердито объяснила Трин. – Как ты мог исчезнуть и не дать мне даже жалкой вести, что в порядке?

– Не хотел.

– Что? – возмутилась Трин, по-своему понимая ответ.

– Не хотел, чтобы видела меня таким, – договорил Кристиан, рискуя опустить ладони на ее плечи.

Он чувствовал, как девушка дрогнула в его руках, будто робкое пламя свечи. И боялся прикоснуться сильнее, чтобы оно не угасло, оставив в полной тьме. Светлая девочка. Чистый огонек... Так же напугана, прекрасно чувствуя, как слаб его контроль и как холодна тьма, клубившаяся у ног.

– Я все равно... все равно вижу тебя как есть, – шепотом повторила Трин его недавние слова. – Поэтому не важно, какой облик примешь. Я так хочу помочь! Просто говори со мной. Просто скажи, что не умираешь от ран и не страдаешь в одиночестве. А если нуждаешься, то возьми мою силу. Сколько нужно. У меня ее через край. Как и глупости...

Выпить. До дна. Ощутить этот вкус. Этот свет. До последней капли. Проклятье... Голова шумела, а сердце глухо колотилось в груди. Демон внутри его слабел, терял силу, но, отравляя кровь ядом, требовал поддаться соблазну. Она ведь так близко. Так близко. Такая хрупкая в его руках, несмотря на обладание смертельной стихией. Ведь не станет использовать силу. Так доверчива и наивна.

И его темная суть соглашалась, вторила проклятию, наполняя рисунок на теле чернотой. Он поднялся к вискам, оплетая все тело. Кристиан замер, не смея позволить воплотиться хотя бы одной из звучащих в голове мыслей. Прочь... Они принадлежали не ему. Он должен отпустить Трин. Должен велеть вернуться в безопасность своей комнатухи в общежитии и крепко запереть дверь. «Уходи», – требовал он мысленно.

– Останься... – сорвалось с его губ.

Их разделял последний шаг, и Трин преодолела его. Кристиан походил на демона. Голос его сейчас звучал иначе – хрипло, грубо. Но, протянув руки, Трин рискнула обнять жениха и прижаться щекой к его груди. Он был холоден, как статуя, и если бы не знакомо бившееся сердце, сочла бы, что обратился в камень.

Захотелось немедленно согреть его, и Трин крепче сжала кольцо рук. Свечи загорелись ярче, а за спиной Кристиана вспыхнул жарким пламенем камин.

– Решила... сжечь... и мою комнату? – без сил проговорил он.

- Иди за мной.

Кристиан позволил увлечь себя. Как и Трин, он опустился на темную шкуру, лежавшую перед камином. Прислоняясь спиной к креслу, стоявшему рядом, она потянула Кристиана за руку, вынуждая лечь и опустить голову ей на колени.

Не сдержав ревности, Зиль воплотился рядом с Трин, увеличиваясь до внушительных размеров, тем самым желая получить предпочтение хозяйки. Но, видя, что бывший хозяин сегодня явно нуждался в ласке больше, чем обычно, прилег на пол рядом, наблюдая за действиями живых. В его глазах отражалось пламя, разгоравшееся в камине, а хвост подрагивал, выдавая его недовольство тем, что некроманта предпочли ему.

Трин провела ладонью по колючей щеке Кристиана, призывая его закрыть глаза и отдохнуть. Послушный заботе, он чувствовал легкое касание теплых рук, чувствовал, как Трин с нежностью перебирала пряди волос, гладя по голове. Тепло. Свет. Они исходили от нее, при каждом касании проникая в тело и даря долгожданное облегчение. Склонив голову, Трин коснулась губами виска Кристиана. Черный рисунок стирался, таял, отпускал его, позволяя немного расслабиться и задремать.

Сколько она так просидела, потом припомнить не могла. Но умудрилась заснуть, не справившись с усталостью. Разбудило настойчивое солнце, чьи слепящие лучи падали из открытого окна. Трин сощурилась, чувствуя, как глаза увлажнились. Сколько сейчас времени?

Попыталась подняться, но кольцо сильных рук удержало на месте. Боги... Они и в самом деле проспали до самого утра на полу перед камином? Огонь уже давно погас. Да и не утро вовсе. Трин еще раз кинула взгляд на небо, видневшееся в окне. Судя по положению солнца, скоро полдень. Полдень!

- Выспалась? - прозвучал сонный голос за ее спиной.

- Да...

- Тогда доброе утро! - Кристиан развернул ее к себе лицом.

Трин растерялась под его внимательным взглядом.

- Скорее добрый день.

- День? - пришла очередь Рэйвана удивиться ее словам. Он поднял взгляд к окну.

- Ивон давно проснулась. Придется врать ей и придумывать, что встала рано и ушла в город. Как ты? Как чувствуешь себя? Ты в порядке?

Поцелуй остановил поток взволнованных слов.

- Я в порядке, - конечно, несколько приврав, доложил Кристиан.

Он был бледен, и щетина только усиливала это впечатление. Но глаза вновь обрели цвет чистого серебра, а пугающий рисунок стерся с тела. Выходит, справился. Смог преодолеть действие яда харлаха? Она могла больше не сходить с ума от волнения?

- Ты голодна? - просто спросил он.

- Да, - призналась Трин, вспоминая, что вчера удалось только позавтракать.

- Что ж, в благодарность я угощу тебя обедом в Валмире, - стараясь быть серьезным, заявил Кристиан.

Он встал и помог подняться Трин.

- В благодарность лучше останься в комнате и отлежись как следует.

- Ты предлагаешь мне пытку, Спичка? - делано возмутился он. - Остаться в стенах Арда и пытаться отлежаться? Мне нужно в город в любом случае. Сегодня запланирована встреча с управляющим Улхаром. Я должен увидеться с ним.

- Но ты еще слаб. Разве нельзя перенести эту встречу? - разволновалась Трин, заглядывая ему в лицо.

- Я в порядке, - заверил Кристиан. - Не думаешь же, что явился бы в дом к этому человеку, зная, что свалюсь без чувств, как юная каэли?

На него посмотрели с сомнением.

- Обещаю, - постарался улыбнуться Кристиан.

- Врун, - не поддалась Трин.

Глава 30

Прекрасно зная, что не уснет, с прошлого вечера Селма не покидала кабинет. Уже в который раз она то кружила по нему беспокойным призраком, то вновь подходила к столу. Останавливалась, глядя на незаконченное письмо, и не могла решиться взять перо.

Она должна, просто должна разрешить сложившуюся ситуацию в свою пользу! И бесконечно мучило бессилие против самонадеянного мальчишки. Вчерашняя выходка словно нарочно укрепила положение Рэйвана в Арде. Спаситель? В который раз спаситель... А воспитанники академии и рады восторгаться и пересказывать друг другу совершеннейшие нелепицы о героическом ректоре.

Если раньше можно было сыграть на реакции родителей, разослав по нужным адресам правильные письма, то теперь это делалось невозможным. Как пить дать половина девиц уже отписались маменькам, наполняя послания ахами и вздохами. Кристиан оказался прав, угрожая, что король и слушать не станет о претензиях к нему. Но она должна сделать хоть что-то. Хоть что-то, чтобы не допустить надвигающийся переворот в Арде. Если так пойдет и дальше, Кристиан Рэйван ввергнет королевскую академию в хаос!

Все должно остаться, как и прежде. Правила. Порядок. Они нерушимы! Они создавались столько лет. Кто, как не она, способен поддержать Ард и возвеличить его? Не это ли желание короля? Вильят резко подалась к столу. Схватив наполовину исписанный лист бумаги, нервно скомкала его и отбросила прочь, не заботясь сейчас о порядке в кабинете.

Ламон ошибся. Ошибся! Зачем только связался с родом Рэйванов? Деверукса назначил ректором, лишь пойдя на поводу у собственного настроения! А Кристиан... Ламон произнес тогда нечто вроде того, что он прекрасно сможет понять юные умы воспитанников академии, поскольку и сам довольно молод. Молодость! Как можно опираться лишь на это?

Ладно, пусть она не сможет отправить прошение королю. Но она способна ответить Кристиану за неуважение другим способом, чтобы сохранить свое лицо. Подчиняться его приказам Селма не собиралась, считая это унижительным. Мальчишка склонен к героизму, но есть кое-что, на что он просто не способен. Это и станет ее шансом. Кристиан Рэйван никогда не сможет достойно организовать бал. А так уж вышло, что Ламону Великолепному важнее это событие, а не грубые подвиги.

Все, что нужно, – это просто уйти. Она навестит мать, что не делала уже столько времени, а всему виной забота об академии. Вильят оперлась ладонями на край стола. Ее губы тронула злорадная улыбка. Бал весьма важен для Арда. Будут гости студентов, некоторые родители явятся. Все должно быть, как всегда, безупречно. Но Кристиан никогда не справится, о чем и доложат королю. Оpozорится сам. Поймет, что не может без нее, и пожалеет, что не поддержал.

Она уже слышала шаги в коридоре. Наконец-то изволил явиться в свой кабинет? Самое время известить ректора о принятом решении. Он сам предлагал ей отдохнуть. Что ж, она просто обязана подчиниться...

Кристиан не стал закрывать за собой дверь, слыша раздражающий стук каблуков в коридоре. Сегодня все звуки казались слишком громкими. И особенно не хотелось спорить. Но необходимо заглянуть в кабинет, чтобы завершить пару дел перед уходом в город. Во избежание ненужных сплетен с Трин договорились встретиться уже в Валмире, в той самой таянитовой аллее, что так приглянулась ей у дома Мюрн.

Не так далеко от этой части города находилось вполне приличное заведение, совершенно зря обделенное вниманием горожан. Но сейчас это стало только плюсом, поскольку слишком мала вероятность повстречать там знакомых. Готовил местный повар отменно, а десерты могла оценить даже самая большая привереда...

– Кристиан! – отвлек от мыслей голос Вильят.

Он унял головокружение, вдохнул поглубже и повернулся к проректору.

– Какими новостями порадуешь сегодня?

Рэйван был бледен как тень, особенно в черных одеждах. Но она здесь не ради выказывания сочувствия и должна быть тверда.

– Я не задержу тебя надолго, – заговорила Вильят, делая пару шагов от двери и останавливаясь.

– Слушаю тебя, Селма.

– Я вынуждена признать, что в последнее время здоровье мое не настолько крепко, как хотелось бы.

– Ты переутомилась. Стоит отдохнуть и поберечь себя, – нахмурился Кристиан.

В его голосе слышалось участие, и этот факт отозвался уколом где-то в груди. Вильят поджала губы, пытаясь собраться с мыслями. Сам похож на мертвеца, а проявляет заботу? Но нет. Нет. Она не поддастся. Она должна быть тверда и завершить то, зачем сюда пришла.

– Ты совершенно прав, – согласно кивнула Селма. – Пожалуй, так и поступлю. Затем и потревожила сегодня.

– Ты хочешь покинуть академию? – Кристиан посмотрел на нее с интересом, будто ожидая, что еще она могла заявить.

– Да.

Он устало улыбнулся. Так просто, что Селма вновь ощутила себя предательницей.

– Ты приняла верное решение. – Он кивнул, для большей устойчивости придерживаясь рукой за край стола. В голове все еще шумело. – Ступай, Селма. Отдохни. Посети свою семью.

– Я покину Ард завтра. На рассвете, – предупредила Вильят, делая шаг назад и берясь за дверную ручку. – Мною будет подготовлена рекомендация на замещение должности проректора. В академии есть пара прекрасных преподавателей, которые подойдут для этого.

– Благодарю, – произнес некромант, прекрасно понимая, что не воспользуется списком.

Решила, что приставит к нему шпиона? Что задумала? Ведь не просто так выбрала момент. Решилась отправить донос королю и теперь бежала с тонущего корабля? Или виной всему вчерашнее происшествие в столовой? Погодите-ка... Нет. Конечно же нет! Неужели собралась подставить его с организацией предстоящего бала? Боги... Сейчас это меньшее, что его волновало. Но не стоит расстраивать проректора и говорить об этом. Пусть едет с уверенностью, что бросила ему перчатку. Ветер ворвался в открытое окно, и Кристиан с благодарностью принял его прохладные объятия. Они освежали и наполняли бодростью, такой необходимой сейчас.

– Не стану задерживать. Я сказала все, что хотела.

– Тогда доброго пути, Селма. На тот случай, если до твоего отъезда больше не увидимся.

– Спасибо. – Она задержалась на мгновение, будто собиралась добавить нечто, но только вздохнула и вернулась в коридор, закрывая за собой дверь.

Кристиан слышал, как стихли ее шаги в коридоре. Он повернулся и посмотрел в окно. Свежо. Светло. Ему тоже пора, поскольку задышался в каменных стенах. Нужно больше пространства, больше воздуха. Нужно увидеть Трин.

Он рассеянно расстегнул пуговицу воротника, и рука скользнула ниже, к груди, касаясь медальона. Наверняка сглупил, и желудок тут же подтвердил опасения, едва не вывернувшись при переносе. Все же стоило потратить время и добраться до ворот пешком. Верно. Только пешком. Лошадь, экипаж – все равно что усесться на карусель. А так можно просто идти и дышать. Это все, что ему нужно.

Город встретил привычным оживлением. Радовали взгляд разноцветные дома, утопавшие в яркой зелени и цветниках. Кристиан прислушивался к каждому звуку, будь то скрип проезжавшего экипажа или голоса горожан. Все, лишь бы не обволакивала сознание беспокойная тьма, затуманивая его остатками вязкой паутины поглощенного проклятия.

Он миновал шумную площадь, а затем и бесконечный рынок, наконец оказываясь на одной из широких улиц Валмира. Вон она, знакомая вечноцветущая аллея, а за ней теряются дома всех возможных оттенков. Опадающие бледно-голубые лепестки таянита устилали дорогу. Будто само небо опрокинулось, наполняя воздух свежим ароматом.

Трин стояла под деревьями, подняв голову и позволяя ветру кружить вокруг нее цветочным вихрем. Лепестки оставались на распущенных волосах. Как она прекрасна! Даже в черной факультетской форме, в которой обязывали появляться в городе всех студентов. Даже в ней. Кристиан понял, что остановился, наблюдая за Трин, так и не преодолев оставшегося расстояния между ними.

Мысли кружили, как лепестки таянита. Он. Она. Что ждет их обоих? Каким станет выбранный ими путь? Чужая воля стала причиной их встречи. И желая доказать всему миру, что свободны, они открылись друг другу. И сейчас он дышал. Он чувствовал себя живым, даже несмотря на схватку с харлахом. Как и хотел Деверукс. Если верить словам Зорик, он ведь этого хотел? План деда удался. Точнее, это удалось Трин. Она вдохновляла. Была радостью. Надеждой. Светом. Сейчас это чувство стало особенно острым, и только богам известно, в чем причина. Да и не все ли равно?

- Я сдержал обещание. - Кристиан улыбнулся, когда Трин почувствовала его присутствие и обернулась.

- В прошлый раз ты обещал, что будешь гулять здесь и восторгаться окрестностями, - усмехнулась она в ответ, идя навстречу.

- Ты уверена, что хочешь это услышать, Спичка?

Глава 31

Ощувив голод в полной мере, Трин наконец позволила себе утолить его. Местный повар действительно оказался мастером, не зря это ранее отметил Кристиан. К немалой радости, удалось убедить поесть и его, походившего на привидение. Не желая расстраивать Трин, Кристиан заставил себя попробовать каждое блюдо. И удивился, что еда уняла головокружение.

Они сидели за небольшим квадратным столом, так близко друг к другу. В уютном помещении было светло и малоллюдно. Свет из окна падал на Трин и золотил ее волосы. Кристиан протянул руку и убрал пару лепестков, запутавшихся в прядях.

– Как ты чувствуешь себя? – поинтересовалась Трин, перехватывая его ладонь.

Теплая. Это успокоило ее.

– Я в порядке, – привычно заверил Кристиан. – Тебе не стоит тревожиться.

Она не поверила, но не стала спорить.

– Когда ты отправишься к Улхару?

– Мне нужно встретиться с Виром перед этим. Обсудить некоторые вопросы. Потом придется заглянуть в дом управляющего.

– Что он за человек?

– Не тот, с кем бы я предпочел вести беседы, – усмехнулся Кристиан, беря Трин за руку и сплетая их пальцы. – Скажи мне, удалось вспомнить хоть что-то за последнее время?

Она задумалась, глубокая морщина пролегла на лбу. Хотелось бы похвастаться своими успехами, но делиться практически нечем.

– Каждую ночь мне снится одна и та же колыбельная. Ее поет женщина. Этот голос мне знаком. Хочется думать, что он принадлежал моей матери. И иногда при этом я вижу, как кто-то склоняется надо мною, и надеюсь, что вот-вот увижу лицо. Но все размыто.

– Всеу свое время, Трин, – успокоил Кристиан. – Ты не должна отчаиваться. Память вернется к тебе. Либо же мы постараемся выяснить все иным путем. Будем надеяться, что встреча с Улхаром даст свой результат. Я расспрошу его о Томарине. Сейчас этой землей владеет некий Самус Элфэр. Стоит разузнать о нем.

– Я никогда не слышала это имя.

– Я тоже. Вечером буду владеть большей информацией.

– Все могло бы решиться так просто, – взволнованным шепотом произнесла Трин и прерывисто вздохнула. – Если бы только отец ответил хоть на одно мое письмо! Если бы он отозвался и поговорил со мной! Он мог бы рассказать...

– Трин! – Кристиан крепче сжал ее ладонь. – Даже если старые воспоминания не вернуть, ты не должна так переживать. У тебя вся жизнь впереди, чтоб создать новые. Те, что никто не отнимет. Знаешь, возможно, боги оберегают тебя, посылая забвение.

– Но это не так! – Она мотнула головой. – Я чувствую, что должна вспомнить. Чувствую. Это невыносимо...

– Порой помнить куда невыносимей, – горько произнес Рэйван.

– Ты повторяешь это снова. И обещал объяснить однажды, что значат эти слова.

– Верно... – Кристиан стал еще бледнее, но через силу улыбнулся, так и не выпуская ее руки. – Мои воспоминания не отпускают меня уже много лет. И так же свежи в памяти, будто все случилось вчера. Сколько раз я просил богов о забвении, Трин! Как бы я хотел стереть свою память! Но понимаю, что это непростительная слабость.

– Что же ты так желаешь забыть? – спросила она с тревогой, отвлекаясь от того, что беспокоило саму.

– Мне было тринадцать в ту пору, – решил заговорить Кристиан.

– И война с вердианцами была в самом разгаре?

– Верно, – устало кивнул он. – Харланд – приграничная земля. И уже долгое время он находился в осаде. Отец был серьезно ранен и не мог в полную силу противостоять врагу. Их оказалось слишком много. Вердианцы – стихийники огня. И Харланд полыхал. Горел. Задышался в черном дыму, который закрывал солнце, превращая день в сумерки. Замок пал. Мать...

Кристиан умолк, но казалось, что не заметил этого, продолжая говорить мысленно. Черные узоры поднимались на коже из-за воротника рубашки, выдавая его чувства.

– Мать... С нею в замке оставались женщины и дети. Мать сражалась до последнего. Она была храбра. Отчаянна. Порой даже слишком. Отец всегда говорил, что еще не родился тот, кто сможет одолеть ее в бою. Но он ошибся... Сам отец погиб на моих глазах. Закрыв собой меня. Я смотрел в глаза его убийце. Смотрел, и меня захлестнула такая ярость и ненависть! Мне казалось в тот миг, что тьма поглотит меня изнутри. Она заволокла все сознание. Ослепила. Оглушила. Лишила всех чувств, оставляя только звериное желание убить. Уничтожить. Разорвать. В тот день моя сила проснулась в полной мере. Это был сильнейший всплеск, который я когда-либо ощущал. Я убивал его. И вновь поднимал. И вновь убивал... И вновь... И все мне было мало... Не мог контролировать силу и поднял всех на поле боя. Включая собственного отца. Все эти души, глядевшие на меня через погасшие глаза. Они были повсюду... Деверукс и его люди прибыли в Харланд только спустя трое суток. Тогда дед и нашел меня в поле. После тех событий я не разговаривал несколько лет. Немного прийти в себя помогла Зорик. Да...

Видя удивление Трин, Кристиан кивнул.

– Зорик – воспитанница Деверукса. Для меня она как сестра. Хотя и не по крови. Ей пришлось изрядно повозиться со мной. Но результат... Это то, что ты видишь перед собой, Трин. Война окончена. Прошли годы. Но не проходит и ночи, чтобы мне не снился тот бой и случившееся после него. И я знаю, что должен помнить. Должен помнить, какой ценой я жив. Но порой становлюсь жалок и мечтаю забыться. Если потеря твоей памяти связана с мороком, я могу понять наложившего это заклинание. Если, конечно, с помощью запечатывания воспоминаний не пытались скрыть нечто иное.

Оглушенная его словами, Трин не могла подобрать слов, чтоб ответить. Собственные проблемы показались ничтожными. Лицо горело от переполнявших эмоций, а глаза наполнились слезами. Нет. Она не посмеет плакать. Не посмеет добавлять ему...

– Я поделился с тобой вовсе не для того, чтобы ты меня жалела, Трин, – смог улыбнуться Кристиан, заведя ее второй рукой. Ее ладони были горячими. На них золотом проступили руны, и некромант повторил узор, рисуя его большим пальцем. – Я помогу тебе всем, чем смогу. Просто не смей отчаиваться. Выше нос. Ну же...

Он улыбнулся. Так открыто, по-мальчишески, будто и не раскрыл раненую душу минуту назад. Шмыгнув носом, Трин приподняла дрожащий подбородок выше, как Кристиан и требовал.

– Еще выше, – поддразнил он. – Ты невеста самого ректора Арда. Он невероятно храбр и слишком красив. Так будь же горда этой честью.

– Ты забыл упомянуть о невероятной самоуверенности, – добавила Трин, задирая подбородок еще выше, и теперь сама еле сдерживала ответную улыбку.

– Это лишь одна из граней моего чудесного характера. А теперь изволь доесть обед, пока он окончательно не остыл. Иначе я не смогу спокойно оставить тебя и заняться Улхаром.

Яр прислонился спиной к прохладной стене, сложив руки на груди, и пытался обдумать услышанное. Стоя у приоткрытого окна, он прекрасно мог слышать разговор, оставаясь скрытым густой листвой дерева от сидевших за столом. Война... Сколько душ она искалечила? Сколько оставила сиротами? Сколько их таких – израненных? У каждого свои пожары за спиной, свои потери и пролитые слезы. Яр прекрасно понимал некроманта. И оттого хмурился сильнее, проникнувшись его речами.

Трин... Он не ошибся, хвала богам. Это действительно была она. И действительно утратила память. Поэтому не смогла узнать его. Синхелм велел навести морок, когда забрал ее? Хотел сделать покорной игрушкой? Вынудить забыть все, что было в прошлом?

Яр сильнее прижался к стене, когда дверь неподалеку открылась и на крыльцо вышли Трин и Рэйван. Пришлось дожидаться, пока отойдут подальше, и лишь потом последовать за ними. Некромант обмолвился, что собирается навестить Улхара. Что-то сегодня сам уж больно походил на мертвеца. И еле на ногах держался. Непонятное беспокойство заставило томаринца тихо выругаться. Чего ему переживать за этого наглеца? Возмнил себя подходящей парой для Трин? А она? Что нашла в нем?

– Что этот сын Смерти себе позволяет? – Яр едва не вышел на дорогу из тени раскидистого дерева,

укрывавшего его, когда Рэйвану вздумалось поцеловать Трин. – Кто давал ему права касаться ее? Проклятье... Что он делает?

Все оттого, что нет рядом ни матери, ни отца. Трин выросла. Стала привлекательной девушкой.

– Слишком привлекательной...

Глава 32

Дом управляющего, наверное, был единственным, обнесенным высокой каменной оградой. Все остальные строения не имели таковой, разделенные между собой лишь самой природой. Где ручьем, где аллеей, где простыми цветущими зарослями.

– Дождись меня, – велел Кристиан Виру, когда поднялся, приглашенный охраной, на широкое крыльцо дома.

– Да, господин. – Воин смотрел ему вслед, пока некромант не скрылся за двустворчатыми дверьми, украшенными искусной резьбой.

Сад перед домом был прекрасен и притягивал взгляд. Как и садившееся солнце над кронами деревьев, шелестевших темной листвой. Стук копыт отвлек Вира, и он повернулся, наблюдая за тем, как во двор въезжал уже знакомый экипаж. Вы только гляньте, недавняя пьяница пожаловала!

Подбежавший слуга подал руку хозяйской дочери, помогая спуститься со ступеньки. Придерживая платье, Макэль нервным жестом велела мужчине отойти в сторону и не загораживать обзор. Глянула на крыльцо, и ее вполне симпатичное лицо исказила презрительная гримаса.

– Ты! – ткнула она пальцем, указывая на Вира, опершегося на кованые перила. – Кто посмел впустить сюда этого человека?

Макэль с возмущением оглянулась.

– Госпожа, – рискнул заговорить слуга, – он прибыл со своим господином. Ваш отец ужинает с каэлем Рэйваном. Тем самым, кому мы должны быть благодарны за то, что вы целы и невредимы.

– Что? – Глаза Макэль округлились. – Этот сын Смерти – убийца! Отец выжил из ума, приглашая его в наш дом!

Подметая длинными юбками двор, Макэль решительно двинулась к крыльцу, собираясь обрушить праведный гнев на своего родителя.

– А ты! – поднимаясь по ступенькам, она снова посмотрела на невозмутимого Вира. – Жалкий приспешник! Ты не некромант. Стихийник воздуха, я полагаю. Слаб и никчем.

Макэль приблизилась к нему, смерив взглядом с головы до ног.

– Зачем же судить, не проверив? – хмыкнул воин.

Губы девушки изогнулись в холодной усмешке.

– И какова же величина твоего дара?

– Не уверен, что благородной каэли стоит задавать подобные вопросы постороннему мужчине, – широко ухмыльнулся Вир. – Но смею вас заверить, что я очень... одарен.

– Наглец! – Пощечина заалела на небритой щеке воина.

Девушка сбежала, прячась в родительском доме и оставляя Вира в одиночестве продолжать любоваться закатом. Он искренне понадеялся, что очередное представление не грозит его хозяину и Улхар приструнит дочь. Рэйван сегодня был не в состоянии слушать женские истерики.

Не в состоянии... Именно об этом подумал и Кристиан. Он едва не отгородился от истеричной Макэль щитом, чтобы тот поглотил хоть половину громкости ее визгливого голоса. Но казалось, не существовало магии, способной на это.

– Отец! – топнула ногой Макэль, стоя перед сидящими в гостинной мужчинами.

– Дорогая, – сдержанно ответил Улхар, но по дрогнувшим бокалам на небольшом столе стало ясно, что он был на грани, – ступай к себе. Если нуждаешься в чем-то, то Румия позаботится о всем. Позже я пошлю за тобой, и сможешь высказать, что тебя волнует. А сейчас оставь нас.

Последние слова были сказаны с такой ровной холодностью, что Кристиан мысленно хмыкнул. Кажется, Улхар и сам давно устал от выходок дочурки. Макэль, покрывшись багровым румянцем, вынужденно отступила, кидая последний гневный взгляд на гостя.

– Ты привел в дом убийцу! – Развернувшись, она торопливо покинула гостиную, оставляя Кристиана наедине с хозяином дома.

– Полагаю, пора задуматься о том, чтобы привести в дом будущего зятя, – вздохнул Улхар,

подкрутив пышные усы. – Я прошу простить мою дочь за эти слова. Неразумное дитя.

– Вам не стоит беспокоиться об этом, – подыграл Кристиан. – Полагаю, она все еще переживает по поводу случившегося и просто напугана.

– Пожалуй, так и есть, – изобразил уверенность Улхар, желая отвлечься от нелицеприятной ситуации. – Лошади понесли, и благодаря вашим своевременным действиям Макэль не пострадала. Я благодарен.

– Я всего лишь оказался неподалеку. Рад, что все завершилось благополучно. – Рэйван вынужденно улыбнулся, мечтая покинуть этот дом.

Горел камин, хотя и так было достаточно тепло, а теперь делалось душно. Стояли многочисленные вазы с цветами, которые, очевидно, были любимы госпожой Улхар. Их пьянящий сладкий аромат раздражал и вызывал головокружение. Хотелось полностью расстегнуть ворот рубашки и выйти на крыльцо, вдохнуть полной грудью свежего воздуха.

Улхар чувствовал себя отлично в подобной духоте, он вольготно сидел, откинувшись на спинку кресла. Легкая седина тронула виски. Некогда черные волосы его были собраны в аккуратный хвост. Располневший с годами, мощного телосложения человек. Пуговицы на его жилете держались на одном мужестве, грозясь отлететь при следующем неосторожном движении.

– С нынешней молодежью невозможно говорить. – Улхар покачал головой и потянулся за своим бокалом. Темное вино колыхнулось в нем, подсвеченное горевшим в камине огнем. – Деверуксу повезло с внуком. Вы так молоды, а уже занимаете ректорский пост. Похвально.

– Благодарю. – Кристиан рискнул пригубить вино.

В меру сладкое. Но слишком теплое.

– Чем же я могу отблагодарить вас, Рэйван? Я не привык оставаться в долгу.

– Что ж... – Некромант неспешно покрутил в пальцах бокал. – Как вы ранее отметили, на мне академия. Следовательно, и беспокойная толпа юных впечатлительных душ.

– Сочувствую. – Улхар сделал большой глоток.

Кристиан сдержанно улыбнулся.

– Иногда студенты покидают Ард и выходят в город. Это меня беспокоит как ректора. Я слышан, что в Валмире все еще проблематичная ситуация со всяким сбродом, в том числе именующим себя томаринцами.

– О да! – Бокал звякнул о блестящую поверхность стола. – Вынужден признать, что ваше беспокойство вовсе не надумано. Но ситуация под контролем. Мои люди работают над этим.

– Вы имеете в виду слухи о томаринской печати?

Улхар замер на мгновение, затем вновь потянулся за бокалом.

– Вы неплохо осведомлены, Рэйван.

– Как я уже говорил, должность обязывает.

– Задумка с печатью отлично сработала. Эти ублюдки перебьют друг друга за несуществующий артефакт и тем самым очистят город от своего присутствия. Я покончу с томаринцами. Их в Валмире осталось не так много. Единицы, полагаю.

– Я вам верю и благодарен за заботу о городе, – надеясь, что голос звучит естественно, проговорил Кристиан. – Но чем так приманивает разбойников этот Томарин? Я, признаться, совершенно не знаком с этим местом. Поделитесь своими мыслями. Это поможет понять ситуацию и успокоить воспитанников Арда. К тому же королю при следующем визите в академию будет любопытно...

– Да-да! – прокашлялся в кулак Улхар, и снова глотнул вина.

Кажется, становилось понятно, в кого удалась Макэль.

– Чтобы успокоить студентов и его величество, я скажу вам, что знаю. Да это и не тайна вовсе. Полагаю, вы не слышали об этой истории, поскольку были тогда совсем юны.

– Что же это за история? – нахмурился Кристиан, и вино в бокале потемнело, вторя его мыслям.

– Это случилось давно, – начал повествовать Улхар. – Еще не родилась моя Макэль. Больше двадцати лет назад. Тогда в Томарине хозяином был Аркел Дэнвей. Не самые лучшие владения – близость гор и сплошные леса. Но уж кому что по нраву. Аркел был достойным человеком, чего не скажешь о его сыне.

– Что же с ним не так? – Ножка бокала едва не хрустнула в пальцах, и Рэйван от греха подальше отставил его на стол.

– Мальчишка был обвинен в убийстве. Кажется, еще студентом значился, когда все случилось. Точных подробностей не знаю, не люблю копаться в грязном белье чужих семей.

– Сын был казнен? – боясь услышать ответ и разочароваться в своих предположениях, спросил Кристиан. – Или же отправлен в тюрьму?

– Вроде как до суда дело не дошло. Что-то тогда приключилось в дороге. Время-то беспокойное было. Весь конвой и задержанный, как говорили в округе, все убиты были. Тогда дело, видимо, и закрыли. Ну, раз виновный и так получил по заслугам. А на сам Томарин как будто проклятие сошло с той поры. Жаль старика Аркела. Сын у них единственный был, поздний. – Улхар допил вино и вновь наполнил свой бокал, затем опомнился и потянулся к бокалу гостя.

Кристиан отрешенно кивнул, соглашаясь, хотя не собирался дальше пить. Проклятье... Неужели его теория провалилась? Он так рассчитывал на нее. И теперь все пошло прахом.

– Смерть единственного дитя – величайшая потеря. Оттого, наверное, сердце Аркела и не выдержало. И жена его ненадолго пережила. Ушла следом... А там и война вовсю разгорелась. Разбойники обнаглели вконец. Стало их намного больше. Совсем страх потеряли! Возомнили, что томаринские леса им принадлежат. Изничтожить бы всех! – Улхар сухо прокашлялся в кулак. – Сама земля досталась в наследство Самусу Элфэру. Это племянник старой хозяйки. Да только он ни разу так и не объявился в Томарине. Бойся, что либо разбойники по его душу явятся, либо само проклятие доберется.

– Я благодарен, что поделились информацией. – Рэйван сдержал разочарование. Выходит, время потрачено впустую.

Когда же наконец смог покинуть душный дом управляющего, с большим облегчением оказался под покровом прохладной ночи. Но мысли все равно неслись жарко, не давая покоя болевшей голове.

– Как все прошло? – спросил Вир, следуя за ним по улице города. – Удалось разузнать хоть что-то?

– Я разочарован, Вир. – Кристиан устало повел плечами. – Полагаю, что слишком рассчитывал на эту встречу.

Окруженная мерцающей крошкой звезд, луна в небе светила так ярко. Отражалась в лужах, пыталась заглянуть в глаза, словно выпрашивая.

– Вы надеялись, что кто-то из Томарина может оказаться родственником госпожи Трин?

– Верно, Вир, – шумно вздохнул Рэйван. – Это было вполне логично. Все ее воспоминания связаны с Томарином. Но единственный, кто мог быть ее отцом, умер слишком молодым и слишком давно. Возраст не совпадает, Вир. Проклятье... Либо Трин должна быть гораздо старше, либо сын Дэнвея должен был стать отцом гораздо позже. Но не мог. Ибо был убит. Других детей у старого хозяина Томарина не имелось. Придется искать дальше.

– Мне очень жаль, – с участием произнес Вир. – Возможно, госпожа помнит эту землю, поскольку гостила там. Может, она знала Дэнвеев? Или их знал Синхелм и заезжал туда. Вариантов множество.

– Сейчас мне неистово хочется иссушить до последней капли Синхелма и получить все, что сокрыто в его голове! – зло проговорил Рэйван. – Добровольно он ничего не скажет...

Он не договорил, поскольку дурнота неожиданно вернулась, вынуждая ухватиться за плечо помощника.

– Что? Что такое?

– Погоди... – Кристиан исподлобья поглядел вдаль.

Туда, где чернели дома, окруженные бесформенными силуэтами садов. Тьма в груди оживилась, беспокойно клубилась у его ног, укрывая землю. И шепот... Он действительно слышал его или это просто очередной порыв ветра? Приглядевшись, Кристиан заметил, как легкая черная тень мелькнула между домами и растаяла. Пропала тень – немного отступила и слабость, только

подтверждая его опасения.

– Господин! – послышался встревоженный голос Вира.

Но остатки поглощенного ранее проклятия прокрадывались в сознание, тревожили, звали, как и едва слышный голос, звучавший в голове эхом. Несостоявшийся убийца Рэма Найрока объявился? Оставшаяся магия в его крови, чуждая и отвратительная, все еще связывала их, откликаясь. Если окончательно растает, то можно потерять след. Мальчишка будет в смертельной опасности. Некромантку, наложившую проклятие, нужно остановить, пока у него еще есть возможность.

– Нужно известить капитана Брутуса, Вир. Скажешь ему, что покушавшийся на Найрока все еще в городе и я нашел его след. Отправляйся к стражам. Приведи их. Дух укажет тебе путь. – Кристиан сотворил заклинание и едва повел рукой, как черный рисунок на ладони ожил, соскальзывая с пальцев в темное небо. Еще миг, и тень закружила вокруг воина, принимая очертания птицы.

Глава 33

След путался, прерывался. То являлся едва мерцающей призрачной нитью, то таял среди ночных улиц засыпавшего города. Мешались неразборчивые голоса в голове, не давая сосредоточиться на единственно верном, принадлежавшем беглянке. Да и бежала ли? Или заманивала, почуяв их связь?

Бесчисленные лужи блестели, словно кто рассыпал по дороге осколки звездного неба. Нарушая их гладь, Кристиан бежал вперед, разбрызгивая грязную воду. Снова шепот... Там, впереди, среди редких прохожих он заметил темный силуэт в накидке. Огибая ожидавший кого-то экипаж, Кристиан последовал за некроманткой. Почуяв его беспокойную силу, лошади занервничали, едва не вставая на дыбы. Копыта их звонко застучали по брусчатке.

Он спешил дальше. Улица, еще одна, и еще... Небольшой старый мост. Темный ручей под ним, такой тихий, будто вода в нем застыла. Где же беглянка? Кристиан притормозил и огляделся. Не самая благополучная часть города... Домишки ветхие, в ночи они казались одноцветными, серыми. Дороги сплошь земляные, после прошедших ливней превратившиеся в едва подсыхавшие потоки вязкой грязи. Где-то тревожно взывала собака. Снялась с крыши стая ночных птиц. Он слушал каждый звук, вплоть до шелеста листвы. Но в какой-то момент стало слишком тихо, оглушительно тихо. Будто напрочь утратил слух.

И тогда тьма в его крови вновь отозвалась. Тревожно, ноющей болью в груди, не давая толком дышать. Кристиан шел вперед, ведомый той, кто призывала, смешивая его силу с оставшейся своей. Он позволил, желая закончить бесконечные поиски. Стер испарину с лица рукавом рубашки и перевел дыхание. То, что увидел впереди, вынудило притормозить на мгновение, но затем все же шагнуть к высоким кованым воротам.

Старое городское кладбище. Здесь не увидишь богатых надгробий или склепов. Место упокоения бедняков да безымянные могилы, оставшиеся после войны. Ограда уже принялась ржаветь, как и ворота. Окрасила ладони ржавчиной, которая, благодаря скудному освещению луны, казалась кровью. Кристиан заставил себя толкнуть ворота.

Кладбища... Он ненавидел кладбища. Сотни душ. Большая часть которых не знала покоя и никогда не узнает. Все эти люди... Кристиан ощутил, как кинуло в жар от слабости. Картина перед глазами покачнулась, и он оперся рукой на ближайший надгробный камень. Нет. К хаосу. Он здесь лишь затем, чтобы разобраться с той, что покушалась на мальчишку. Все остальное – прочь из головы. Прочь из памяти.

– Так вот кто принял проклятие, – тихо зашелестел голос.

Ветер донес его до Кристиана, вынуждая обернуться. Женщина шла между могильных камней, касаясь их ладонями, которые покрывали ритуальные рисунки. Длинная накидка скрывала лицо незнакомки, не давая Рэйвану разглядеть ее.

– Ошибкой было остаться в городе. – Во рту противно пересохло, и голос не слушался толком.

– Ошибкой было вмешаться. – Она остановилась на свободной части кладбища.

Могильные камни за спиной казались молчаливыми духами, которые прислушивались к их странному разговору. Тьма клубилась у ног Кристиана. Осторожно стелилась по влажной земле, касалась холодных камней с грубо высеченными на них надписями. Сколько же их тут... Вон там – дети. Мал мала меньше... Видимо, всю семью земля прибрала. Дальше – бесформенный кусок камня, на нем лишь несколько полустертых рун. Тьма замерла перед ним, не смея коснуться. Захоронение послевоенное. Все разом, без имен. Такие – беспокойные, на чьих душах кровь, пусть и оправданная, их легче всего поднять. Стоит коснуться камня и сотворить заклинание. Даже его сил хватит. Но от одной мысли делалось дурно. Будто снова был не собой, а тем мальчишкой на побоище.

– Я чувствую тебя. Чувствую, как невыносимо тебе пребывание здесь. – Она провела ладонью по камню, будто приласкала зверя.

Чуяла его? Несомненно. Пусть связь эта слаба, но она позволяла некромантке считывать его эмоции. Оттого и привела сюда, зная, что на кладбище он наиболее уязвим. А Кристиан поддался, хотя знал итог. Глупо? Глупо. Но разве мог упустить ее?

Нужно потянуть время. Она ослаблена, ведь пришлось потратить немало силы на создание проклятия. Капитан Брутус – стихийник земли. Таких, как он, подобные места питают своей энергией. Вытанув ее из земли, он удержит некромантку.

– Я тоже чувствую тебя, – заговорил Кристиан. – Твою ненависть. Отчаяние. Одиночество.

Нити заклинания тьмой продолжали опутывать кладбище. Он позволит некромантке говорить, лишь бы отвлечь и закончить. Она не сможет поднять мертвецов из-за того, что их магия смешалась бы и заклинание исказится. Неудачно трансформированная печать призыва – и они сами поплатятся за это. Не станет же эта безумная женщина хоронить их обоих здесь? Или станет?

– Осуждаешь меня?! – выкрикнула она, расставляя руки и поднимая их ладонями вверх.

Порыв ветра подхватил перепачканные в грязи полы накидки женщины. Кристиан услышал тихое постукивание. словно от тех легких разрисованных палочек тонга, подвешенных на разноцветных нитях, которые продаются на каждом углу валмирского рынка. Звук усилился, ритмом вторя трепетанию тяжелой вымокшей ткани. Рэйван понял наконец, что происходило. Весь край накидки некромантки был украшен тонкими костяными шипами, которые, соприкасаясь, издавали глухой звук.

Глаза женщины затлели бледным светом, вспыхнули им и рисунки, нанесенные на кожу. Она забормотала заклинание, резко выставляя руки вперед, растопырив пальцы. Смертельным веером взмыли в воздух десятки шипов, устремляясь в сторону Кристиана.

Ответное заклинание вынудило их замереть в воздухе. Щит отвлек, позволяя закончить с плетением печати над землей.

– Что бы ты сделал с тем, кто отнял у тебя самое дорогое? – Она оскалилась безумной улыбкой и ткнула в Кристиана перепачканным в грязи пальцем. – Ты!

Глядя, как дрожали шипы, пытаясь пробиться сквозь щит, она яростно зашипела. Кристиан почувствовал дрожь в земле, и некоторые надгробные камни стали крениться. Он ощутил тошноту и противный звон в ушах. Стоять. Он должен стоять. Должен удержаться. От слабости вновь носом пошла кровь, и он резким движением отбросил ее рукавом. Силы таяли. Проклятье! Где же Вир и стражи?

– Я знаю, что ты сделал, мальчик, – бормотала некромантка. – Я знаю. Я вижу это. Тебе ведь понравилась месть? Понравилось убивать? Верно? Я лишь сделала то же самое!

– Не сравнивай нас...

Щит ослаб, поскольку Кристиан вынужден был продолжать творить заклинание, запечатывающее кладбище. Несколько шипов преодолели защиту. Один рассек скулу, второй пронзил плечо. Стиснув зубы, Кристиан вырвал костяную занозу, чувствуя, как рубашка вымокла от крови на месте раны.

– Ты пыталась убить невинное дитя! – Злость придала ему сил. – Призывая харлаха, ты могла убить многих! Таких же невинных! Заставила бы пережить их матерей подобное отчаяние?

– Что ж, сын так же нетерпелив, как и его отец. Тот тоже спешил осудить моего Стиана! Не желал и слушать, что мой сын невиновен! Найрок убил моего ребенка и поплатится за это! Я не знала, что его выродец откроет артефакт в академии. Это вышло...

– Да брось! – мрачно кинул Кристиан, уворачиваясь от летевших шипов. – Тебе плевать на тех мальчишек, что оказались бы рядом с жертвой. Подумаешь, сынки богатеев, таких же негодяев, как тот, что убил твоего сына. Ты лишь планировала, что убийство произойдет в городе и ты сможешь лично наблюдать за этим. Только и всего. Только поэтому надеялась, что Найрок откроет подарок в Валмире.

– Он виновен! Как и его отец! Виновен по крови! Если моего Стиана больше нет, то и ему не жить! Пусть прочувствует на себе, каково потерять единственное, что дорого и имеет смысл!

Надгробия вокруг вновь пришли в движение. Остро запахло сырой землей и тленом. Бледно осветилась выплетенная печать Ройхан, наконец законченная Кристианом. Она окружила обоих, дрожа и сопротивляясь силе обезумевшей женщины. Перед глазами то темнело, то вновь прояснялось. Он продержит печать еще несколько минут. И если Брутус не поторопится, то Валмиру надолго запомнится эта ночь.

– Я знаю твою боль. Но мальчишку не отдам...

Затаив дыхание, Яр осторожно обходил кругом двух некромантов. Главное, сейчас не коснуться печати. Сейчас его не почуют. Слишком много душ вокруг. А в нем ни капли силы. Темная магия искрила на старом кладбище, а неустойчиво мерцавшая печать вовсе не внушала доверия. Глупый некромант! Решил погеройствовать в таком состоянии? Выглядит так, что хоть самого в гроб заколачивай.

Проклятье... А что он здесь делал? Он – жалкий смертный, вооруженный лишь парой ножей. Хельга ведь учила, что любое кладбище – это священная земля. Здесь некроманты теряют силу. Так что же не сработало в этот раз? Подобное могло произойти, если только земля была осквернена убийством священнослужителя. Неужто кто-то постарался? Рэйван совсем слаб. Что с ним случилось? Куда девал свою силу, ведь ранее походил на демона. Не испил крови девственницы перед выходом в город?

Яр чувствовал, что взмок от волнения. Рубашка противно липла к спине. Сунуться меж двух некромантов... Он безумец. Точно безумец. Медальон жег грудь, будто не знал, что перед ним обладатели силы. Глядя на покосившиеся могильные камни, на то, как шевелилась черная земля в округе, Яр беззвучно повторял все известные молитвы. Даже то глупое защитное заклинание, которое однажды подслушал в трактире. Будто оно могло помочь простому человеку.

Ну что ж, у него будет один шанс. Только один. Сумасшедшая некромантка прикончит на месте, как только узнает о его присутствии. Поэтому промахнуться никак нельзя. Рэйван будет ему должен. Да. Если они оба выживут.

Седые космы разметались по плечам женщины, когда порыв ветра сбил капюшон накидки. Та вилась за спиной, как демонские крылья. Она вновь выкрикнула нечто, пытаясь отвлечь Рэйвана, и сотворила очередное заклинание. Некие шипы или иглы, он не мог понять в темноте, атаковали некроманта, подчиняясь силе врага.

Вот он, шанс. Она увлечена попыткой убить Рэйвана, а тот в свою очередь одержим желанием удержать щит. Яр крепче сжал привычные ножи. Ладони вспотели от волнения. Он должен. Должен суметь. Ноги вязли в грязи, и томаринец встал устойчивее, чувствуя усиливавшуюся в земле дрожь. Еще мгновение – и лезвие сверкнуло в ночи, устремляясь к своей жертве, настигая ее.

Удар пришелся в спину, вынуждая некромантку глухо вскрикнуть и пошатнуться. Она повернулась к своему неожиданному убийце, тяжело оседая и протягивая руку, на которой в последний раз вспыхнули руны. Хрипя, пыталась бормотать проклятия, но силы оставили ее, вынуждая рухнуть у холодных камней и умолкнуть.

– Томаринец... – Кристиан наконец заметил его, но умолк, так же как и Яр, чувствуя продолжавшуюся дрожь в земле.

Кажется, стражи на подходе. Понял это и Яр, быстро пряча оставшийся нож в крепление на поясе. Пора убираться. Вот уж с кем не собирался встречаться, так это со стихийником земли. В последнее время он ненавидел земляных. А капитан стражей им и являлся.

– Нужно будет поговорить, Рэйван! – кинул он на прощанье некроманту, скрываясь в ночи.

– Непременно, – отозвался Кристиан, слыша шаги прибывших стражей и взволнованный голос Вира.

– Решили, что можете делать мою работу, каэль Рэйван? – Высокий и худощавый Брутус приблизился к нему и кинул беглый взгляд на лежавшее тело убийцы.

– Что вы, Брутус. Я лишь немного увлек ее беседой, – без сил отозвался Кристиан.

– Из-за вас мне бумажек писать вдвое больше.

Видя, как пошатнулся некромант, капитан подставил плечо, поддерживая его. Затем нервно встряхнул белоснежный платок, вытащенный из кармана форменного камзола, и вручил Кристиану, чтобы тот обтер лицо от крови.

– Нож, позвольте спросить, принадлежит вам?

– Понятия не имею, откуда он здесь. – Кристиан принял платок и прижал его к раненой скуле, промакивая кровь. – Пытаясь поднять полкладбища, она просто споткнулась об него.

– Я так и думал. – Капитан кивком велел своим людям заняться телом. – Полагаю, вы тоже случайно споткнулись?

– Верно.

– Несколько раз.

– Вы просто читаете мои мысли.

– И что же делали на этом старом кладбище? – понимая, что не получит правдивый ответ, спросил Брутус.

– Так не было меня здесь.

- Показалось?
- Совершенно верно.
- Так и напишем, - вздохнул капитан.
- Верно. Зачем лишнюю бумагу переводить?

Глава 34

Чтобы воспользоваться медальоном для переноса, сил уже не осталось. Да и рад был Рэйван пройти пешком, как простой смертный. Ночь тиха и безмятежна, будто и не случилось ничего. Пересекая внутренний двор замка и направляясь по темному коридору, Кристиан поморщился и коснулся повязки на плече. Рубашка, одолженная у Брутуса, была тесна и трещала по швам при каждом движении. Придется отсылать помощника к портному за обновкой для капитана.

Весь замок спал, за исключением нескольких умаев, наводивших порядок, чтобы поутру не беспокоить обитателей Арда. Кристиан кивал тяжелой головой каждому прислужнику, отвечая на молчаливое приветствие. Кем они были, каждая неуспокоенная душа? Находясь здесь, а не скитаясь по свету бесплотными духами, они словно получали отсрочку. Возможность смирения с неизбежным, хоть малое исцеление души и шанс уйти с миром. Окруженные живыми, умаи и сами чувствовали себя таковыми. Порой даже слишком...

В одном из проходных залов Кристиан остановился. Увлеченно, не замечая постороннего присутствия, один из ардовских прислужников занимался тем, что уж никак не входило в его обязанности. И тем не менее действие это завораживало, вынуждая Кристиана не мешать и любоваться им.

Наклоня свечу и позволяя горячему воску стекать на пол, умай рисовал им. Плавно ложились линии, вторя мягким очертаниям длинных волос. Вырисовывали контур глаз и улыбки. Такой знакомой, что сердце в какой-то момент отозвалось. Наполнилось тихой теплотой и грустью.

– Ты талантлив, – проговорил Кристиан, и рука умая замерла со свечой.

Лейтон поднялся с каменного пола и обернулся, склоняя голову в приветствии. Он встал рядом с недорисованным портретом так, будто желал защитить свое творение.

– Я в порядке, – заверил Кристиан, видя, куда устремился встревоженный взгляд умая.

Алое пятно проступило через повязку, испортив рубашку. Кажется, в этот раз без помощи Зорик не обойтись. К ардовскому целителю идти совершенно не хотелось, поскольку не собирался давать повода для новых сплетен. Лейтон ни капли не поверил его заверениям и покачал головой. Силуэт его мягко мерцал, делая лицо Кристиана еще бледнее. И кто из них сейчас больше походил на восставшего мертвеца? Кажется, об этом и думал умай, когда некромант встал рядом, вновь любясь портретом. Как жаль, что нельзя сохранить его...

– Похожа... – Кристиан склонил голову набок, рассматривая нарисованное белым воском лицо своей невесты.

Лейтон печально склонил голову, повторяя движение ректора. Затем настойчивым жестом указал на его плечо.

– Да. Обещаю, что позабочусь об этом, – подчинился Кристиан. – Но сейчас скажи мне: она знает о цене вашей дружбы?

Плечи умая напряглись. Он медленно отрицательно покачал головой. Призрачный ореол вокруг умая мерцал всполохами, выдавая чувства.

– Конечно же Трин не знает. Разве может быть иначе? – Кристиан сложил руки на груди, немедленно ощутив боль в плече, и прислонился к холодной стене. Он снова посмотрел на рисунок. – В Арде с три десятка умаев. Деверукс решил, что это взаимодействие будет полезно и воспитанникам академии и неуспокоенным душам. Все прислужники в Арде были призваны дедом. Он заключил договор с каждым. При нем трое покинули академию, найдя упокоение. При мне – двое. Это прекрасный результат, Лейтон. Я должен это признать. Так уж сложилось, что я не смогу продолжить данную традицию. И каждый из вас вновь отправится в мир в тот момент, когда сердце Деверукса остановится. Но я искренне надеюсь, что каждый из умаев найдет свой путь к свету раньше, чем боги призовут моего деда. Ты был особенным для Деверукса. Поскольку по неизвестной мне причине стал беспокойным духом Арда, долгое время пугая его юных обитателей.

Лейтон неловко повел головой.

– Я не осуждаю, – устало улыбнулся Рэйван. – Деверуксу ты понравился. Он заключил договор, чтобы ты мог остаться в Арде, раз твоя мятежная душа того желала. И верил, что это для тебя шанс. Время. Возможность.

Умай кивнул, сжимая в руке подсвечник. Воск продолжал капать с него на пол, застывая восковыми слезами у ног.

- Я вижу, что свет твоей души так ярк. Осталось немного - и сможешь обрести покой. Полагаю, что во многом тому причиной дружба с Трин. Она способна зажечь даже самую темную душу.

Лейтон снова кивнул, мерцая призраком.

- Но дружба с Трин убивает тебя в некотором смысле, Лейтон. Открываясь ей, ты нарушаешь заключенный договор.

Прислужник встретился с ним взглядом. Кристиан выдержал его, продолжая говорить:

- Умай должен быть нем. Безлик. Должен служить во благо и не тревожить живых своим прошлым. Не должен раскрывать себя и являть истинный облик. Сколько из названных пунктов ты уже нарушил, Лейтон? Ведь как только нарушишь последний - исчезнешь. Вновь рискуешь стать неприкаянным духом, продолжая скитаться по свету. Мертвые не должны привязываться к живым. А живые - к мертвым. Таков порядок. Таковы правила, будь они неладны. Я не могу запретить тебе эту привязанность. Это твое право. Твой выбор. Но до конца ли осознаешь итог? Возможно, правильное уйти с миром. Ведь и Трин будет страдать, когда узнает, какова была цена этой дружбы. Она желает тебе упокоения. - Кристиан опустил руку на плечо умая. - У нее доброе сердце, друг мой. - Кристиан вздохнул и направился к лестнице.

«Доброе», - мысленно согласился с ним Лейтон. Он смотрел Кристиану вслед, пока тот поднимался по лестнице. Мальчишка... Додумается обработать рану или обратиться к целителю? Пенял ему за то, что Трин будет переживать. А сам что? Своих же слов не слышал?

Добираясь до части замка, где располагались личные комнаты преподавателей, Кристиан задержался перед нужной ему дверью. Спит ведь? И как пить дать начнет отчитывать. Ну что ж... Обреченно вздохнув, он тихо постучал. Ждать пришлось недолго. Зорик не стала даже спрашивать, кого принесло в ночной час. Распахнула дверь, окинула гостя беглым взглядом и сердито велела заходить.

- Во что ты опять ввязался? - возмутилась она, жестом указывая Кристиану на кресло. - Садись немедленно.

- Простая заноза, - попытался оправдаться Рэйван, тяжело опускаясь в предложенное кресло.

- Боги... - Зорик нахмурилась, глядя на алое пятно, украшавшее явно чужую рубашку. - Где ты взял эту одежду? Кто тебя ранил? Что случилось? От тебя разит тьмой... Чужой тьмой.

- Это рубашка капитана стражей. Он расследует дело о покушении на Найрока. Можешь просто немного... Я не хочу идти с этим к Серласу. Целитель слишком любопытен.

- А я - нет? - поджала губы Зорик. - Расстегивай рубашку.

Он послушался, открывая взгляду сестры пропитанную кровью повязку.

- Зла не хватает, - прошептала она, становясь рядом с Кристианом у кресла.

- Тебе и не должно его хватать. Ты инрэйг.

- И с верой в это ты шел сюда, Крис? - вздохнула Зорик.

- Несомненно... - Кристиан ощутил покаяние и нараставшее тепло в плече, когда сестра зашептала заклинание, положив на него ладонь.

Пальцы с нежностью коснулись и скулы, где остался порез от шипа. Кожу стянуло, запекло, вызывая желание тряхнуть головой. Но Кристиан терпел, позволяя исцелять его.

- Отдыхай, - велела Зорик. - Закрой глаза и дыши спокойно. Скоро полегчает.

- Не смей тратить больше, чем необходимо, - не поддался ее словам некромант. - Достаточно будет...

- Я сама решу, когда будет достаточно, дорогой братец! - опасно понизился голос Зорик. - Так что там с расследованием?

- Для Найрока больше нет угрозы, - уклончиво ответил Кристиан.

- А для тебя все еще есть, - пригрозила она, склоняясь к нему ниже. - Все еще есть.

- Женщина, покушавшаяся на студента, была убита этой ночью. Она мстила за своего сына, осужденного и казненного по обвинению Лоруса Найрока.

- Она ранила тебя? - Зорик ласково взъерошила его волосы.

Всегда так делала, сколько Кристиан помнил. Но сейчас не было желания ворчать или уворачиваться от этой ласки.

- Ее слова били больней, - вздохнул он. - Но главное, мальчишка в безопасности.

- Я хочу, чтобы и ты был в безопасности. Ты слаб. И вновь так рискуешь. Пора это забыть.

- Забыть что? - с удивлением посмотрел на нее Кристиан.

- Что тебе больше не для кого жить. Сейчас ведь все иначе? И тебе придется объясняться уже не мне. Не хотела бы я оказаться на твоём месте, - предупреждающе проговорила Зорик, потрепав его по небритой щеке, как ребенка.

Глава 35

Сон не шел к нему. Приведя себя наконец в порядок, Кристиан тряхнул головой, убирая с глаз влажные после душа пряди волос. Он надел чистую рубашку, застегивать не стал, пошевелил плечами, проверяя ощущения. Боль практически исчезла, и затянувшаяся рана доставляла лишь некоторый дискомфорт. Зорик не послушалась, истратила слишком много. Но выбраться из ее цепких рук было делом невозможным. Не отпустила, пока не «спасла». На скуле все же остался тонкий шрам от пореза.

Кристиан остановился у окна. Спрятав руки в карманы брюк, он смотрел на ночной двор. Тихо. Безмятежно. Только мысли метались, не давая покоя. Теперь ему есть ради кого жить. Так сказала Зорик? Теперь есть тот, благодаря кому хочется устоять на краю. Есть свет и есть тепло. Холод и мрак отступали. Втягивали свои когти. Прекращали терзать его душу, стоило подумать о той, что находилась где-то в другом конце замка. Спит? Наверняка нет. Ему хотелось, чтобы не спала. Чтобы хотела увидеть его так же сильно, как и он ее.

Медальон на груди Кристиана блеснул металлом в свете яркой луны. Он поднял руку и коснулся артефакта. Несколько печатей проявилось на полу, приходя в движение. Еще мгновение – и знакомый силуэт возник в их свечении, походя на призрак. Темные потоки волос покрывали плечи и спину, контрастируя с белоснежной ночной сорочкой. Трин была возмущена, руны проступили на руках, которые Кристиан придержал за запястья, ощущая, насколько они горячи. Тьма и пламя – странный союз. Но сейчас не хотелось рассуждать об этом.

– Ты... – Ее дыхание участилось.

– Я. – Улыбка тронула его губы.

Злилась. И оттого выглядела еще желанней. Пусть злится. Он не хотел видеть ее слез. Никогда. И никогда не хотел быть причиной их.

– Ты снова пострадал? – Трин приподнялась на цыпочки, пытаясь ближе увидеть его лицо.

– Скорее моя рубашка.

Кристиан коснулся ее губ легким поцелуем.

– Еще и шутишь?

– Я устал быть серьезным, Спичка.

Ладони Рэйвана скользнули по ее рукам вверх, опускаясь на плечи.

– Ты ведь не с управляющим подрался?

– Нет, – усмехнулся он. – Просто споткнулся. В городе темно. Дороги толком не видать. Нужно будет написать королю, чтобы сместил с должности Улхара, раз не может развесить фонари.

Трин поджала губы, которые ему вновь захотелось поцеловать. Хотелось касаться ее. Ощутить нежность кожи под пальцами и прохладу шелковых волос.

– Останешься, – тихо произнес Рэйван.

Вопрос или требование? Была ли разница? Сердце Трин учащенно забилось.

– Останусь. – Она произнесла вслух? Или мысленно?

Теперь она стояла перед ним, пытаясь скрыть смущение. В теплых отблесках свечей и горевшего камина казалась нереальной. Прекрасной... Кристиан склонил к ней голову и взял девушку за подбородок. Поцеловал, едва касаясь и будто проверяя, не собралась ли бежать прочь.

Словно читая его мысли, Трин рискнула обнять Кристиана за шею. Волосы его все еще были влажными. От него пахло так знакомо. А тепло тела обволакивало, кружило голову. Теперь сама прижалась к его губам, тем самым подтверждая молчаливое согласие. Вместо печати... Так сказал он когда-то.

Кристиан ответил, и на этот раз поцелуй был далеко не нежным, а зовущим, требовательным. И он никак не мог насытиться им. Всплеск силы, вызванный новыми, неизвестными чувствами, хлынул по венам, наполняя Трин до кончиков пальцев. Свечи вспыхнули ярче. И стихия принялась рисовать золотом по ее телу, выводя замысловатый рисунок. Превращала волосы стихийницы в огненные потоки. Кристиан окунул руки в сверкавшие пряди, рассыпавшиеся по спине Трин. Она горела солнцем в его объятиях и согревала своим светом, не причиняя боли.

- Ты прекрасна...

Он спустил с плеч бретельки ее ночной сорочки, позволяя невесомой ткани упасть к ногам. Повторяя золотой рисунок, провел кончиками пальцев по ложбинке между грудями, чувствуя биение сердца. Оно стучало так сильно, что заглушало его собственные мысли.

- Ты тоже... - прошептала Трин, отзываясь на ласку.

Она едва касалась его обнаженной груди ладонями. Будто все еще боясь ранить своей силой и обжечь. Трин сняла рубашку с Кристиана, бросая вслед за собственной сорочкой. Осмелев, неумело гладила плечи и спину жениха, любясь игрой мышц. Такой отклик еще больше разжег его желание. Кристиан смотрел на ее лицо, пылающее от избытка эмоций. Боги... Как же она прекрасна! И принадлежала ему. Только ему. Всегда.

Не сдерживая себя, Кристиан вновь целовал ее, прижимаясь всем телом, проводя ладонями по обнаженной спине, укрытой завесой длинных огненных волос. Трин обвила его шею руками, позволяя увлечь к кровати. Едва уперлась ногами в ее край, остановилась, в последний раз замирая в нерешительности. Затем, отгоняя прочь ненужные сомнения, потянулась к ремню на брюках Кристиана. Кристиан позволил освободить его от оставшейся одежды, не оставляя более преград между ними.

Не давая Трин вновь поддаться сомнениям, он увлек ее за собой на прохладную постель. Жар тела окутал Кристиана, а губы не дали сорваться словам, прерывая их поцелуем. Трин ответила, скользя ладонями по плечам и спине, порывисто глядя его. Ей казалось, что теряет связь с реальностью, погружаясь в нахлынувшую волну наслаждения. Это незнакомое чувство пугало своей бесконтрольностью, но она желала продолжения.

Кристиан что-то глухо прошептал, смешивая их прерывистые дыхания. Но слова сейчас не имели значения. Ее сила накатывала волнами, то наполняя удивительным жаром, то медленно тая. Трин водила кончиками пальцев по груди Кристиана, очерчивая проступавший на ней черный рисунок. Он был прекрасен... Удивителен... Трин прильнула к нему всем телом.

Кристиан желал ее так неудержимо, что биение собственного сердца оглушило его. Он подвел руки под ягодицы невесты и прижал ее к себе. Чувствовал, как преодолел некую преграду, которая осталась позади ощущением теплой тесноты, когда она приняла его в себя.

Трин буквально вспыхнула от новизны и силы ощущений, подаваясь к Кристиану навстречу. Россыпь тающих искр укрыла их. А взметнувшееся следом пламя танцевало вокруг постели, смешиваясь со всполохами голодной тьмы. Кристиан успокоил Трин поцелуем, не в силах остановиться. Доверяясь ему, она позволила увлечь себя в омут новых чувств. Она принадлежала ему. Только ему, растворяясь в собственной стихии и в этом чувстве.

Позже, когда страсть их утихла и Трин безмятежно уснула, Кристиан осторожно укрыл ее. Затем долго стоял, глядя на нее спящую. За что судьба дала ему этот подарок? С ней он никогда не будет знать покоя. И никогда не будет одинок. Никогда... Сейчас это слово имело совсем иной смысл. Оно не было наполнено холодом и одиночеством. С Трин все иначе. Рядом с ней ощущалось это удивительное чувство покоя и умиротворения. Наверное, это и было счастье...

Будить Трин не хотелось, но близился рассвет. Утром она захочет оказаться в своей комнате. Кристиан склонился к ней и провел тыльной стороной ладони по плечу.

- Трин...

Пришлось позвать еще раз, ожидая, пока откроет глаза. Они на мгновение сверкнули золотом, затем угасли и обрели привычный карий оттенок. Трин приподнялась на постели, подтягивая повыше край одеяла. Сорочку Кристиан оставил рядом с нею, не желая лишний раз смущать, и сделал вид, что любовался предрассветным видом на ардовский двор.

- Скоро поднимется солнце, - предупредил он, слыша, как Трин рискнула откинуть одеяло и одеться.

- Я... Я заснула. Тебе нужно было сразу разбудить меня, - послышался ее взволнованный голос.

- Для этого не было причин. Тебе нужен отдых.

- Тебе он нужен не меньше, - возразила Трин, обхватывая себя руками, и прошла босиком по комнате. - Твои раны не зажили толком.

- Ни одна из них не стоит твоего волнения, Спичка. - Кристиан повернулся к ней.

- Скажи... - Она нашла в себе мужество смотреть на него и даже вполне похвально скрыла

смущение. – Скажи, как прошла твоя встреча с Улхаром?

Приблизилась, остановилась в шаге от него, вызывая желание обнять и успокоить. Но Рэйван понимал, что сейчас ему благодарны за то, что просто ничего не предпринимал.

– К сожалению, эта встреча не принесла желанного результата.

– Улхар не знает, кем был хозяин Томарина? Или он не захотел говорить с тобой?

В комнате было прохладно, и Трин подошла к Кристиану ближе, ощущая исходившее от него тепло. Конечно же это было глупо. Разве могла и в самом деле ощущать его с такого расстояния, не прикасаясь? Но позволила себе эту наивную фантазию, действительно согреваясь под его взглядом, стоя так близко.

– Нет, управляющий был достаточно разговорчив. – Кристиан подался вперед и все же привлек к себе Трин, согревая в кольце своих рук. – Но я был разочарован. Признаюсь, что и в самом деле решил, будто кто-то из Томарина мог оказаться частью твоей настоящей семьи. Улхар, сам того не зная, опроверг это.

– Что же он сказал?

– Сейчас земля перешла в наследство Самусу Элфэру – племяннику прошлых хозяев. Но больше двадцати лет назад Томарином владел Аркел Дэнвей.

– Дэнвей? – удивилась Трин.

Глава 36

Понимая, что разговор может затянуться, Кристиан поднял ее на руки и отнес в постель, предлагая укрыться. Трин возмутилась, напоминая о его раненом плече, но никто не слушал. Устроив ее на кровати, Кристиан вернулся к окну. Сложил руки на груди, отмечая про себя, что плечо лишь заныло, но рана не открылась. Стоило в который раз сказать спасибо Зорик. И провести ее сегодня. Уже жалел, что обратился за помощью. У этой женщины отсутствовало чувство самосохранения.

Трин закуталась в одеяло и сидела, глядя на Кристиана. Хвала богам, он уже не походил на привидение. Значит, она могла хоть немного унять свое беспокойство. Хотя появилось нечто, что теперь вызывало тревогу. Дэнвей? Кристиан сказал, что Томарином ранее владели Дэнвей? Являлся ли Аркел родственником того студента, что был когда-то другом ее отца?

– Тебе знакома фамилия Дэнвеев? Ты вспомнила ее? Или где-то слышала ранее?

– Я слышала ее в Арде. Но возможно, это лишь совпадение, – предположила Трин.

– Улхар рассказал мне о несчастье, постигшем этот род. Это произошло давно, что исключает возможность твоей принадлежности к Дэнвеям. Либо есть нечто, что мне пока неизвестно. У Аркела был единственный наследник. Сын. И более двадцати лет назад он был обвинен...

– В убийстве, – договорила за него Трин. – Его обвинили в убийстве Ариса Бранта. Он был сыном королевского советника Виберта Бранта и студентом академии Арду.

– Откуда ты знаешь об этом? – пришел черед Кристиана удивляться. – Я не знал этих подробностей. Управляющий не упоминал имя жертвы и принадлежность обоих к Арду.

– Так уж вышло, что я слышала об этом от некоторых преподавателей. Мне хотелось узнать о годах учебы отца. Дэнвей был его другом. Как и Фергас. Когда они были на последнем курсе, что-то произошло в одной из смотровых башен боевого корпуса. Случился сильнейший пожар, в котором погиб Брант. Удалось узнать, что мой отец и Фергас пытались спасти его. Но у них не вышло... Так Дэнвей был осужден? Почему ты решил, что время этого происшествия исключает наше родство?

Трин не выдержала и снова поднялась, подходя к Кристиану.

– Он был слишком молод, когда умер, чтобы приходиться тебе отцом. Дэнвея убили во время конвоирования в Деспин. Не выжил никто. Ни он, ни сопровождавшая охрана. Других детей у Аркела не было. Он умер вскоре после сына, как и его супруга. Годы не совпадают, Трин. Суд так и не состоялся. Якобы после этого происшествия дело закрыли. Я могу порасспрашивать капитана Брутуса. Но во время войны в Валмире многие здания сильно пострадали, и некоторая часть ценных документов была утеряна. Хотя вдруг нам повезет?

– Прошло столько лет... – Трин обняла Кристиана, прижимаясь щекой к его груди. – Сможет ли кто-то вообще помочь в этом вопросе? Я лишь одна из многих. Столько погибло после вердианского вторжения! Столько пропало без вести...

– Будем верить. – Кристиан крепче обнял ее. – Никогда не оставляй веры, Трин. А сейчас тебе лучше вернуться в свою комнату, если не хочешь объяснять соседке, где пропадала всю ночь.

Улыбка тронула губы Кристиана, и Трин вспыхнула. Дразнил ее? Но уж точно был прав. Ивон и так стала крайне подозрительна в последнее время. И причин на то было более чем достаточно. Ведь если не пропадала у Кристиана в комнате, то по ночам продолжала брать уроки танца у Лейтона. И надо признаться, делала некоторые успехи, уже не отдавливая ноги своему молчаливому учителю.

– Мне пора, – с самым серьезным видом заявила Трин, перекидывая волосы на грудь и тем самым хоть немного прикрывая себя.

Но взгляд Кристиана говорил о том, что все ее попытки жалки. И он прекрасно помнил, что скрывалось за завесой шелковых волос и ночной сорочкой. А последовавший прощальный поцелуй лишь подтвердил эти мысли. Голова кружилась, и вовсе не от артефакта, примененного для переноса Кристианом. Она была пьяна им, не желая освобождаться от этих удивительных чар.

Оказавшись в собственной постели и с головой укрываясь одеялом, Трин все еще ощущала поцелуй. А также кое-что еще, быстро отвлекшее от романтических мыслей.

– Где тебя носило, позволь спросить? – не предвещая ничего доброго, прозвучал голос Ивон.

Подруга стянула с нее край одеяла одной из прядей собственных волос.

– Если я скажу, что хожу во сне, ты мне не поверишь, да? – Трин виновато улыбнулась.

– Даже не пытайся врать! – Ивон предупреждающе ткнула в ее сторону пальцем. – В последнее время ты постоянно куда-то пропадаешь. И если раньше я велась на твои слова, что ты уходила сама, наивно полагая, что сплю, то в этот раз ты перенеслась с помощью артефакта. Ведь не станешь отпираться, Синхелм?

Ивон поднялась с кровати, сверля Трин пристальным взглядом.

– Не стану, – сдалась она.

Ладно, однажды с враньем все равно пришлось бы покончить. Придется считать, что этот момент настал.

– Я действительно перенеслась при помощи артефакта.

Довольная, что оказалась права, Ивон прогулялась по комнате. Потом остановилась, в некоторой растерянности глядя на подругу.

– погоди, но в Арде только один такой артефакт!

– Верно, – обреченно кивнула Трин.

– И он принадлежит ректору академии.

– И это тоже верно.

– Ты украла артефакт Рэйвана? – Ивон, по ее разумению, выбрала самый правдоподобный вариант.

– Нет, конечно.

Трин поднялась с постели, понимая, что поспать все равно не удастся, а небо за окном все светлело. Скоро прозвучит сигнал подъема. Нужно переодеться и привести себя в порядок.

– Он сам использовал медальон.

– И сам переместил тебя сюда?

– Да.

– На рассвете.

– Да.

– В одной ночной сорочке...

– Да.

– Нет.

– Да! – Трин вздохнула, открывая шкаф и снимая с перекладины вешалку с формой.

– Нет... – огорошенно продолжала бормотать Ивон за ее спиной.

– Да, – усмехнулась Трин.

– Но тогда...

– Кристиан Рэйван и есть мой жених. – Трин прошла мимо подруги, направляясь в ванную комнату. – Мне очень жаль, что приходилось скрывать это и от тебя и от Талла. Но для этого были причины. Надеюсь, что ты простишь меня и поддержишь.

– Что? – Ивон испуганно развернулась к ней, припоминая все страшилки, которыми недавно делился Шагрим. – Это, это... Но он ведь некромант, Трин! Ты ведь знаешь, что они могут сделать...

– Ивон, – притормозила Трин, – ты же не серьезно сейчас?

– Прости. – Ивон принялась нервно заплетать косу. – Прости. Я немного не в себе. Да, так и есть. Ты и Рэйван. Рэйван и ты... Боги...

– Да. Для меня это тоже до сих пор кажется чем-то нереальным. Я и такой человек, как Кристиан. Многим мы будем казаться совершенно неподходящей парой. И полагаю, что каждый, кто не стеснен условностями, сочтет своим долгом сообщить мне об этом. Но я справлюсь, Ивон. Справлюсь. Потому что Кристиан Рэйван стоит того, чтобы рискнуть. Он прекрасный человек. Удивительный. У него доброе сердце.

– Кто в Арде станет спорить, что у Рэйвана доброе сердце, после всего, что произошло? – Ивон со вздохом присела на край кровати Трин. – И не смей думать, что не подходишь этому некроманту! Я просто слишком ошеломлена. Это все Шагрим. Наговорил мне всякой ерунды...

– В каком-то смысле Талл был прав.

– Что? – ахнула Ивон.

– Мне сложно говорить об этом. Но отец хотел моего союза с некромантом именно по причине дара огнетворца. Таким способом он желал избавить меня от тягот обладания силой, полагающейся лишь мужчинам.

– Трин! – Ивон поднялась с постели, приближаясь к подруге. – Как отец мог задумать лишить тебя силы?

– У меня нет иных предположений. Поскольку все претенденты, выбранные им, – некроманты. Отец не хотел, чтобы я училась. Но не мог выказать неуважение Ламону, поэтому и отправил меня в Ард. И был рад заключить союз с Кристианом, поскольку тот является ректором академии. Отец рассчитывал, что я буду отчислена вскоре, подчиняясь его воле. Но Кристиан поддержал меня. Помог поверить в себя. Стал тем подарком судьбы, который я совершенно не заслуживаю. Я принесла ему столько тревог! Но его сердце все равно открыто мне. И я чувствую то же самое.

– Я испытываю грусть и в то же время зависть... – Ивон мечтательно вздохнула. – Так вот у кого такой отличный вкус! И вот кто подарил то великолепное платье. И сладости. Теперь даже вопроса не возникает, кто откроет бал и будет танцевать первый танец с ректором.

– Не напоминай... Я все еще надеюсь, что Кристиан выберет кого-нибудь для поддержания традиции, и я не опозорюсь перед всеми.

– Точно. Ты же не умеешь танцевать. – Ивон припомнила их беседу на городском рынке. – Тогда нас ждет отличное зрелище, подруга. Этот бал точно запомнится надолго.

Глава 37

Воистину слухи правят этим миром! Учебная неделя началась именно с них, распространявшихся по академии с поразительной скоростью. Кто-то из старшекурсников показывал мятые страницы городских газет. Кто-то шептал на ухо товарищам. А кто сплетничал, не таясь, обсуждая последние новости в коридорах и аудиториях.

Но все они сходились в одном: недавно ночью ректор академии Ард в компании с капитаном городской стражи, напившись до беспамятства, пытались раскопать несколько могил на старом кладбище. Наверняка для сотворения проклятия или наведения мора. Злодейство было остановлено местными жителями, среди которых есть не смертельные, но потери. Как итог, капитан стражей Йен Брутус был уволен. А ректору, бесчестно воспользовавшемуся своими связями, как всегда, все сошло с рук.

Мнения студентов разделились. Кто-то согласился, что ради важного дела можно и кладбище перекопать. Кто-то все же мыслил трезво, полагая, что наивно верить всему написанному в каких-то газетах. Нашлись и те, кто на самом деле задумался, что же такого интересного пытались накопать ректор и стражи на городском кладбище.

Кристиан наспех провел совещание, на котором объявил о «побеге» Вильят и о том, кто временно ее заменит. Затем покинул душный зал совещаний. Мрачным демоном он шел по коридору, сминая найденную на подоконнике газету. Та обратилась в прах, просыпавшись между пальцами некроманта.

– Крис, – окликнула его Зорик, заметив, как брат направился к северному крылу замка, явно собираясь подняться на смотровую площадку. – Да стой же!

Придерживая длинную юбку, она все же догнала его, переводя дух. Кристиан позволил ей следовать за собой, сбавляя шаг. Был так зол, что даже упустил тот факт, что мог перенести их обоих с помощью медальона. Но пока шел, немного успокаивался. Оно и к лучшему. Сгоряча мог сотворить нечто, о чем, несомненно, пожалеет. Хорошо, что Зорик рядом. Это позволяло сдержаться.

Ступеньки винтовой лестницы окутала тьма. Она клубилась, принимала причудливые, пугающие очертания, ластилась к ногам Зорик. Но инрэйг бессовестно игнорировала угрозу, следя за братом, идущим впереди.

Кристиан подал ей руку, помогая подняться на площадку. Их встретил свежий и довольно сильный ветер. Он остужал, доносил голоса студентов, находившихся внизу, во внутреннем дворе, и шелест листвы с близрастущих деревьев. Кристиан оперся на каменное ограждение площадки, и Зорик присоединилась к нему.

– Ты никогда так остро не реагировал на газетные сплетни, Крис. Валмирские писаки постоянно придумывают небылицы о тебе. Уж слишком ты полюбился им. Но на этот раз ты так зол...

– На этот раз они впутали хорошего человека, Зорик. И этот хороший человек пострадал из-за меня, – сухо проговорил Рэйван. – Брутус действительно был уволен. Это не сплетни. Начальство, увы, не терпит подчиненных умнее себя. И не любит тех, кто отказывается выполнять глупые приказы. Я знаю капитана как достойного офицера и прекрасного специалиста. Того, кому можно доверять. Как и он мог доверять мне до сегодняшнего дня. Но сегодня это доверие было разрушено.

– Уверена, что капитан будет оправдан. – Зорик с участием посмотрела на него, убирая за спину волосы, которые немедленно подхватил ветер. – Эта статья – сплошная нелепица.

– Это не имеет значения. Они просто воспользовались случаем. Можно, конечно, унизиться и попытаться воздействовать через Улхара. Уж очень он пуглив становится, стоит упомянуть короля. Но...

– Ты не виноват. – Зорик коснулась его плеча. – Не терзай себя.

– Я устал. Я правда очень устал. Мне опостылела необходимость решать псевдоважные вопросы. Я ломаю голову над тем, как организовать бал, вместо того чтобы тратить время на действительно важные дела! – Рэйван кинул на сестру потемневший взгляд.

– Вильят решила напакостить тебе с балом и сбежала? Небось затаится где-то неподалеку и будет наблюдать за твоими действиями. Вот змея... Но что ты намерен делать с этим? Времени осталось не так много. Стоит признать, что она отлично разбирается в подобных делах.

– Но она не единственная, дорогая Зорик. – Кристиан опустил ладони на ограждение.

Теперь он глядел во двор, где продолжали болтать студенты, пользуясь перерывом между

занятиями. Их голоса обрывками доносил ветер.

– В Арде предостаточно «специалистов», прекрасно разбирающихся в балах и всех их тонкостях. Каждая из этих юных каэли назовет тебе и порядок танцев, и что модно в этом сезоне в столице. И где лучше заказать цветы или музыкантов. И знаешь, Зорик, за что каждая из этих юных чаровниц готова будет биться до последнего, желая превзойти подружек?

– Ты же не собираешься...

– Именно! Я собираюсь объявить конкурс на лучший план проведения бала. Победительнице будет дарована честь руководить организацией мероприятия и оформить его в соответствии с собственной задумкой. В конце концов, для кого проводятся все эти балы? Пусть не только маются выбором нового платья, но и принесут пользу академии.

– Но что скажет на это нововведение король и гости бала?

– Кто-то посмеет упрекнуть меня в том, что студенты мотивированы, активны и имеют возможность явить миру свой талант? Или считаешь, что данный конкурс кто-нибудь запретит в будущем? И лишит свое любимое чадо возможности одержать победу и потешить свое самолюбие? Эти девчушки превратятся в демониц, если хоть кто-то заговорит о том, что план провальный. Даже король не устоит перед армией обиженных женщин, Зорик.

– С этим трудно поспорить, – усмехнулась она. – Но что дальше намерен делать, Крис? Тебе еще что-то не дает покоя в последнее время.

– Ты ведь знаешь о договоре между мной и Деверуксом.

– Да, – призналась Зорик.

– Я женюсь на ней. На Трин. Хочу, чтоб ты знала. Первой.

– Я рада за тебя. – Она тепло провела ладонью по спине Кристиана. – Действительно рада.

– Я знаю.

– Так что же вынуждает тебя хмуриться?

– Поведение Синхелма весьма странно. В большей степени именно оно толкает Трин узнать о своем прошлом и о настоящих родителях. А я все больше склоняюсь к мысли, что ему есть что скрывать. Потому и избегает встречи с дочерью. Репутация героя, обретенная во время военных действий, весьма неоднозначна. И многие жертвы просто неизбежны. То, что Трин может узнать, способно причинить боль. Все обрывки воспоминаний ведут в Томарин. Я видел в них гибель мужчины, который мог быть отцом Трин. Все было в огне...

– Вердианцы – огненные стихийники.

– Как и легендарный отряд Синхелма. По рассказам местных жителей, при осаде Валмира томаринские разбойники выступили против вердианцев, поддержав королевские войска. Сейчас эти подробности старательно пытаются забыть. Но простой народ не так легко заставить молчать, верно? Синхелм и его люди тоже могли находиться среди защитников окрестностей Валмира.

– К чему ты ведешь, Крис? – разволновалась Зорик.

– Есть некоторая вероятность того, что Трин может оказаться дочерью одного из томаринских разбойников.

– Но в таком случае Ламон не позволит ей продолжить учебу в королевской академии. Из-за величины ее дара король предположил благородное происхождение девочки. Если все обстоит иначе, это поставит крест на ее учебе в Арде.

– Верно. Для того она и королевская академия, чтобы его величество мог устанавливать свои правила. Для того и предупреждаю тебя сейчас, Зорик.

– Считаешь, что я сообщу об этом Деверуксу? – изобразила обиду сестра.

– Я не осужу тебя за это. Пусть и дед будет в курсе. Я сказал свое слово, и этот брак будет заключен, кем бы Трин ни оказалась.

– Тогда и ты покинешь Ард, как ее муж, – глубоко вздохнула Зорик.

– Ты же не думаешь, что я хоть на мгновение пожалею об этом?

– А Трин? Что она думает обо всем этом? Ард для нее – прекрасная перспектива. Выпускникам королевской академии все дороги открыты. Если остановится сейчас, не станет рисковать и искать правду, то сохранит, что имеет.

– Она до сих пор называет отцом человека, который, возможно, каким-то образом причастен к гибели ее семьи. Я бы хотел ошибаться. Хотел опровергнуть все свои предположения. Но словно завяз в некой паутине. Старой, отвратительной, сплетенной много лет назад. Стоит сделать шаг в сторону, и она натягивается, не отпускает. На Трин, как и на мне, своеобразная печать Смерти, как любят называть это состояние некроманты. Я чувствовал это с первого дня нашей встречи. Она, как и я, была свидетелем гибели своей семьи. Как я могу сказать ей, что лучше будет обменять правду на возможность закончить королевскую академию? Как я смогу смотреть ей в глаза, говоря это, Зорик?

– Я была глупа, полагая, что мой брат поступил бы иначе. Верно?

– Верно, – тихо усмехнулся он.

– Будем верить, что судьба окажется справедливой к этой девочке.

– Трин заслужила это.

– Как и ты. – Зорик взяла Кристиана за руку и прислонила голову к его плечу. – Пора возвращаться?

– Да. Предстоит еще столько дел. Хочу покончить с ними до вечера. Пожалуй, выйду в город.

– Ты хочешь увидеться с Брутусом? – Зорик ловко заплела косу, поскольку ветер не собирался оставлять в покое ее волосы.

– Я не могу оставить все как есть. Нам нужно поговорить. Нужно найти выход из сложившейся ситуации.

– Крис...

– Да?

– Я ведь не прочитаю о найденном выходе в завтрашних газетах?

Глава 38

Вечер выдался свежим, ветреным. Он любил такую погоду. Лишь бы вновь не начались дожди. В городе было на удивлениелюдно. Улицы украсили бумажными фонариками, и то тут то там слышалась тихая музыка. Видимо, вновь что-то праздновали. Размышляя, где сейчас можно найти капитана, Кристиан остановился перед крыльцом одного трактира. Как-то Брутус обмолвился, что если уж и появится желание выпить, то лучше делать это здесь, подальше от центра Валмира. В заведении с вполне приличной выпивкой, которую подает трактирщик Абель.

Кристиан поднялся по крепким ступенькам, наблюдая за трепетавшими на ветру фонариками, привязанными к перилам цветной лентой. Толкнул створки входных дверей и сразу ощутил тепло помещения, приглушенно освещенного свечами. Язычки пламени дрогнули, будто приветствуя нового посетителя.

Десяток человек занимали небольшие деревянные столы, еще несколько что-то шумно обсуждали с помощником трактирщика у стойки. Обведя помещение внимательным взглядом, Кристиан к собственному удовлетворению заметил того, за кем явился. Капитан выбрал стол у окна. Конечно же предпочел бы дальний, в самом темном углу, да все уже были заняты. Приходилось довольствоваться ночной свежестью и раздражавшими занавесками, которые так и норовили дотянуться до лица, подхваченные порывами ветра. Закрывать окно было лень. Высокая кружка, опущенная Брутусом, тихо звякнула о бутылку, когда он увидел приближавшегося некроманта.

Капитан приветственно улыбнулся. Вышло криво. Предложил присесть, на что Кристиан ответил кивком. Опускаясь на свободный стул, махнул помощнику трактирщика, веля принести то же, что пил Брутус.

– Зачем вы искали меня, Рэйван? Пришли вернуть рубашку? Или сообщить о еще одном трупе на кладбище?

– Признаться честно, я подумываю о нескольких. – Кристиан потянулся к принесенной кружке, поставленной перед ним седоватым валмирцем.

Сделал большой глоток и почувствовал, как напиток обжег горло. Крепкий. После пары бутылок такого можно воплотить в реальность все фантазии валмирских газетных писак.

– Прочли статью, – усмехнулся Брутус, отпивая из кружки. – Волновались обо мне?

Непривычно было видеть его без формы. Обычно подчеркнуто аккуратный, капитан не позволял себе даже расстегнутой пуговицы на рубашке. Сейчас скомканная куртка висела, небрежно перекинута через спинку свободного стула. Короткие волосы взъерошены, как у студента боевого факультета после занятий. Манжеты на рубашке расстегнуты и криво подвернуты, демонстрируя Рэйвану несколько старых шрамов на руках.

– Волновался? Я скорее зол. – Кристиан откинулся на высокую спинку стула. – Как могли позволить увольнение? После всего, как они могли...

– Спасибо за участие. Я тронут, – снова улыбнулся офицер.

Что-то уж слишком много он улыбается сегодня. Это было еще непривычнее. Кажется, кое у кого пора отбирать бутылку. И какая уже по счету?

– Они перешли границу. Мне жаль, что впутали вас. Написавшие статью должны держать ответ за всю эту чушь.

– Вас, надеюсь, не уволили, Рэйван? Не потому ведь решили выпить в этот чудесный вечер? – Брутус снова приложился к своей кружке.

– Нет. Я был бы рад поменяться с вами местами, но – увы, – сердито ответил Кристиан. – Рубашку верну завтра. Пришлю помощника.

Боги, к чему сейчас говорить об этом? Нужно срочно решить вопрос с восстановлением в должности. Идея у него была... И после половины выпитой кружки казалась все более привлекательной.

– Уже рубашками обмениваетесь? Как очаровательно, – прозвучал рядом уж больно знакомый голос.

Кристиан повернул голову, к своему удивлению замечая Бриса Хэйла. Кажется, у многих сегодня возникло стойкое желание выпить. Маг оставил свой стол. Не спрашивая разрешения, он тяжело опустился на свободный стул рядом с Кристианом, делая очередной глоток из отбитой кружки.

– На каком кладбище сегодня копать будете? Если что, я с вами.

– Господин Брис, полагаю? – кивнул хмельной головой Йен.

– Когда на столе три кружки с дамийским вином, все господа остаются за дверью, капитан, – широко улыбнулся Хэйл.

– Что вы здесь делаете? – спросил его Кристиан.

– Радуюсь единственному за последние три недели выходному. Вижу, у каждого здесь своя «радость». Мои соболезнования, Брутус. Или все же поздравить с освобождением?

– Я пока и сам не понял. – Капитан потянулся к полупустой бутылке.

Кристиан перехватил ее раньше, отставляя в сторону.

– Вам достаточно.

– Человечка, который за всеми этими забавными статейками стоит, я знаю. – Хэйл прикончил содержимое своей кружки, присваивая бутылку, убрannую Кристианом. – Пару лет назад, еще до того, как вы королевским приказом были приговорены ректорствовать в Арде, всё обо мне небылицы сочинял. Потом на вас переключился. Я даже ревновал по первому времени.

– И что не так с этим человеком? – нахмурился Брутус.

– Зависть, мой друг. Худшее из зол, – вздохнул Хэйл.

Он потряс бутылку, наблюдая, как медленно опускаются на дно листья мелики, которые по обычаю добавлялись в вино дляпряного вкуса.

– Рожденный в семье магов, но не получивший в наследство и капли силы. Обозлен на весь мир. Искренне считает, что магия в крови дарует безусловное счастье...

Теперь вздохнули все трое, пододвигая кружки к поставленной Хэйлом бутылке.

– Зная ваш характер, я боюсь предположить, как удалось убедить писаку перестать строчить эти статейки. – Кристиан глянул в открытое окно, услышав, как кто-то тихо запел в ночи.

Хорошо пел. Душевно.

– Зная вас, Рэйван, я осмелюсь предположить, что вы собирались поступить так же. – Ухмылка Хэйла стала еще шире. – Я всего лишь воплотил в жизнь все фантазии этого смертного.

– Все? – нервно икнул капитан, неловко прикрываясь кулаком.

– Все. Все, что он описал в городских газетенках.

– Вы действительно собираетесь сделать это? – Брутус перевел взгляд на некроманта.

Уголок губ Кристиана дрогнул. Деревянная кружка почернела под пальцами, обращаясь прахом. Вино не пролилось только благодаря тому, что было испарено легким заклинанием Хэйла.

– Этот гад сменил адрес. Но я знаю новый. – Хэйл поднялся, прихватывая под мышкой бутылку. – Капитан, вам, как земляному, должно нравиться копать... Так что с вас лопата.

– На мне – сотворение проклятий и наведение мора. – Кристиан бросил на стол несколько монет и встал из-за стола.

– Не забудьте про демонический хохот, Рэйван, – напомнил Брутус строчку из статьи.

Хохот не понадобился. На свою беду, смертный писака решил прогуляться по ночному городу и приобщиться к общему празднику. И едва не сомлел, заведя явившуюся по его душу тройцу. Собрался было бежать прочь, но два голема, криво поднятых с вязкой дороги Брутусом, преградили дорогу. Плюясь грязью, они пугающе меняли безобразную форму, то растекаясь жижей, то вновь возникая.

Тянуться на кладбище было лень. Да и от одной мысли снова оказаться там желудок у Кристиана сжимался и голова шла кругом. Поэтому проводить обряд единогласно решили на заднем дворе дома самой жертвы. Там и лопата нашлась.

– Вам это так с рук не сойдет! Вы ответите за все! – испуганно причитал валмирец. – Вы хоть знаете, какие люди за мной стоят?

Хэйл тем временем сосредоточенно выжигал ритуальные знаки на крышке садового стола, использованного им как импровизированный алтарь. Писал на старогарванском. И как Кристиан

смог понять, вовсе не древние заклинания. А некие строки из похабных песен, что любят напевать подвыпившие трактирные завсегдатаи.

– Сейчас за тобой стоит лишь Смерть, – холодно зазвучал в тишине голос Кристиана.

Черный туман заполонил двор, клубился, обволакивал ледяным холодом. Словно подыгрывая некроманту, где-то в ночи взвыла собака. Что-то тихо насвистывая, Брутус задумчиво продолжал окапывать вычерченный ранее на земле круг.

– Пожалуйста... – сипло зашептал валмирец, принимаясь читать молитву.

– Ты жалок. – Кристиан прошелся вокруг него, сдерживая тьму, уже разрисовавшую его руки. – Прошлого урока было мало? Настолько глуп, что вздумал повторить?

– Господин, – пытаюсь играть, заныл валмирец. – Мне нужно кормить семью...

– Это не то, что я желаю слышать, – черным демоном возвышался над ним Кристиан.

– Боги покарают вас!

– Боги карают лживых.

– Готово! – провозгласил Хэйл, бросая дымившийся «алтарь» на перекопанную Брутусом землю. – Теперь только привязать покрепче. Чтобы сильно не дергался.

– Послушайте... Послушайте, вы же это не серьезно? Вы – благородный ректор королевской академии! Вы тот, кто ответственен за детей... Не станете же вы...

– Быстро же я облагородился, пройдя путь от жалкого пропойцы, – сухо проговорил Кристиан. – Я даю тебе последний шанс.

В ночном воздухе остро пахло свежей землей, вырванной с корнями травой да пролитым вином из разбитой бутылки.

– Ненавижу... Ненавижу всех вас! – выкрикнул валмирец, когда Хэйл толкнул его в плечо, вынуждая свалиться на алтарь.

– Вот это уже ближе к истине, – мрачно произнес Кристиан, и черный туман принялся обретать чудовишные очертания, восставая за его спиной.

– Кто велел тебе писать эту чушь? – Хэйл вытащил из крепления на поясе нож, и тот сверкнул опасным серебром.

– Девка... Девка! – засипел валмирец, когда холодное лезвие коснулось его шеи.

– Какая девка? – сквозь зубы произнес маг.

– Улхара... Дочь его... – принялся бормотать мужчина. – Сама пришла ко мне. Сама! Целую пригоршню монет отсыпала, лишь бы написал, что велено.

– Зачем? – продолжал расспрашивать Хэйл.

– Все змеей шипела, что некроманта Рэйвана... – Он кинул нервный взгляд на Кристиана. – Что его надо под суд отдать за попытку убийства! Это весь город видел. А ему все с рук сходит. Потому как под королевской защитой. А этот... – трясущимся пальцем он ткнул в Брутуса. – А этот отказался дело заводить. Она сказала, что нужно капитана приписать... Что начальство его недолюбливает, вот и избавятся, как только газету в руки возьмут. Из-за нее все! Все она, психованная Макэль! Да и кто откажет дочери управляющего?

– Ты останешься жив только в одном случае: если завтра выйдет опровержение старой статьи. И она будет последним, что ты напишешь, – сдерживая гнев, проговорил Кристиан. – Приблизись еще раз к газете – и следующее, что в ней выйдет, будет твой некролог. Или нет – объявление о розыске пропавшего. Вот только тело никогда не найдут. Некроманты, знаешь ли, обладают удивительным умением улик не оставлять. И прах твой жалкий втопчут в грязь на дороге.

Позже, бредя по опустевшей улице, Кристиан повел нывшим плечом, прижимая к нему ладонь. Рана вновь напомнила о себе. Заметив его действия, капитан с участием поинтересовался самочувствием. На что конечно же получил уверение в том, что все отлично.

– Трус напишет статью, – отозвался рядом Хэйл. – И народец кинется обсуждать новую сплетню. Но это не отменяет взвешенной на вас девицы. Что намерены делать с ней?

- Придется все же взыскать должок с Улхара, – усмехнулся Кристиан. – Он усмирит дочь. Проблемы ему не нужны. И иного выхода не останется. Особенно после выхода статьи и моего обещания написать письмо королю. Пусть управляющий поддержит весть о вашей доблести, Брутус, и о том, как героически спасли пьяного ректора из лап убийц. Так что можете далеко не прятать форму.

- Я благодарен... – Капитан попытался застегнуть пуговицу на воротнике мятой рубашки, огорчаясь, что та оказалась оторванной. Выпитое вино вызвало приступ сентиментальности, и он дружески хлопнул некроманта по плечу, забыв о ране. – Я правда благодарен...

Кристиан стиснул зубы, стараясь не показать боль.

- Я вам верю.

- Но почему вы не опровергли написанное о вас? – возмутился товарищ. – Неужели вас не волнует, что это прочитает весь город?

- Тут личный вопрос, – усмехнулся некромант.

К хаосу город! Главное, что эту чушь прочитает единственный человек. Скрежещи зубами, дорогая Вильят.

Глава 39

Гадать о возрасте каэли Деллы Орлаг было делом бесполезным. Безусловно, она принадлежала к тому редкому виду счастливиц, чьи года останавливаются на рубеже спелой молодости и замирают, будто боясь испортить идеальный картинный образ. Маг воздуха, она и вправду, казалось, парила, едва касаясь ногами земли. Легкость и изящество ощущались в каждом движении, каждом жесте.

Светло-голубые одежды гостьи чудесно сочетались с серебристыми волосами, уложенными своеобразной короной. Оставляя цветочный шлейф духов, Орлаг неспешно шла по коридору академии в сопровождении Кристиана. Слыша восторженный шепот и чувствуя восхищенные взгляды, Делла удостоила счастливиц лишь легкой полуулыбкой. Она была богиней, которой поклонялись, словно великой Лейне. И наверняка сама не раз грешила тем, что сравнивала себя с божественной покровительницей любви и красоты.

Глядя на нее, Трин прекрасно понимала, чем эта женщина так привлекала Ламона. Они похожи. И по ее скромному мнению, одинаково самонадеянны. Кристиан был, как всегда, сдержан, кратко отвечая на вопросы Орлаг. Поднимаясь по лестнице, гостья вздумала взять ректора под руку, свободной рукой придерживая подол платья. Обязательно хвататься за ее жениха? Иначе никак? Послышался тихий предупреждающий рык, и, честное слово, было мгновение, когда Трин решила, будто сама издала его. Но это лишь объявившийся Зиль поддержал хозяйку, устроившись у ее ног.

– Полностью с тобой согласна. – Трин проводила взглядом Кристиана и гостью Арда, прижимая к груди стопку книг.

Запастья ныли от вчерашней тренировки, и спать хотелось нестерпимо. А все потому, что в отместку за испорченное занятие Хэйлу пришла в голову великолепная идея. Маг устроил им встречу рассвета в виде пробежки по всему периметру территории боевого корпуса, причем задолго до подъема. В грязи они были по самые уши, пришлось даже волосы отмывать. Не стоило припоминать, как поскользнулся в еще не просохшей грязи Димер. Особенно хотелось забыть произнесенную им речь, когда пытался подняться.

Глядя на шелковый невесомый подол платья каэли Орлаг, Трин обреченно вздохнула. Нет, весь этот блеск и изящество находились по другую сторону реальности. Так далеко от нее. Невыразимо далеко. Спутанная коса, оторванные пуговицы на рукаве и несмываемый запах гари – вот ее привычное очарование. Сколько раз пожалеет Кристиан, если заставит ее явиться на бал?

Хороша невеста... «Странная девочка», как любит выражаться Зорик. Странная девочка с провалами в памяти, болтающая по ночам с мертвецом. Теперь еще и берущая у него уроки танцев. Трин улыбнулась, понимая, что ожидала прихода ночи. Подумаешь, великая танцовщица... У нее был самый лучший учитель. Тот, кто не станет смотреть свысока и не закидает упреками. Рядом с Лейтоном можно не притворяться. Улыбка Трин сменилась тяжелым вздохом. Однажды умай покинет академию навсегда. Навсегда покинет этот мир, где по каким-то печальным причинам задержался, словно пленник. Однажды они простятся навсегда. Сердце сжалось от тоски.

Знакомый тихий стук заставил обернуться. Надежда не оправдалась. Подошедший умай оказался вовсе не Лейтоном. Прислужник молча склонил голову, охваченный призрачным сиянием. Эта душа тоже скоро найдет покой... Трин с удивлением приняла простой конверт, принесенный умаем. Развернула его и, узнав почерк, ощутила, как сердце гулко застучало.

– Спасибо!

Трин на ходу поблагодарила прислужника, торопливо пробираясь сквозь толпу по коридору. Дыхание сбивалось, когда бежала к лестнице, собираясь спуститься в огромный зал. Здесь малолюдно. Зазвеневший где-то у высокого потолка сигнал колокольчика разогнал по аудиториям воспитанников Арда. Трин же собиралась пропустить оставшиеся занятия, и причина была для нее более чем важной. Толкнув двустворчатые двери, тяжело поддавшиеся ее уставшим рукам, Трин оказалась на крыльце.

Гость ожидал в парке, расположенном рядом с замком. День сегодня выдался пасмурным и душным. Даже ветер был теплым, шелестя яркой листвой деревьев. Трин торопливо шла по дорожке, минуя белоснежные скульптуры. Застывшие фигуры четко выделялись на фоне буйной зелени. Дальше за парком виднелась часть леса, где когда-то проходила королевская охота. Хэйл как-то упоминал о своем желании устроить для них небольшие испытания в этом лесу. Но сейчас Трин не хотелось ни вспоминать об этом, ни тревожиться по поводу предстоящих занятий.

Вот он... Знакомая высокая фигура, широкие плечи, как всегда немного сутулый, когда устанет, но пытается скрыть это. Ветер треплет светлые волосы, не давая толкового обзора. Но воин стоял, задумавшись, не пытаясь убрать их с глаз. Конечно же, услышав ее шаги, мужчина повернулся, блеснула рукоять меча в ножнах. Трин улыбнулась, расчувствовавшись. Она помнила каждую царапину на этой рукояти. И легкие морщинки в уголках голубых глаз мага, когда он щурился или

улыбался.

– Соран, – прошептала Трин.

Не останавливаясь, она подбежала к своему стражу и крепко обняла, прижимаясь головой к груди воина.

– Госпожа...

Смущенный воин, чувствуя не меньшую радость от встречи, осторожно рискнул в ответ обнять ее за плечи, буквально на мгновение. И тактично отстранился, склоняя голову в подобающем приветствии.

– Я так рада тебе! – с трудом справляясь с эмоциями, проговорила Трин.

Она неосознанно сжимала и разжимала кулаки, что не осталось незамеченным стражем. Он мог похвастаться, что отлично знал все привычки хозяйки, как и этот жест. Соран мог себе представить, что творилось в душе подопечной после того, как открылась горькая правда. Он спешил. Так спешил добраться сюда, что едва не загнал коня.

Чувствуя волнение хозяйки, Зиль объявился позади нее, хрипло зарывчав, и принялся нервно бить длинным хвостом по дороге. Соран настороженно посмотрел на фамильяра, а потом перевел взгляд на его хозяйку.

– Это Зиль, – представила Трин марага. – Подарок.

– Я рад, что есть кто-то заботящийся о вас.

Она уловила нотку ревности в словах стража. Что ж, Соран многие годы отвечал за нее.

– Я доверяю ему. Он достойный человек, – уверила Трин. – Нам стоит пройтись. Боюсь, что не смогу устоять на месте.

Соглашаясь, воин последовал за хозяйкой, неспешно шагая по притихшему парку. Небо над головой грозное. Парило... Птицы прислушивались к тихому шепоту природы, носимому теплым ветром. Быть дождю? Или все же распогодится? Хватит с этой земли прошедшего сезона дождей.

– Хорошо ли вы спите, госпожа? – поинтересовался страж. – Не забываете поесть? И вовремя обратиться к замковому целителю, если поранились, не забываете?

– Я помню, Соран, – с теплом отозвалась Трин. – Помню каждое твое наставление. Все, чему учил. И я благодарна твоей настойчивости, поскольку полученные знания не раз меня выручали.

Они все брели, не заметив, как умолкли. Великолепные статуи наблюдали за живыми. За тем, как металась их мысли, как они пытались произнести слова, что непременно ранят, но которые необходимо сказать. Соран силился не хмуриться, приказав себе поддерживать хозяйку показным спокойствием. Но выходило все хуже, и он мрачнел, как тревожное небо над их головами.

Зиль беспокойной тьмой шел следом, увеличившись так, что доходил головой едва не до пояса Трин. Впитывая эмоции хозяйки, он наблюдал за нею горящим взглядом, бесшумно ступая мощными лапами по камням.

– Говори, Соран. – Трин первой не выдержала гнетущего молчания. – Говори как есть.

– Мне искренне жаль, что я не был рядом, когда правда открылась вам, госпожа. И мне жаль, что открылась она таким печальным образом.

– Как давно ты знал эту правду? – Она остановилась, вынуждая и стража встать рядом.

– Всегда, – опустил голову маг.

– Вот как, – горько прошептала Трин. – Сколько еще неизвестно мне, Соран? Кому мне теперь верить?

– Я не мог открыться вам раньше, госпожа. И предпочел бы, чтобы никогда не знали об этом. Но недавно я получил письмо от вашего отца. В нем он поведал о сложившейся ситуации.

– Он писал тебе?

Обида жгучей волной накрыла Трин, болью отзываясь где-то в груди. Отец написал даже стражу! Но проигнорировал все письма, все до одного, что отсылала она. Ни одной строчки с тех пор, как покинула Беренгард.

- Из этого письма я узнал, что́ произошло во время визита короля в академию, - понимая чувства хозяйки, сказал Соран.

- Что же еще писал отец?

- Что вам следует... смириться со своею судьбой.

- Ничего нового, верно, Соран? После всего, что было, это единственное, что я заслужила услышать?

- Госпожа...

- Я чувствую это. Я знаю. Знаю, что больше не вернусь в Беренгард. Именно это и хотел сказать Фемир Синхелм, - ровным голосом проговорила Трин. - И ты тоже знаешь это, Соран. Он ведь не требовал от тебя приезжать в Валмир. Это тебе писал о том, что меня ждет лишь смирение и иного не дано. Ты сам приехал. Проститься. Верно?

- Вы всегда...

- Я знаю. - Она коснулась его рукава. - И всегда буду это помнить. А сейчас прошу твоей помощи. Это последнее, о чем прошу. Помоги понять, кто я, Соран. Расскажи мне все, что ты знаешь о том, как я появилась в Беренгарде. О том, как меня нашли.

Глава 40

Он решился. Говорил долго, прерываясь, чтобы подобрать для хозяйки слова, менее ранящие ее. Трин не перебивала. Шла рядом, глядя на дорогу да на пыльные носки своих ботинок. Слушала, и словно сама вновь оказывалась в тех прошедших днях, объятых пожарами, пропитанных дымом и горечью потерь.

– Юная госпожа была слаба здоровьем с рождения. Казалось, что боги никак не могли решить: оставить ее на этой тревожной земле или укрыть в объятиях великой Лейны. Она долго болела в последний год своей жизни. И однажды настал тот день, когда она смогла освободиться. Когда ее не стало... Разум госпожи Нерайн не выдержал этого горя. Она не могла совладать с собой. Хозяин велел оставить при ней двух самых верных служанок, а всех остальных убрал из замка. Время шло, но госпоже становилось только хуже. Мне казалось, что она уже никогда не придет в себя. Не узнавала ничего и никого вокруг.

Они остановились под огромным деревом и, словно договорившись, прислонились спинами к его стволу. Соран сложил руки на груди и глядел на густую траву у своих ног, где яркими синими пятнами цвел дикий самхель. Он заговорил снова, и Трин была благодарна стражу за то, что избавил от необходимости смотреть в глаза, слушая его.

Ладони ее ощущали сухую шершавую кору, будто покрытую старыми шрамами. Будто ее собственная душа. Она прижалась к дереву сильнее, и тяжелые ветви так символично покачивались по сторонам от нее. Как руки, что отгоняли невидимого врага, того, которого никак не могла разглядеть в своей памяти.

– Битва под Валмиром была решающей в тот год. Именно благодаря одержанной победе мы смогли оттеснить врага к границам королевства. Надежда наполняла наши сердца. Мы верили, что окончание войны близко. Что победим... Королевские войска подступали со стороны окрестных лесов. Это дало нам большое преимущество. Особенно после неожиданного присоединения тех, кто звал себя томаринскими разбойниками. Мало кто из них обладал магией. Но и без нее они устрашали словно призраки, являясь среди леса.

Своего предводителя они звали Брозом – бессмертным. Так называлась местная птица, которой приписывали это качество. Вроде как и огонь ее не берет. Возрождается, сколько ни пытайся убить. Томаринцы эту птицу рисовали на теле, как знак принадлежности к разбойничьему клану. Броз был единственным среди разбойников – стихийником огня. Сильным, надо признать.

Конечно, и речи быть не могло о том, чтобы полностью доверять друг другу. Это было некое зыбкое временное перемирие или союз, объединивший нас перед общим врагом. Но я все же был склонен верить, что дрались томаринцы с честью, не уступая нашим воинам. Хотя и прятали свои лица за масками, по понятной причине.

Но под конец нечто изменилось. Нам объявили, что едва враг стал отступать, как разбойничий клан прервал перемирие и атаковал королевские войска на территории леса. Все горело... Небо было черно от дыма. Я не возьмусь сказать, сколько томаринцев пали в том бою. Как и до сих пор не могу понять причины их предательства. Мы не собирались нарушать перемирие. И вскоре покинули бы эти земли. В ту пору не до разбойников было. Да и разумно ли выступать против отряда огнетворцев, который тогда числился в подчинении хозяина? Многие томаринцы были убиты...

Упомянуть хозяйке тот факт, что в разбойничьем клане находились и женщины, и дети, Соран не решился. Как и никогда не признался бы Синхелму, что нарушил его приказ, спасая одного из лесных мальчишек. Жив ли он сейчас? Смог ли выбраться из горящего леса? Рана была достаточно серьезна. Как его звали? Яр, кажется...

– Вы были дочерью кого-то из томаринцев, полагаю. Я не присутствовал при гибели ваших настоящих родителей. Но когда хозяин вернулся в лагерь и привез вас, то назвал сиротой. Я помню, как принимал вас из его рук. Казалось, что тельце в моих руках не весило ничего... В ту пору вы походили на госпожу Нерайн. Так же молчали, и память оставила вас. Хозяин приказал взять вас с собой в Беренгард. По возвращении велел звать Вандой. Кто посмел бы ослушаться? Все прекрасно поняли, чего желал Синхелм. И сделали вид, что так и должно быть.

Служанки отмыли вас, вплели в косы любимые ленты покойной госпожи и надели ее платье. А затем отвели к хозяйке... Слабость рассудка не позволила бедняжке распознать подмену. Опасаясь, что память могла к вам вернуться, решено было использовать морок. Нерайн словно ожила в те дни. Снова заговорила, снова смеялась. Не отпускала вас от себя ни на минуту. Тогда мне действительно хотелось оправдать поступок хозяина...

– Но однажды Нерайн поняла, что я – фальшивка, верно? – Трин не узнавала свой голос.

– Да.

Зиль устроился рядом с хозяйкой под деревом. Ткнулся головой в ногу, выражая поддержку. Трин провела ладонью по прохладной призрачной шерсти, чувствуя, как стихает дрожь в пальцах. Будто фамилляр и в самом деле мог поглотить хоть каплю ее печали. Соран некоторое время молчал. Трин прекрасно понимала, что страж снова пытается решить, что именно сказать, чтобы не ранить ее.

Воин шумно вздохнул, и часть ствола за его спиной покрылась инеем, как и листья над головой. Листья сверкали теперь на солнце, иней и не собирался таять. Что сказать ей? Что? Тогда девочка только стала привыкать к хозяйке. Доверилась ей. Приняла ее как мать. Отогрелась сама и уже считала Беренгард своим домом. И зачем боги даровали Нерайн ясность памяти в тот день?

Она словно обезумела... Металась по замку, причитала, грозилась спалить все дотла. Что едва и не удалось, благо его силы хватило, чтоб остановить огонь в северном крыле замка. А чужое дитя проклинала, требуя немедленно избавиться от него. И вот казалось, что к вечеру притихла, вновь вернулась к прежнему состоянию. Думал так и Синхелм. Но той же ночью Нерайн бросилась из окна, стоило служанке заснуть.

Когда жена покинула этот мир, Синхелм практически не возвращался в Беренгард. Наведывался лишь иногда, и то старался не задерживаться подолгу. Видимо, слишком тяжелы были воспоминания. А дитя вновь пришлось лишить памяти, наведя морок. Это стало меньшим злом, по мнению Сорана. Пусть заклинания так оплели разум девочки, что грозили навсегда лишить воспоминаний и возможности вернуть их. Но она жила в счастливом неведении все эти годы, будучи любима. Пусть только им, насколько это мог позволить себе страж. Несчастное дитя...

- Потрясение было слишком сильным для госпожи Нерайн. Сердце ее не выдержало, - сдержанно проговорил Соран, опуская горькие подробности. К чему они, спустя столько лет? - Ее не стало. Хозяин слишком дорожил ею, вот и не женился второй раз. Вы остались в Беренгарде как его дочь.

Страж замолчал. Не решалась и Трин произнести хоть слово. Подняла голову, наблюдая за тем, как сверкало над нею дерево, укрытое инеем вопреки душному дню. Прохлада окутывала ее, стирая уже проступавшие на ладонях руны. И Трин сильнее прижималась к стволу, вбирая в себя такой необходимый холод. Понимала, что таким образом Соран прощался, обнимая ее своей успокаивающей стихией. Прощался, сказав напоследок, что и сам не собирался более возвращаться в Беренгард. Вернется к своему клану...

Когда же проводила гостя, Трин не вернулась на оставшиеся занятия. Хэйл непременно накажет за прогул. Но сейчас меньше всего хотелось находиться среди толпы. Трин постаралась остаться незамеченной, когда отправилась в ту часть замка, где студентам находиться не полагалось. Ей нужна одна-единственная комната. И сейчас знала, что дверь, как всегда, не заперта. Кристиан находился где-то на территории академии. Трин бесшумно вошла в его комнату. Тихо. Спокойно. Прекрасно...

Почуввав знакомую территорию, Зиль объявился у кресла. Улегся и наблюдал за действиями хозяйки. Трин устало прошлась по ковру. Прикоснулась к рубашке, оставленной Кристианом на спинке кресла. Провела ладонью по столу, где лежали стопкой некие бумаги. Ведь совсем недавно и он касался этой гладкой деревянной поверхности. Казалось, все в этой комнате хранило его тепло.

Приблизившись к застеленной кровати, Трин разулась и без сил опустилась на постель. Пыталась упорядочить метавшиеся мысли. Не выходило. Пришлось оставить бесполезное занятие, ощущая, как клонило ко сну. Сопротивляться сил не хватило, потому и задремала, немного успокоившись.

Так Кристиан и нашел ее, свернувшуюся клубочком на постели, всхлипывающую во сне. О приезде Сорана уже знал, предполагая, что визит стража мог расстроить Трин. Плохие вести из Беренгарда? Или Соран привез письмо от Синхелма? Уже стемнело. Наверняка пропустила не только ужин, но и обед. Нужно будет распорядиться, чтобы подали еду на двоих в его комнату.

Кристиан сел на край постели и протянул руку, проведя тыльной стороной ладони по щеке Трин. Она хмурилась во сне. Пальцем попытался разгладить морщинку на лбу. Трин прерывисто вздохнула и приоткрыла глаза, просыпаясь.

- Какое грубое нарушение устава академии, - шутя, пожурил Рэйван. - Проникновение студентки в личную комнату самого ректора. Так недолго и до исключения, каэли.

- Прости.

- Простым «прости» не отделаешься, Спичка.

- Кристиан...

- Да?

- Меня навестил Соран. Приезжал попрощаться.

– Я знаю, – мягко ответил он, опускаясь рядом на постель.

Заложив руки за голову, понял, что зря. Плечо немедленно заныло. Но так и остался лежать, не собираясь показывать свое истинное состояние. Трин устроила голову на его груди, тем самым вынуждая не тревожить рану и разнять руки. Кристиан принялся гладить ее по спине, успокаивая.

– Соран рассказал о том, как я появилась в Беренгарде, – заговорила Трин. – О том, как меня подобрали в томаринском лесу во время войны, когда был практически разгромлен разбойничий клан. Кристиан...

– Я слушаю тебя, – понимая, что его предположения оказались верны, отозвался он.

– Я дочь разбойника.

– И что?

– Как – что? Твоя невеста – дочь разбойника, – снова взволнованно повторила Трин.

Неужели опять сделает вид, что она не сказала ничего существенного?

– Не каждый может похвастаться подобным. Верно? Я всегда знал, что ты уникальна.

– Это ты уникален. Нет второго такого. За что боги послали мне такой дар?

– Я некромант. Не думаю, что тут есть нечто божественное.

– В тебе светлого больше, чем в любом инрэйге, Кристиан Рэйван.

– Ты можешь продолжать льстить мне, но за ужином, – улыбнулся Кристиан. – А завтра... Просто давай сделаем это. Только ты и я.

Глава 41

День был тихим. Удивительно тихим. И вовсе не потому, что исчезли все звуки или город опустел. А просто было в нем нечто такое, чего она не замечала прежде. Тот же ветер наклонял ветви деревьев. Те же белые облака, меняя причудливую форму, неслись по синему небу. Голоса горожан, звон, стук, смех... Свежий утренний воздух был наполнен ими. Но словно исчезла некая мятежность, была забыта тревога и отброшены сомнения. Им не место в сегодняшнем дне. Есть лишь безграничное доверие, которое Трин чувствовала, и распахнутая настежь душа, сорвавшая с себя все мыслимые щиты. Ее рука в его руке, и последний шаг по священной земле, пусть и лишившей на время силы, но даровавшей нечто бесценное.

Зиль остался у ворот храма, не имея возможности пересечь их. И теперь величественным стражем охранял священную обитель. Выглядело довольно странно, учитывая, что мараг являлся порождением тьмы. Сидел гордо, сверкая глазами, и был преисполнен важности, поскольку от него и только от него зависела жизнь хозяев. А разве может быть иначе? И бывшего хозяина, превратившегося по каким-то глупым причинам в смертного слабачку. И хозяйки. Хозяйка, как всегда, хороша. Сегодня даже особенно как-то. Только нервно подрагивавший хвост выдавал возмущение фамильяра. Еще бы. Затевалось что-то интересное, и без него.

Храм Бевана служил обителью света и поклонения богам для простых горожан. Принимал и каждого, чья душа просила покаяния или успокоения. Трин остановилась рядом с Кристианом у порога. Створки дверей храма были открыты настежь. Высокие витражные окна наполняли старое здание разноцветными бликами, смешивая все возможные оттенки, игравшие на стенах. Трин смогла разглядеть часть круглого каменного алтаря, установленного в центре просторного помещения, и мелькнувшую тень. Видимо, служитель храма заканчивал приготовления, чтобы принять тех, кто решил соединить свои руки и принести брачные клятвы.

Трин впервые видела Кристиана в светлых одеждах. И ей нравился этот образ. Нравилось, как он сейчас смотрел на нее. Да. С восхищением. Так, будто она была самой прекрасной в этот день. И Трин верила в это, читая все невысказанное в серых глазах.

Ее платье, приобретенное у местной портнихи, оказалось чуть великовато. Простое, но имевшее свое очарование, чем и привлекло внимание Трин. Ветер подхватывал концы лент, которыми были перехвачены рукава. Шитье из бледно-розовых цветов украшало длинный подол и квадратный вырез платья. Похожие цветы сейчас венком лежали и на ее голове. Волосы Трин оставила распущенными, длинные пряди укрыли спину и плечи. Кристиан коснулся ее волос, провел по ним ладонью, улыбнулся так просто и открыто, будто они были сбежавшими подростками, которые втайне решились на запретный брак.

Трин улыбнулась в ответ. Как переменчива жизнь! Когда-то она заявила, что скорее небо рухнет, чем позволит Кристиану прикоснуться к ней. Сейчас же надеялась, что он никогда не отпустит ее руки.

Помощник служителя встретил их на ступенях. Неспешно склонил голову, приветствуя и приглашая подниматься. Кристиан с нежностью коснулся губами руки Трин, которую по-прежнему удерживал. Тихо проговорил что-то подбадривающее и провел ее внутрь храма. Убранство его было простым. Солнце проникало через высокие узкие окна, разрисовывая разноцветными пятнами стены и потолок. Служитель Арун, в праздничных светлых одеяниях, стоял у высокого каменного алтаря, ожидая, пока жених и невеста подойдут.

Когда же последние шаги были сделаны, Трин почувствовала, как крепче сжал ее руку Кристиан, молча поддерживая. Служитель начал свой ритуал. Хоть и был он простым, но наполнял ощущением священности происходящего. Арун тихим голосом читал молитвы на древнем, неизвестном Трин языке. Он поднимал раскрытые ладони к разрисованному куполу храма, и тогда солнце освещало его лицо, делая похожим на статую. Склонял голову – и речь его делалась монотоннее, тише, переходя на шепот.

После чтения молитв служитель храма обратился к Кристиану, спрашивая, добровольно ли его желание стать супругом стоящей рядом женщины. Задал тот же вопрос и Трин. Затем им следовало подтвердить перед алтарем нерушимость своего союза. Арун продолжил обряд, испрашивая у богов совершенную любовь, твердую веру, единомыслие и чадородие для жениха и невесты. По окончании ритуала служитель начертал белой краской на ладонях Трин и Кристиана церемониальные печати и соединил руки теперь уже мужа и жены. Помощник Аруна повязал на соединенных руках ленты, символизирующие единство душ.

Рэйван и Трин повернулись друг к другу. Губы ее тронула легкая улыбка, когда муж склонил к ней голову, чтобы коснуться поцелуем. Оба чувствовали, как горячим золотом вспыхивали брачные печати на груди, у самого сердца. Нерушимая магия, говорившая о том, что они неразделимы. Одно сердце на двоих. Одна душа на двоих. И никакая сила не отнимет этого.

Она – Трин Рэйван. А он – ее семья. Даже если не удастся восстановить ее воспоминания и если все, что было, стерлось навеки. У них впереди вся жизнь, чтобы наполнить память новыми моментами. Тем, что никогда не исчезнет и останется с ними до последнего дня.

Сидя на широкой ветке дерева, укрытый от посторонних взглядов густой листвой, Яр наблюдал за происходящим у храма. Под деревом, прислонившись к стволу, стояла Хельга.

– Она прекрасна сегодня. – Разбойник вздохнул, глядя, как Трин спускалась по ступеням в сопровождении того, кто теперь был ее законным мужем.

– Согласна, – усмехнулась внизу Хельга.

– Ему повезло, этому некроманту. Он должен знать, насколько ему повезло.

– Думаю, что он в курсе, – проворчала инрэйг.

– Должен помнить об этом каждый день. Каждую минуту...

– Да-да.

– И молиться всем богам за такой дар.

– Он будет, – кивнула Хельга. – Ну а ты?

– Я? – Яр заставил себя отвести взгляд от счастливой новобрачной и посмотреть на подругу.

– Ты ведь хотел поговорить с некромантом. Хотел рассказать все Трин.

– Да. Я хотел. Но не сегодня. Сегодня Трин так счастлива. Разве я могу открыть все в такой день? Он должен запомниться, как самый светлый момент, наполненный любовью и верой. Мы ждали столько лет. Ничего, если подождем еще немного. Так что не сегодня, Хельга.

Яр спрыгнул на землю, остановившись возле подруги. Поправил куртку и накинул на голову капюшон.

– Скоро настоящий день рождения Трин. Скоро зацветут яльмары. Она должна это увидеть. Может, боги даруют ей память. Хоть каплю тех светлых воспоминаний, что были пережиты много лет назад. А если нет, то поделюсь своими. Расскажу, как она была любима отцом и матерью. Расскажу, как они сражались до последнего вздоха, чтобы защитить ее и Томарин. Пусть и после смерти, но для нее Броз снимет свою маску. Откроет истинное имя. Восстанет из пепла забвения, как подобает смелой птице. И Трин лучшее тому доказательство. Она расправит свои крылья вместо него. К радости отца и матери, что сейчас смотрят с небес на свою прекрасную дочь. Она должна знать, что никогда не была брошена. Никогда не была забыта. Никогда не была одинока.

Глава 42

Пожалеть о том, что не запирает свой кабинет, Кристиан успел неоднократно. Особенно злился сейчас смех Зорик, которая решила заглянуть к нему и теперь потешалась от души.

– Ты не подумал о последствиях своего решения, верно, Крис? – снова хохотнула интрэйг, но заставила себя сдержаться под грозным взглядом брата.

Пропади он пропадом, этот конкурс... Поскольку ректорский кабинет наполнился раздражающими запахами сладостей и цветов и всевозможных ароматов духов, который источали бесчисленные записки.

Коробки с конфетами, букеты, разноцветные конверты со следами губной помады... Проклятье. Что в головах этих девчонок? Неужели таким образом они хотели заполучить его расположение и выиграть конкурс?

– Скоро это прекратится, – скорее убеждая самого себя, проворчал Кристиан. – Осталась неделя сумасшествия, а потом придется сделать выбор. И чтобы поумерить твоё веселье, ставлю в известность: ты включена в комиссию, которая будет определять победителя.

– Ты не можешь быть так жесток, – поморщилась Зорик.

– Могу, – опасно сверкнула улыбка некроманта. – Молись о том, чтобы я не вывесил список комиссии на всеобщее обозрение. Посмотрим, во что тогда превратится твоя берлога.

– Не вздумай! – Зорик ткнула пальцем в его грудь. Затем удивленно коснулась ладонью рубашки у сердца. – Крис?..

Ее золотистые глаза распахнулись шире от волнения, когда она ощутила энергию невидимой сейчас печати.

– Да, – просто ответил Рэйван.

– Когда? – с некоторой обидой в голосе спросила сестра.

– В начале прошлой недели. – Он глянул на стол, заваленный подарками. – Нужно что-то с ними делать...

– Крис! – одернула его Зорик.

– Да?

– И когда ты собирался сказать мне об этом? Почему не сказал? Я бы могла...

– Вот поэтому и не сказал, – мягко произнес Рэйван, ласково опуская руку на ее плечо. – Так уж вышло, что сейчас нет толковой возможности покинуть Ард. Я бы хотел увезти ее хоть ненадолго. Хотел бы показать Харланд. Но мы вынуждены находиться здесь. Поэтому и не сказал сразу. И Трин, и мне необходимо было некоторое время, чтобы самим осознать этот шаг. Понимаешь?

– Понимаю, – нехотя сдалась Зорик. – Но я все равно зла на тебя.

– Ты не умеешь злиться. – Кристиан снова посмотрел на дары ардовских воспитанниц. – Раздай это своим подружкам.

– А как же цветы? А записки, Крис? В них столько страсти, столько воодушевления... – Зорик снова усмехнулась, взяла один конверт и достала из него небольшой листок. – Ты только глянь, сколько завитушек. Даже разобрать нельзя, что написано...

Кристиан что-то тихо произнес в ответ, и письмо истлело в руках Зорик, растворяясь в воздухе.

– Бессердечный.

– Именно. Нужно написать это на двери.

– Боюсь, что это будет бесполезно в свете последних событий. Крис...

– Да. Я написал Деверуксу. Письмо отправлено в его столичный дом. Ранее ты упоминала, что дед скрывался в Деспине.

– Ты правильно поступил.

– Я писал ему не о том, что соскучился, Зорик. Поэтому не нужно цвести здесь, как весенний сад, –

нахмурился Кристиан. – Это было в последний раз. Мне надоело писать письма тому, кто не изволит ответить хоть словом.

– Деверукс ответит, – заверила сестра.

– Возможно. Лишь потому, что я выполнил свою часть договора. Ему придется как-то отреагировать. Харланд теперь принадлежит мне. Так что пусть оставит свои угрозы.

– Он будет рад.

– Он будет рад тому, что я подчинился его воле. – Кристиан отвернулся к окну, не позволяя Зорик увидеть смятение на его лице. – Для Деверукса все выглядит именно так.

– Деверукс хочет твоего счастья, Крис. Даже если называет это подчинением его воле. Он все прекрасно понимает. Слова ведь ничего не значат, верно? Назови, как хочешь. Главное, что на душе, на сердце. Вы одной крови. Нет никакого труда прочитать то, что ты чувствуешь. Скоро бал. Полагаю, что Деверукс захочет приехать.

Кристиан скептически поглядел на нее.

– Любопытство одолеет его, – развела руками Зорик. – Не выдержит. Наверняка не выдержит. Пожалуйста, Крис, поддержи этот шаг, если он и правда его сделает. Не испорти все снова.

Теперь сестра смотрела умоляюще.

– Это я все порчу? – возмутился Кристиан.

– Я скажу то же самое и Деверуксу при первой встрече, – заявила Зорик. – Даже не сомневайся. Вы оба все портите. Я уже говорила, насколько вы похожи.

Продолжить спор им не дали, поскольку в дверь постучали, заставляя умолкнуть обоих. Кристиан пригласил войти, что гость и сделал, сдержанно здороваясь.

– Капитан Брутус, – улыбнулась Зорик.

– Каэли Зорик... – Йен галантно склонил голову.

– Рада знать, что вы вернулись к своим обязанностям, – сказала она, глядя, как сверкали начищенные серебряные пуговицы на форменном камзоле капитана.

– Благодарю.

Йен прокашлялся в кулак, не к месту вспоминая, как было достигнуто решение о его возвращении в стражи.

– Вижу, вы оба горите желанием посекретничать. Что ж, оставлю вас. – Зорик подмигнула капитану, направляясь мимо него к двери.

Едва сестра скрылась в коридоре, Кристиан пригласил гостя занять одно из кресел у его рабочего стола.

– Надеюсь, не оторвал вас от важных дел, Брутус?

– Нет. Я рад, что могу хоть чем-то помочь.

Капитан присел в кресло, в некоторой растерянности глядя на множество коробок и ворох цветов, которыми был усыпан стол и подоконник.

– Вы любите сладкое? – с надеждой осведомился Кристиан.

– Нет, – настороженно отозвался Йен.

– Жаль... Что ж, тогда поговорим о причине вашего визита.

– Мне удалось найти документы по тому старому делу, – как обычно, начиная говорить о работе, посерьезнел Йен. – Повредилась только часть их. Но это не особо влияет на содержание. Что касается офицера Пайруса, который занимался убийством Ариса Бранта, то и его уже нет в живых. Погиб в последние месяцы войны.

– Понимаю, – тяжело вздохнул Кристиан и сел в свое кресло.

Блестящая и раздражающе пахнувшая гора подарков была так неуместна при этом разговоре, что некромант сдался. Сухо произнеся короткое заклинание, он провел рукой над столом, обращая все

лежавшее на нем в черный прах. Еще несколько слов – и прах развеялся в воздухе, исчезая. Кристиан опустил руки на освобожденную деревянную поверхность, переплетая пальцы в замок.

– Почему вас так интересует это старое дело? Ректорское любопытство? Или считаете, что расследование было неверным? Прошло столько лет.

– Я ни в коем случае не хочу поставить под сомнение работу офицера Пайруса. И в некоторой степени – как ректора – мною движет интерес. Но и личный также имеется. Я хочу знать, почему именно студент Дэнвей был обвинен в том убийстве. И почему дело было закрыто в связи с его внезапной гибелью.

– Считаете, что это слишком для случайного совпадения? – задумчиво проговорил Йен, потирая гладко выбритый подбородок.

Казалось, что капитан и сам не особо верил написанному.

– Хочу послушать ваше мнение, – уклончиво ответил Кристиан.

– В деле имеются показания двух студентов, Фергаса и Синхелма, которые названы как основные свидетели случившегося. Поскольку непосредственно присутствовали при этом.

– С их слов.

– С их слов, – со вздохом повторил Брутус. – Обвиняемый Дэнвей приходился обоим другом. По показаниям, юноша порой был конфликтен и не раз спорил с Брантом. Ссора произошла и в тот день. И по словам свидетелей, перешла в драку с применением магии. Оба студента являлись огнетворцами. Все произошло в одной из наблюдательных башен. Дэнвей был старшекурсником и конечно же более силен.

– Разве не странно, что он не смог контролировать силу, являясь одним из лучших студентов старшекурсников академии?

– Как сказано в деле, Дэнвей был известен тем, что на первых курсах ему с трудом давался контроль. На занятиях он использовал артефакт – специальные наручи, стабилизовавшие силу стихийника. На последних годах обучения эта проблема была устранена. Но именно она указана как возможная причина случившегося. Дэнвей от охватившей его злости потерял контроль и не смог совладать с огнем, что повлекло гибель Бранта. Синхелм и Фергас вмешались, но было поздно, не смогли помочь.

– Два лучших студента Арда не смогли остановить пламя! – Тьма нервно заклубилась под ногами мужчин.

– Возможно, они были далеко от башни. Или заметили огонь слишком поздно, – предположил Йен.

– Что по этому поводу сказано в показаниях?

– Этих подробностей нет, – хмурясь, пояснил капитан. – Все случилось вечером, во время самоподготовки в корпусе боевых магов. В деле указано, что первым башню покинул Фергас, он и поднял тревогу. Следом за ним смог выбраться Синхелм. Преподаватель Шамус Азелтан вытащил из башни Дэнвея. Успел до того, как та стала рушиться. Когда утомили пламя, то под обломками нашли тело Бранта. К сожалению, юноша был слишком слаб и неопытен, чтобы прикрыться щитом. Разве преподаватели в Арде не обязаны контролировать каждое занятие на боевом факультете, Рэйван?

– Выпускной курс курирует занятия новичков. Это их практика. Поэтому, возможно, в тот день они отвечали за безопасность на площадке.

– Видимо, это не лучшая идея, хотя и понятна ее цель.

– Если невозможно доверить выпускнику даже тренировку первого курса, то стоит закрыть факультет. Тем не менее один из этих «специалистов» сейчас декан, а второй – герой королевства и ведет за собой армию, – мрачно проговорил Кристиан. – Почему Дэнвея сочли мертвым? Его тело было найдено? Что произошло с конвоем?

– Дорога пролежала через горы. Так можно было отлично сократить путь.

– И напороться на йерийцев, которые любят грабить обозы и глупых путников.

– Согласен, не лучший выбор, – кивнул Брутус. – Выходцев из этого разбойничьего клана и обвинили в нападении. Один из убитых был одет, как йериец. И найден рядом с телами конвоиров. Всего в сопровождении, по имеющейся информации, было шесть человек. Погибшими считаются все. Лошади понесли, и экипаж с заключенным, включая двух охранников, сорвался со скалы.

Поскольку Дэнвей был на время лишен своей силы, посчитали, что он погиб при падении, как и его охрана. О том, где захоронены тела или были ли они подняты, ничего не сказано в деле. Возможно, некоторая информация утерялась, как я говорил ранее. Но суть такова. Это хоть чем-то поможет вам, Рэйван?

- Вы помогли мне, Брутус. Безусловно, - с благодарностью ответил Кристиан.

В живых не осталось никого, кроме двух дружков-свидетелей. Как удобно... Дело решили поскорее закрыть, не желая портить репутацию королевской академии. Никто особо и разбираться не стал в нелепости произошедшего. Выглядело все именно так, хотя бы для него. И возможно, Дэнвею просто не повезло. Оказался не в том месте и не в то время. Но чувство, что он все же оказался прав насчет Томарина, не отпускало Кристиана. Могло ли мальчишке повезти настолько, что он выжил в тех скалах?

Глава 43

– Ты точно не знаешь, кто он? – прищурился Талл, глядя на подругу. – Вот прямо даже предположений никаких нет?

– Нет, – ломким голосом отозвалась Ивон и даже улыбнулась. – Понятия не имею.

– Врешь. – Шагрим принялся нервно выстукивать пальцами ритм по рулю кланкея.

– Вот еще! – возмутилась Ивон.

Она оглядела двор академии. Чудесный день сегодня. Такой свежий, а облака скрывают солнце, не давая ему припекать. Идеально...

– Как она могла тайно выйти замуж? – не унимался Талл. – У меня просто слов нет. И еще надеялась, что я не узнаю? Я – инрэйг, между прочим! Брачную печать от меня не утаишь. На что рассчитывала?

– Может, на то, что оставишь в покое? – предположила Ивон.

– Пусть и не мечтает. Да кто он такой? Что за спешка и таинственность? Настолько великолепен? Или страшен, как демон? Точно, – кивнул Талл своим мыслям. – Наверняка какой-то жалкий неудачник, раз не может о нем рассказать. Девушки постоянно хвастаются. Трин бы не выдержала, будь иначе.

– Ты не знаешь Трин? Она когда-нибудь вела себя, как остальные девушки?

Кристиан Рэйван – жалкий неудачник? Страшен, как демон? Бедный Шагрим... Его ожидало великое разочарование. Но где носит саму Трин?

– Куда Трин снова пропала?

– Хэйл наказал всю их группу за драку с подопечными Колума. Наверняка до вечера продержит в корпусе. Так что можешь не ждать.

– Опять? Она не присутствовала даже на обеде! Брис морит их голодом? Он настоящее чудовище!

– Поверь, если бы Брис Хэйл был так плох, то объявил бы всем предупреждение за нарушение устава Арда. Но не сделал этого. Он хорош. Ты просто не понимаешь всех тонкостей.

– Куда уж мне!

– Не волнуйся. Пропущенный обед – это меньшее, что сейчас их волнует. Наедятся за ужином.

Шагрим кинул взгляд на первый этаж замка, туда, где были открыты окна. Один из преподавателей оживленно обсуждал что-то с Гарсом. Словно почувствовав чей-то взгляд, артефактор обернулся и посмотрел во двор. Вы только гляньте, улыбается! Светится ярче солнца. Чему он радуется, этот маг? Потому что Лейвр здесь? Точно, на нее пялится. А потом у девиц проблемы из-за таких красавчиков...

Нет, наверняка вмешались некие недобрые силы. Иного объяснения своему порыву Талл потом отыскать не мог. Но понимая, что Гарс продолжал наблюдать за ними, склонился на кланкее к Ивон. Придержал ее за подбородок и поцеловал. Просто коснулся губ, но тут же понял, что жить ему осталось недолго. Но ведь сама умоляла притвориться ее возлюбленным!

– Ладно, мне уже пора. Увидимся вечером, цветочек. – Кланкей немедленно поднялся в воздух, унося его от праведного гнева подруги.

– Ты!.. – Негодуя, Ивон развернулась, чтобы покинуть площадку, где стояли кланкеи.

Только тогда смогла понять причину безумной выходки друга. Гарс открыто усмехнулся, махнув ей рукой. Боги, он все видел! Шагрим перед ним представление устроил. И сбежал, оставив одну. Ивон приказала себе мило улыбнуться в ответ и махнуть рукой преподавателю.

Она уже в тысячный раз пожалела, что просила помощи у Талла. Но признавала и тот факт, что их притворство имело свои результаты. Ее хотя бы перестали запугивать и строить козни. Пусть и шептались за спиной, но уже привыкла. Как и привыкала приходить после вечерних занятий к главной лестнице у центрального входа. Для того чтоб встретить вечно опаздывавшего инрэйга. И услышать его самонадеянное «соскучилась, цветочек?». Да. Он был нагл и самонадеян. И обожал подшучивать над нею. И злил порой ужасно.

Вот и сейчас она была зла, но к этому чувству примешивалось и нечто новое. Нечто теплое, что будто расцветало в груди удивительным цветком. Вот он – расправил нежные золотистые лепестки, наполняя ее душу трепетом. А затем растаял, оставляя ощущение сладкого послевкуся.

Что это? Талл использовал при поцелуе свою магию? Или это ее воображение? Ну не спрашивать же, в самом деле? Нет. Никогда. Разве что проверить самой. Но для этого придется повторить. Только ради эксперимента... Ивон повернулась, глядя в высокое небо, укрытое белыми облаками. Улетел... Наверняка уже у корпуса боевых магов.

Прикидывая свои шансы не быть убитым во время предстоящего ужина, Шагрим пролетел над тренировочными площадками. Может, просто не явиться? И на завтрак. И на обед. Сколько он выдержит без еды?

А смерть будет мучительной... Он вздохнул, наблюдая за происходящим внизу. Трин и ее товарищи до сих пор находились во дворе перед главным входом в корпус. Талл слышал, как ворчали и спорили наказанные Брисом Хэйлом огнетворцы, толкая друг друга, мучаясь и пытаясь выполнить задание. Форменными штанами собрали всю грязь, ища что-то на выложенном брусчаткой дворе.

– Серый ищи!

– Они все серые! – слышались хриплые голоса в ответ.

– Тот должен быть серее!

Сам Брис прохладился на смотровой площадке, говоря о чем-то с одним из преподавателей. Вмешиваться и пытаться помочь подруге Талл не мог. Пришлось мысленно пожелать удачи и спешить к своим. Занятия скоро начнутся. Он сделал еще один круг над зданиями, спустился и оставил кланкей среди других экипажей.

Трин проводила друга взглядом, стерла испарину со лба рукавом рубашки и вновь вернулась к своему занятию. Точнее, к ненавистному исполнению наказания, объявленного Хэйлом. А всё мальчишки... И зачем только ввязались в эту драку, скажите на милость? Пришлось разнимать их, получить кулаком в глаз, а затем еще и «награду» от преподавателя. Она ведь пыталась призвать всех к порядку. Где, спрашивается, справедливость? Нет ее. И широкая ухмылка Хэйла только подтверждала это. Если и наказаны, то все без исключения. Чтобы в следующий раз неповадно было.

И теперь им велено отыскать среди совершенно одинаковых камней, которыми выложили двор перед корпусом, те, что зачарованы. И не просто отыскать, а еще и коснуться в нужном порядке, чтобы в итоге активировалась старая защитная печать. Чужачество это было придумано еще при строительстве боевого корпуса тем, кто явно ненавидел студентов. Никак иначе. Воспользоваться своим даром и ощутить магию, наложенную на камни, не удавалось, как ни старались. Ползали на коленях с утра, и все без толку.

Скулу саднило, синяк под глазом к вечеру появится непременно. Кристиан будет в восторге... Трин в который раз вглядывалась в камни, пытаясь различить хоть какие-то оттенки в пыли.

– Да одинаковые они! – не выдержив, психанул Раду. – Может, и нет никакой печати, а? Вот издевается просто Брис, и все тут.

– Угу, – обтирая грязь с лица, кивнул Гай. – Ты пойдешь скажи ему об этом!

– Ищем дальше, – хмуро велел Тео. – Кажется, на тех, что нужны, есть небольшие щербинки. Проверьте каждый камень.

– Я их не чувствую... – страдальчески отозвался Ян.

– Придется почувствовать, если хочешь до отбоя убраться отсюда!

Не вступая с ними в спор, Трин прислушивалась к словам Тео. Им действительно нужно заканчивать заниматься этой ерундой. Найдя подходящий камень, она вытащила нож и пометила его царапиной, чтобы вновь не искать. То же стали делать и товарищи, не переставая подначивать друг друга.

Трин зевнула в кулак и трянула головой, прогоняя сонливость. В прошлую ночь ей опять не спалось. Сон приходил, но лишь растревожил, оставляя потом до утра в раздумьях. Повторялось это уже в который раз. А точнее, началось на следующий день после принесенной с Кристианом клятвы в храме Бевана. Обряд, соединивший их души, имел огромнейшую силу. Мог ли он повлиять на ранее наведенный морок?

Кристиан считал это вполне возможным. И волновался за нее. Слишком много вмешательства на

одну душу, на одно сознание. Нитям памяти свойственно переплетаться, создавая уникальный узор воспоминания. Но, нарушая эту хрупкую структуру, можно создать и совершенно хаотичный узор, который лишь больше запутает. Где были сны, а где размытые границы собственных воспоминаний, Трин не могла понять.

Она слышала голоса, видела лица, но не узнавала их. Ощущала жар и запах дыма, вплоть до горечи во рту, словно находилась на пожарище. И просыпалась буквально задыхаясь, чем пугала свою соседку по комнате. А находясь под впечатлением от сна, порой и днем продолжала слышать голоса. Будто кто-то звал ее по имени, и голос был так тревожен.

Трин нахмурилась, чувствуя, как снова заболела скула. Что, если она потихоньку сходит с ума? И в какой-то момент просто не осознает этого и потеряет себя навсегда...

- Ну уж нет!

- Есть другие варианты, Синхелм? - возмутился Гай, вынуждая ее отвлечься от мыслей.

- Что?

- Мы нашли двенадцать штук. Вроде бы все. Теперь нужно определить вид печати. Будем пробовать все варианты, которые нам известны. Так что хватит мечтать. На тебе вот эти две. - Гай ткнул перепачканным пальцем в камни.

- Нужно коснуться их в определенной последовательности, - обратился ко всем Тео. - Сосредоточьтесь. Если повезет, печать активируется, и мы будем свободны.

- А если нет? - вяло отозвался Димер.

Тео придвинулся ближе к Трин, внимательно разглядывая площадку и прикидывая возможную последовательность для первой попытки.

- Попробуем еще раз. И еще, и еще. Пока не получится, - проговорил он твердо, пресекая возражения товарищей. - Гай, это твой участок. Ян - ты следишь здесь и здесь...

Тео продолжал распределять камни между ними, вынуждая всех сесть в круг. Со стороны могло показаться, что они решили призвать демона, ползая по дороге и бормоча нечто невразумительное.

Трин слушала внимательно, не желая подвести товарищей. Но то ли от недосыпания, то ли от усталости голова шумела и не давала толком сосредоточиться на важных словах.

- Трин, - позвали ее.

- Да?

- Трин...

Она повернула голову к Тео, с удивлением заметив, что старший их группы сейчас говорил с Димером.

- Трин, когда я скажу... - слышалось снова, но слова заглушил глухой нарастающий шум, вынудивший глянуть в противоположную сторону.

Неожиданно жаркий, обжигающий воздух ударил в лицо, останавливая дыхание и заставляя глаза слезиться. Трин схватилась руками за землю, чувствуя, какой горячей была та под ладонями. Горячей. Мягкой. Камни исчезли. И снова этот запах гари...

- Трин, когда я скажу бежать, ты должна немедленно послушаться! - крикнули ей, хватая за руку повыше локтя и хорошенько встряхивая. - Ты слышишь меня?!

Глава 44

Она слышала. Голос был знакомым, как и лицо склонившегося над ней юноши. Но не могла толком разглядеть его из-за слоя копоти, покрывавшей кожу. Только голубые глаза блестели взволнованно, а пепел так укрывал светлые волосы, что те казались седыми.

– Трин... – Испачканная ладонь дрожала, когда он прижал руку к ее щеке.

Лес горел, укрывался едким дымом, воздух раскалялся. Звуки разразившегося боя оглушали, как и треск ломавшихся деревьев, обугленных до черноты. Земля дрожала под их ногами, словно пыталась стряхнуть обезумевших людей.

– Там, у реки, – торопливо заговорил юноша. – Помнишь? У самой воды ты будешь в безопасности. Трин, ты слышишь меня?

– Мама... Мама осталась там... – Она схватилась маленькими руками за его порванную рубаху.

– Она сильная. Она обязательно выберется. Трин, я обещаю...

Врал. Она знала, что врал. Ни капли магии в руках матери не было, как и у державшего ее мальчишки. Ни один смертный не мог выжить в этом огне.

– Я не хочу уходить без тебя, Яр!

Она зашлась сухим кашлем, и все поплыло перед глазами, наполнившись слезами.

– Я догоню. Я буду следом за тобой. Я обещаю... – Свободной рукой он зажал рану на животе, стараясь не думать о крови, сочившейся между пальцами. – Беги, Трин... Куда ты, туда и я. Всегда. Верно?

– Всегда... – эхом повторяла она. – Всегда...

Не желала уходить, но память жестоко оборвала нить, давая только возможность увидеть, как тот, кого считала братом, падал в черную траву. Она так устала... Но не посмела нарушить обещание и остановиться. Бежала вперед, не разбирая дороги. Ее просто не было. Бежала по горящему лесу, дрожа всем телом. Глаза впервые вспыхивали ярким золотом, пробуждая ее силу. Бесполезную, такую бесполезную сейчас. Сознание путалось, рисуя несуществующих чудовищ, преследовавших ее среди леса, окутанного плотным дымом. Или такова была истинная суть тех, кто пришел забрать их жизнь? Хотелось закричать на весь лес и испепелить каждого, кто посмел вторгнуться на ее землю. Враги. Все враги. Предатели. Все...

Зазвучал и другой голос. Тихо, едва слышно. Будто потянул за руку, отводя по безопасному пути. Этот голос она уже знала. Слышала его столько раз. Он пел, и мелодия лилась, заставляя Трин повторять уже полюбившуюся колыбельную. То был голос матери. Все, что осталось у нее, это голос...

И вновь все таяло перед глазами, вынуждая падать на горячую землю у кромки леса, сознавая, что пути отступления нет. Конечно же враг знал, что оставшиеся в живых попытаются пробраться к реке. Вон она – там, внизу, шумела, звенела холодной водой. Ее же мир сгорал дотла.

Приподнялась на руках, волосы спутались, липли к лицу и не давали толком смотреть. Но все же увидела. Темный силуэт воина возник в дыму. Враг приближался неспешно. Знал, что бежать никто не станет. Был уверен, что уже победил. Страх, ненависть хлынули по венам, и прилив силы буквально вскипятил ее кровь. Трава вспыхнула под ладонями, опадая черным пеплом.

Враг. Это был ее враг. Истинное зло. Тот, кого уже столько времени пыталась вспомнить, терзая и без того измученную память. Шаг. Еще шаг. Фигура воина поражала размерами. Он казался исполином, да и был таковым для лежавшей на земле пятилетней девочки. Тяжелый плащ развевался за спиной, и край его был опален. Еще шаг... Знакомое движение правой руки, удобнее перехватившей боевой тонукан. Меч не достал из ножен. Да и зачем? Ведь отменно владел собственной стихией.

Она поднялась с земли. Очередная схватка разразилась неподалеку. Чьи-то крики и лязг оружия оглушали, вызывая желание зажать уши и больше не слышать ни звука. Она сжала кулаки, не отводя взгляда от убийцы. Она будет слушать. И будет смотреть. До последнего мгновения. До последнего вздоха. Чтобы никогда не забыть это лицо. Чтобы даже умерев и переродившись тысячу раз, не забыть и не позволить своей ненависти остыть. Она не имела права забыть...

– Во имя короля! – зазвучал глухой голос. – Во имя народа Камеладера...

Руны вспыхнули под пальцами мага. Узор нанесенных заклинаний растекался по тонукану,

останавливаясь у двух лезвий, закрепленных на обоих концах. Она знала это оружие. Ведь столько раз тайно брала со стены оружейной комнаты в замке. Знала и воина, занесшего над нею тонуکان. Сейчас знала. Не тогда. Та Трин впервые глядела в горящие глаза Фемира Синхелма и наблюдала за тем, как пламя играло бликами на лезвии.

Она готова была принять смерть. Но сильнейший удар заклинания отбросил мага в сторону, вынуждая свалиться среди горелых веток. Разглядеть неожиданного спасителя не давал дым. Он клубился, окутывал, путал, кружил голову и вновь обрывал нить воспоминания. Но лишь затем, чтобы плести очередной кусок узора, не давая Трин опомниться.

Пугающий бой продолжался. Среди пелены дыма перед нею сражались двое, заставляя лес пылать с еще большей силой.

– Удел мертвых – быть преданными земле, – звучал голос Синхелма. – Напрасно ты воскрес... Сними маску. Неужели считаешь, что не узнаю в ней? Только не я...

Маска была сорвана и брошена на землю неподалеку от Трин. Она потянулась за вещью, поднимая ее и сжимая в руке, будто последнюю надежду. Бесплезно лепетала заученное защитное заклинание, будто оно и в самом деле могло придать силы и уберечь того, кто бился за нее. В этот раз боги даровали ей мимолетную возможность, и она смогла разглядеть лицо мужчины.

– Однажды ты ответишь за все содеянное! – Темные спутанные пряди волос липли к ране на лбу. Карие глаза вспыхнули золотом, когда он отражал очередной удар слабеющими руками, поскольку был ранен. – Ты будешь проклят за свое предательство, Синхелм. За каждую невинную жизнь, отобранную тобой...

Отец... Трин чувствовала, что силы покидали его. И грудь сдавило от невыносимой боли, когда упал на горящую землю, поверженный врагом. Тем, кого она ненавидела всем сердцем, всем своим существом.

Собственный крик оглушил ее, а всплеск силы заполнил сознание, высвобождая стихию. Полыхала земля, полыхало небо. Догорала ее душа. Где-то сверху раздался треск. Одно из горящих деревьев рухнуло, грозя придавить, когда, собирая последние силы, отец смог приподнять руку, выставляя щит и укрывая ее.

– Моя Трин... – произнес одними губами, прежде чем последний удар оборвал его жизнь.

Все исчезло. Стихло. Умерла ли она? Как мать, как названный брат, как отец. Умерла более чем на десяток лет. Чтобы затем восстать из пепла, как почитаемая томаринцами птица броз.

Находясь в полной тьме, Трин попыталась зацепиться сознанием хоть за что-то, позволившее вырваться из этого плена. Она должна найти, должна суметь. Но тьма была так мягка, так прохладна. Касалась лица, губ, ее горячих ладоней, наполняя удивительной легкостью. Сопротивление ее таяло, она все не могла напиться этим покоем и тишиной.

Кристиан снова коснулся горячей щеки Трин. Хвала богам и ардовскому целителю – жар спадал, и она перестала метаться в постели. Жилье Серласа представляло несколько комнат, соединенных между собой для удобства целителя. И сегодня Трин являлась его единственной пациенткой.

Ее состояние Кристиан ощутил сразу, благодаря брачной печати, соединившей их. Бросив в тот момент Брутуса в своем кабинете, переместился в боевой корпус, где и нашел жену. Пытаясь оказать помощь и остановить охватившее ее пламя, Хэйл получил пару ожогов, после чего и сам попался в цепкие руки Серласа. Но все же собрался сбежать, едва целитель отлучился. Правда, смерил при этом Кристиана очередным недоверчивым взглядом. А все оттого, что пришлось рассказать о женитьбе, чтобы объяснить, какого хаоса не отходил от постели студентки, держа ее за руку.

Но не слишком ли усердную заботу проявлял этот маг? Решил, что он, как повелитель нежити, вздумает сотворить что-то с юной женой? Серьезно? Они недавно пили вместе! И теперь он под подозрением? Проклятье...

– Ступайте и отоспитесь, Брис, – сдержанно велел Кристиан.

Подчиненный потоптался в сомнениях, потер подпаленное плечо, рукав его при этих действиях треснул, повиснув тряпкой. Кристиан шумно вздохнул. Кажется, придется скупить у портного все рубашки, чтоб раздавать каждому пострадавшему от него самого или от Трин.

– Это не мое дело...

– Верно, – кинул ему Рэйван.

- Но я все же скажу, - переупрямил его взглядом Хэйл.

- И кто бы сомневался, - сдался некромант.

- Это хорошо.

- Что хорошего вы здесь видите, Брис? - спросил Кристиан, стараясь не повышать голос и не потревожить сон Трин.

- Вас.

- Что?

- Хорошо, что это именно вы.

- Одобряете, значит?

- Вполне.

- Премного благодарен.

- Я знаю, - самодовольно отозвался у двери Хэйл. - Доброй ночи. И надеюсь, завтра услышу добрые вести.

Глава 45

Платье было настолько тесно в груди, что при каждом вздохе нитки на лифе трещали все сильнее. Или ей казалось? Она просто задохнется... Задохнется от волнения в этом проклятом краденом платье. И почему оно оказалось единственным приличным нарядом, который удалось стянуть в прачечной? А явиться сюда в своей одежде было самоубийству подобно.

Хельга нервно коснулась запястья, где была повязана лента, скрывающая отличительный знак томаринских разбойников. Видеть этот рисунок здешним обитателям вовсе ни к чему. Впрочем, даже в дорогих юбках она была безумицей. И торопливо идя по коридору королевской академии, Хельга мысленно произносила единственную известную ей молитву. Надеюсь, что боги даруют ей шанс и она достигнет своей цели. Она обязана справиться. Другого шанса просто не будет.

Заставляя себя дышать спокойно, она ощущала холод артефакта, надетого на шею. Небольшой медальон практически исчерпал свои силы, позволяя ей незаметно пройти по территории замка и даже оказаться в нем. Но был слишком слаб, чтобы до конца защищать ее от ненужных взглядов.

Коридор. Еще коридор. И еще... Сколько их тут? Бесконечность. Шумно, суетливо, отпрыски камеладерской знати снуют туда-сюда, не обращая на ее персону никакого внимания. И не нужно. Ей не нужно это внимание. Ей нужен кабинет ректора Арда. Нужен некромант Рэйван. Только бы дойти... Она свернула в очередной коридор и увидела впереди лестницу. Еще немного...

– Каэли Зорик?

Внезапно кто-то коснулся ее локтя. Хельга едва сдержалась, чтобы не вывернуть неизвестному наглецу руку, но вовремя спохватилась. Она медленно обернулась, изображая самую милую улыбку, на которую только была сейчас способна.

– Вы ошиблись, полагаю.

Вот и конец действия артефакта...

– Прошу простить меня. – Неизвестный мужчина виновато склонил голову, отпуская ее руку. – Я действительно обознался.

– Со всяким может случиться.

Не переставая улыбаться, Хельга отступила. Нужно поскорее ускользнуть от внимательного взгляда того, кто наверняка являлся преподавателем академии.

– Никогда ранее не видел вас в Арде. Я Дар Колум. Преподаю на боевом факультете. – Мужчина протянул руку для приветствия.

Хельге пришлось ответить, чтобы развеять возможные подозрения. Она уже собиралась пожать предложенную руку. Но вместо этого Колум галантно склонил голову и коснулся губами ее пальцев. Боги! В последний раз с нею были так галантны в прошлой жизни. Она уже и позабыла, каково это, быть уважаемой каэли.

– Хелль Гарро, – представилась она.

Что ж, это имя не произносилось больше семи лет. И возможно, назвав его сейчас, она заработала новые проблемы. Но риск оправдан. Станут искать информацию о странной посетительнице, и единственное, что всплывет, это дело о пропавшей без вести воспитаннице бывшего начальника стражей. Благо уже отдавшего душу богам. А точнее, демонам. Если не побрезговали прибрать ее. От воспоминаний о распускавшем руки мерзком опекуне Хельга вздрогнула. Но к хаосу мысли о нем! Сейчас она должна думать только о том, кем полно ее сердце. Она должна спасти Яра.

– Позвольте поинтересоваться, вы с личным визитом в Арде? Или...

– С личным, – стараясь быть мягче, прервала его Хельга. – Я так взволнована.

– Я могу помочь чем-то? – с участием поинтересовался Колум. – Вы ищете кого-то?

– Да. Я ищу ректора академии, господина Рэйвана, – торопливо заговорила Хельга. Для большего эффекта она коснулась кончиками пальцев рукава мужчины, а от «взволнованного» вздоха грудь едва не разорвала душившее платье. – Не так давно господин Рэйван вступился за честь моей младшей сестры. Лишь сегодня я узнала от нее имя спасителя. Пришла сюда, чтобы лично выразить свою благодарность.

Пустить слезу? Нет. Пожалуй, не стоит, иначе перестарается.

– Каэль Рэйван воистину благороден душой, – согласился с ней Колум. – Я провожу вас. Иначе будете блуждать по этим коридорам до вечера. Позволите?

Он жестом предложил следовать к лестнице. Хельга была благодарна. Искренне. Даже улыбка на этот раз вышла настоящей.

– Благодарю.

Не собираясь зря терять время, она отправилась следом за своим нечаянным проводником. Только бы Рэйван оказался в своем кабинете! Только бы выслушал раньше, чем отдаст приказ о ее аресте! Оставалось верить словам Колума. Этот некромант действительно был благороден душой, что давало надежду.

То, что удача не отвернулась от нее и Рэйван находился у себя, Хельга ощутила, едва приблизилась к двери. Желая помочь гостю и дальше, Колум сдержанно постучал. А получив разрешение, заглянул в кабинет.

– Доброе утро, каэль Рэйван. К вам посетитель из Валмира. Точнее, очаровательная посетительница. Прошу вас уделить ей немного времени. – Маг склонил голову в приветствии.

Рэйван был молчалив и мрачен с самого рассвета. Возможно, не лучший момент для встречи. Но кто он, чтобы судить об этом? Ректор молча кивнул, жестом приглашая впустить посетительницу. Колум ободряюще улыбнулся и закрыл дверь за ее спиной, оставляя наедине с ректором.

Хельга задержалась на пороге. Рэйван стоял вполоборота у окна, опустив ладонь на подоконник, и явно сдерживался, желая казаться хоть немного учтивым.

– Кто вы? Что привело вас в стены Арда?

Голос звучал ровно. Никаких эмоций на лице. Но дар, позволявший Хельге чувствовать происходившее на душе некроманта, не позволял обмануться внешним безразличием. Мятежная душа рвалась, желала быть совершенно в ином месте. Надо же... Абсолютно те же чувства обуревали сейчас и ее. Что же заставляло Рэйвана сходить с ума от беспокойства? Что-то случилось с Трин? В таком состоянии он не готов к долгим речам. Придется обойтись без вступления.

– Я знаю, что ты ищешь информацию о семье своей жены.

В кабинете ощутимо похолодало, глаза Кристиана блеснули опасным серебром. Сбрасывая маску вежливого аристократа, он прошелся по кабинету и приблизился к гостю. Бросил взгляд на руку Хельги, сжатую в кулак, и на запястье, скрытое лентой. Мгновение – и тонкая ткань осыпалась на пол, истлев. Уголок губ Кристиана дрогнул, когда, как он и предполагал, увидел знак птицы.

– Разбойница в королевской академии. В моем кабинете. Впечатляющее безрассудство.

– Верно. Я безрассудна. Но лишь от желания защитить единственное, что дорого. Тебе ведь знакомо это чувство, Рэйван? И так уж вышло, что в этот раз наши интересы совпадают, – торопливо заговорила Хельга, упрямо глядя на него. – Поэтому...

– Поэтому? – Кристиан скалой возвышался над нею.

– Поэтому ты должен помочь мне.

– Значит, обмен? – Тьма беспокойно за клубилась у их ног.

– Да, – твердо произнесла Хельга.

– И что помешает мне получить желанное от полукровки, вздумавшей явиться на мою территорию? – сухо осведомился некромант.

– Благородство, – тем же тоном ответила гостя.

– Не стоит заблуждаться на мой счет, томаринка. Я сейчас не в том настроении. И для того, чтобы получить нужную мне информацию, увы, могу забыть о мнимом благородстве.

– Даже пытая меня, ты ничего не получишь. Ибо я говорю не о себе. Единственный человек, который знает всю правду о твоей жене, будет казнен завтра на рассвете, Рэйван.

– Ты говоришь о Яре? – Он глядел пристально, будто проверял, не лжет ли она.

– Да, – выдохнула Хельга, не сумев скрыть волнение.

Заметил это и Кристиан. Взгляд смягчился, при этом волнение передалось и ему.

- Этот томаринец не способен о себе позаботиться. Итак, он под стражей... Вот, значит, куда пропал.

- Я знаю, что ты искал его.

- Как он мог быть настолько неосторожен?

- Яр всегда был слишком сентиментален. Не удержался и в этот раз. Не послушал меня. Захотел лично понаблюдать, как кое-кто приносит клятвы в храме Бевана, - в отчаянии проговорила Хельга. - Я говорила ему, что не стоит выходить в город днем. И вот итог. Мне удалось сбежать, и я пыталась помочь. Но оказалась бессильна. Освободить его из-под конвоя не вышло. В городскую тюрьму мне не пробраться. Поэтому и пришла к тебе. Ты должен спасти его! Только ты можешь это сделать!

Хельга сделала шаг к Кристиану.

- Твоя вера в мои способности впечатляет. Но я не имею власти над стражами и вынесенным приговором.

- Я знаю способ. Для этого и нужен ты. Твое положение. Твоя знатность. То есть... Ты аристократ. Ты богат. Тебя боятся в городе.

- Вот как?

- Единственный способ вытащить Яра - это выкупить его. Я знаю, что есть закон, позволяющий выкупить приговоренного.

- Он действительно есть. Но ты понимаешь суть этого выкупа, томаринка? - нахмурился Кристиан.

- Просто спаси его! - шепотом произнесла Хельга, и глаза ее наполнились слезами.

- А готов ли Яр принять подобное спасение? Оно что клетка для свободной птицы. Приговоренный к смертной казни может быть выкуплен лишь в вечное рабство. Это - постыдное клеймо. Это значит, что его душа будет принадлежать мне. Он не сможет вернуться к разбойничьему клану. Ибо каждый его шаг будет расценен, как мое повеление. А я не позволю преступить закон.

- Поверь, вы и так связаны. Связаны чувствами к этой девочке. Муж... и брат, пусть и не по крови. Кто может быть ближе, Рэйван? Отдать душу, чтобы открыть Трин правду? Яр готов вырезать себе сердце, если потребуется. И посчитает это оправданной жертвой. Нет, даже за жертву не сочтет. Просто сделает, не задумываясь. Если Трин вспомнит, кто он...

- Она уже помнит. - Кристиан тяжело вздохнул. - Она помнит, кто этот разбойник.

- К ней вернулась память? - удивилась Хельга.

- Трин вспомнила день, когда была убита ее семья, - сдерживая прилив гнева, ответил Рэйван. - И вспомнила, на чьих руках эта кровь.

- Так она знает?.. - Тень сострадания коснулась лица женщины, но Кристиан не дал ей договорить.

- Вперед, каэли разбойница! Пора купить душу этого названного братца и вытрясти из нее все, что знает.

Глава 46

На неожиданного гостя начальник тюрьмы смотрел с опаской и подозрением. Репутация у некроманта была еще та... Но кто в здравом уме будет верить всему, что пишут в местных газетенках? Все ведь знают, что недавно Рэйван был гостем в доме управляющего Улхара. И тот лично благодарил за спасение дочери, будь она неладна.

Вроде как и сомнения одолевали, но уж больно привлекательным казался кошелек, брошенный на стол перед ним. Казнить разбойника – невелика потеха. Пришлось еще и потратиться на выплату вознаграждения за его поимку. Одни расходы... А выгоды никакой. Другое дело великодушное пожертвование именитого господина. И кто, скажите на милость, будет знать, сколько именно золотых было отсыпано некромантом?

Процент за свою головную боль можно и удержать. Он заслужил. В это Нур Освин верил свято. Даже кивнул собственным мыслям. А если что случится, так всегда можно сослаться на то, что по наивности поверил, будто сам управляющий не мог в гости кого попало звать. Значит, своим расположением к Рэйвану и подтвердил правильность теперешнего решения.

– Что же вынуждает вас колебаться? – Голос некроманта вырвал Освина из мыслей, вынуждая вздрогнуть.

Истинный сын Смерти... Черные одеяния только больше оттеняли бледное лицо. В глазах – сама бездна. Казалось, что весь кабинет, еще недавно душный и солнечный, пропитался тьмой, будто старый склеп. И как детишки в Арде с ним рядом находятся? Такому тюрьмой заведовать, а не королевской академией.

– Я должен все тщательно обдумать. – Освин был жалким актером.

Кристиану подумалось, что даже более жалким, чем он сам. Они друг друга стоили. Он – изображавший восставшего мертвеца, и сидевший за столом стихийник, возмнивший, будто у него было много вариантов. А сам то и дело поглядывал на брошенный кошелек, уже подсчитывая, на что истратит содержимое. Чего же тянуть, проклятье!

– Возможно ли, что вам жалко этого разбойника, уважаемый Освин? – холодно осведомился Кристиан, теряя терпение. – Желаете ему легкой смерти на площади?

– Вовсе нет! – Освин даже поднялся с кресла, успев схватить кошелек, когда гость подвинул его к себе. – Как я могу жалеть негодяя? Быть рабом уважаемого господина и терпеть вечные муки – вот заслуженная кара. Пусть служит вам, каэль Рэйван. Прекрасная участь для подобного мусора.

Гляньте, даже вспотел. Кристиан подавил растущее отвращение. Нет, он решительно задышался в этих стенах! Пора на свежий воздух.

– Так где же то, за что я плачу? – опасно понизился его голос. – У меня достаточно иных вариантов. И там уж точно не будут заставлять ждать и тратить мое бесценное время.

– Нет-нет! Вы должны понимать, каэль Рэйван, все должно быть по протоколу. Бумажки, знаете ли... Одна ваша печать, и заключенного приведут, – торопливо заверил Освин, принимаясь шуршать разбросанными по столу документами.

Те посыпались на пол, и Кристиан нервно бросил взгляд на лист бумаги, упавший на его ботинок. Страхнул его и вынужден был ожидать еще несколько бесконечно долгих минут, пока не поставил родовую печать на предложенной бумажке.

Осталось последнее: клеймить позорной печатью томаринца, привязывая тем самым его душу. Заклинание болезненное, но сильнее ранит самолюбие, чем тело. Хотя телу разбойника, как оказалось, досталось не меньше. В этом Рэйван смог убедиться, когда вышел во двор. Два конвоира подвели Яра к крыльцу, ударив на прощанье в спину, чем вынудили упасть на колени перед новым хозяином.

Кристиан сдержался, внешне невозмутимо глядя на разбитое лицо разбойника. Кровь на подбородке засохла, но вновь выступила на губах, стоило Яру зло выругаться. Снова удар... Зазвенели цепи от кандалов на руках и ногах томаринца. Рэйван нетерпеливо велел конвоирам убираться в сторону и не портить «товар». Яр впился в него пронзительным взглядом, и получил такой же в ответ от некроманта.

С опаской косясь на Рэйвана, конвоиры держались на расстоянии, оставив его со своей жертвой. Не спешил присоединяться и Освин, наблюдая за действием с крыльца и явно надеясь, что гость скоро уберется с его территории. В этом Кристиан был с ним солидарен. Он хотел того же. Нужно заканчивать. И, кажется, сейчас у него есть небольшая возможность сделать то, о чем размышлял

всю дорогу, пока добирался до городской тюрьмы. Стоит рискнуть. Может, и повезет...

Кристиан принялся тихо читать заклинание, и на его ладони бледным светом стала проявляться печать. Он видел смятение на лице разбойника. И противна была сама ситуация, вынуждавшая возвышаться над ним, играя роль негодяя. Как он дал уговорить себя на подобное безумие?

Яр молчал. Понимал происходящее? Наверняка толком не сознавал, что едва некромант закончит читать заклинание и сотворит печать, как будет иметь над ним полную власть. Вплоть до того, что мог умертвить, стоило пожелать этого мысленно. Смятение разбойника сменилось решительностью. Смотрел упрямо, с вызовом, хотя стоял на коленях. Хорошо братец, ничего не скажешь...

Печать затлела ярче, обжигая руку. Глядя в глаза томаринца, Кристиан продолжал говорить на неизвестном языке, а под конец приложил ладонь к его лбу. Яр стиснул зубы, все же не сдержав глухой стон, когда другая печать принялась проступать на его шее, буквально выжигаясь на ней. Глаза томаринца вспыхнули углями, а грудь пронзила острая боль, словно кто-то вонзил в нее нож. Кровь пошла носом, и голову наполнил противный звон.

Затем наступило некоторое облегчение, а за ним пришло ощущение пустоты. Казалось, все краски в мире поблекли, а звуки утратили свою живость. Глаза угасли, и только печать алела на шее, напоминая Яру о том, что теперь он жалкий раб. Без души, без права на имя. Но это не имело значения. Он исполнит свой долг. А там будь что будет...

- Кандалы, - потребовал Рэйван.

Едва они были сняты и брошены на пыльную землю, как некромант молча направился к воротам. К новообращенному рабу не обернулся, прекрасно зная, что тот последует за ним. Как иначе? Теперь томаринец - его личная тень.

Правда, лишь на несколько дней... Но сейчас нужно убираться со двора, пока ни Освин, ни кто-то из тюремщиков не понял, что произошло. Проклятие изматывает. Яр в самом деле будет считать, что привязан к нему и утратил душу. Посчитает так и Освин. Затем действие черной магии закончится. Главное, продержаться этот срок. К сожалению, как бы подружка-инрэйг ни старалась исцелить его, светлая магия не подействует. И печать навсегда останется. Но лишь будет проводником его силы, чтобы мог воздействовать при необходимости. Иначе сразу заподозрили бы в попытке спасти разбойника от казни. Не будет пока и Яр знать правду, для достоверности. Всему свое время.

Экипаж ждал неподалеку. Вир стоял около лошадей и уже протоптал на дороге целую канаву от нетерпения. Кристиан шел не торопясь, будто никуда и не спешил. Тем самым давая Яру возможность спокойно догнать его. Томаринец хромал, лицо его покрылось испариной от слабости. Он остановился у экипажа вслед за Рэйваном, так и не произнеся ни слова.

- Едем, - коротко велел некромант, и Вир кивнул, открывая дверцу.

Едва хозяин оказался в салоне, он помог и томаринцу подняться на высокую ступеньку.

- Яр! - взволнованно прошептала Хельга, буквально затаскивая друга и помогая сесть рядом с нею.

- Не трать зря силы, - предупредил Кристиан, когда женщина попыталась использовать свою магию, чтобы исцелить Яра. - Это бесполезно. Скоро мы прибудем на место, и у тебя будет время, чтобы оказать помощь.

Экипаж тронулся с места, унося их прочь от городской тюрьмы.

- Негодяи... - Хельга взяла Яра за руку.

Он позволил это, прислоняясь тяжелой головой к стенке экипажа. Затем посмотрел на Кристиана.

- Я должен увидеть Трин. Должен поговорить с ней.

- Не раньше, чем тебя приведут в порядок, томаринец.

Кристиан говорил тихо, зная, что каждое слово отдавалось болью в голове сидящего напротив человека. Кажется, Яр понял эту заботу, но был не в состоянии ни благодарить, ни спорить.

- Она пережила сильное потрясение, - сказал Рэйван. - И я не допущу повторения. Поэтому для начала ты должен стать похож на человека. А уж потом явиться к Трин.

Глава 47

– Ты должна поесть! – Ивон с укоризной посмотрела на подругу, стоящую у окна, будто статуя. – Все остынет. Если не хочешь идти со всеми в столовую, то сделай это хотя бы здесь.

– Я не могу.

– Не можешь есть? – заволновалась Ивон.

«Не могу слышать, как они зовут меня «Синхелм». Не могу слышать это имя», – мысленно проговорила Трин.

– Не могу сейчас находиться в толпе, – уклончиво ответила вслух.

Трин повернула к подруге бледное лицо.

– Немедленно приступай! Иначе я пожалуюсь сама знаешь кому. – Ивон указала пальцем на стол, где остывал принесенный обед.

Угроза подействовала. Трин вяло прошла к столу и опустилась на свободный стул. Взялась за вилку, хотя не чувствовала аппетита.

– Давай. Я составлю тебе компанию. – Ивон села напротив нее с коробкой сладостей. Открыла крышку, и комнату наполнил аромат шоколада. – Ничто так не возвращает к жизни, как конфеты, дорогая. Еще ни одному магу не удалось изобрести что-либо, способное превзойти силу десерта. Попробуй, убедишься сама.

Трин улыбнулась. Устало, но все же... Ивон порадовалась этому про себя.

– Что будешь делать сегодня? Брис ведь отпустил тебя с занятий.

Точнее, пинком выгнал с площадки. Но об этом Трин не стала говорить подруге.

– Завтра я снова вернусь к занятиям. А сегодня Кристиан хотел поговорить со мной. Я встречу с ним после обеда.

Идти пешком не пришлось, поскольку ее перенесли с помощью артефакта. Голова закружилась, но Кристиан удержал за руку, давая возможность устоять на ногах. Перенес в свою комнату, хотя Трин гадала, где хотел говорить с нею в это время. Они были не одни. Трин заметила у камина незнакомую женщину, уж больно походившую на каэли Зорик. Те же медные волосы, тот же золотой взгляд. Только платье явно не по размеру. Видимо, этот факт смущал гостью. Она скрестила руки на груди, прикрывая ее и не давая вырваться на свободу из тесного лифа.

Присутствовал и еще один человек. Стоял у окна, явно чувствуя себя неуютно. Особенно в одежде Кристиана. Удивительно, как Яр походил на каэля благородной крови в этой черной рубашке, украшенной изысканным шитьем. Только синяки на лице не сочетались с образом. Что с ним случилось? Снова попал в беду? Кристиан столько времени пытался связаться с Яром. Как хорошо, что он здесь. Как хорошо...

– Яр... – тихо произнесла Трин, чувствуя, что сегодня опять будет реветь.

Как же сдержаться? Должно существовать некое заклинание для подобного случая. Но оно было неизвестно ей.

– Трин... – впервые прозвучало ее имя в устах томаринца.

Наверное, нужно сказать нечто особенное. Ведь столько лет мечтал об этом моменте. И вот она перед ним. А он не может найти слов. Глупо как... И как же хорошо, что могла считать с его лица все чувства, что обуревали в этот час. Как и он читал ее чувства без слов. Горькая радость – так, наверное, можно их назвать.

– Что это? – Она заметила печать на шее Яра.

– Ты хотел сказать свое слово, томаринец. Так не трать времени зря, – отвлекая жену от вопросов, вмешался Кристиан. – Трин, Яр и его подруга Хельга здесь для того, чтобы рассказать тебе, что случилось с твоей семьей. Самое печальное тебе уже известно. Выслушай же все, чтобы твоя душа наконец могла обрести покой.

Он видел, как в смятении Трин старалась остаться невозмутимой. Побледнела, но взяла себя в руки. Умница.

- Присядь, - скорее приказал, чем попросил Кристиан, не желая, чтобы она переутомлялась зря.

Трин послушно приблизилась к креслу, стоявшему у камина, и опустилась в него. Яр остался у окна, будто так, на расстоянии, ему было легче начать говорить. Трин снова охватило волнение, но это чувство, к удивлению, медленно утихало, окутывая неким чудесным спокойствием, будто теплой шалью. Она кинула взгляд на молчаливую женщину, стоявшую неподалеку. Инрэйг использовала свою силу, чтобы повлиять на нее?

- Трин, - заговорил Яр, прислоняясь к подоконнику для удобства. - Мне так жаль, что ты утратила воспоминания. Надеюсь, что смогу помочь тем, что знаю сам. Рэйван высказал верное предположение - твоим отцом был Дэнвей, сын бывшего хозяина Томарина. И все несчастья его начались с предательства тех, кого считал лучшими друзьями: Фемира Синхелма и Эрвига Фергаса. Синхелм всегда был несколько тщеславен. Но в последние годы учебы стал одержим желанием стать первым. Мечтал о королевской службе. Это все больше сближало его с Фергасом, поскольку планы их во многом совпадали. Но одного желания оказалось мало.

Народ Камеладера воспекает подвиги Синхелма, восхищается его боевой славой и доблестью. Его силой и мастерством. Но все это жалкая ложь. Роль, которую он играет все последние годы. И умело манипулирует своим окружением, создавая идеальный образ. Король - идиот. Он слеп. Вот уж Синхелм веселится, дуря ему голову.

Он и Фергас когда-то решились использовать запрещенные зелья во время боевой подготовки. Оттого и блестящие результаты. Шамус Азелтан, их преподаватель, не мог не знать об этом. Но покрывал их. Разумеется, за хорошую плату или ввиду шантажа семей студентов. Ард - обитель лжи и порока.

Яр кинул взгляд на молчаливого Кристиана. Некромант не одернул его и не заставил корчиться в муках, используя печать раба. Выходит, был согласен со словами томаринца.

- На свою беду, первокурсник Арис Брант подслушал их разговор и узнал о зелье, - продолжал томаринец. - Хотел рассказать все отцу, королевскому советнику. Но вместо этого решил изобразить из себя героя. Глупец стал шантажировать Фергаса и Синхелма, требуя у них отменить некие испытания для новичков. Может, случись это раньше, все было бы иначе. Но одержимость Синхелма не позволила ему остановиться. Он решил избавиться от помехи и впутал в это дело Фергаса.

Они воспользовались тем, что у Дэнвея не так давно вышел спор с Брантом. Обычный мальчишеский спор, но повернули дело совершенно по-другому. Все знали, что на первых курсах у Дэнвея были проблемы с контролем силы. Он использовал специальный артефакт - наручи. И пусть в них уже не было необходимости перед выпуском, это сыграло большую роль в выдвинутом обвинении.

Бранта заманили в смотровую башню, обещая обсудить вопрос с отменой испытаний. Обманом вынудили прийти туда и Дэнвея. Расчет был на то, что погибнут оба, и впоследствии обвинят старшекурсника, который не смог обуздать свою силу. Но вмешался Шамус, преподаватель. Фергасу с Синхелмом пришлось героизировать, изображать, что спасали и друга, и первокурсника.

А потом первым делом сами же обвинили Дэнвея в убийстве. Преподаватель подтвердил их слова, поскольку боялся за свою шкуру, ведь он и ранее покрывал действия своих студентов. Дэнвея исключили из Арда и взяли под стражу. Должен был состояться суд. Король потребовал, чтобы он проводился в столице. Поэтому в Деспин отправили конвой, сопровождавший твоего отца, Трин. Спеша выполнить повеление Ламона, выбрали дорогу через горы, чтобы существенно сократить путь.

Именно там была совершена вторая попытка избавиться от Дэнвея. Боясь, что на суде правда откроется, либо сами Синхелм и Фергас, либо кто-то из их отцов подкупили конвоиров. Заключение на время лишало магической силы, поэтому справиться с ним несложно. Но вновь вмешалась судьба. Той же тропой следовал торговый обоз, показавшийся отличной добычей для разбойников из клана йерийцев. Посчитали так и томаринцы, с которыми враждовали местные. Никто не желал делить добычу, и завязался бой.

Йерийцы не щадят никого. Грабя, они убивают всех, даже если в этом нет особой необходимости. Такова их мерзкая суть. Я не оправдываю свои действия или своих товарищей. Но томаринцы чтят свой кодекс. Мы убиваем, лишь защищаясь. Нам нужна добыча, а не чужая жизнь. Некоторые из обозников взяли с собой семьи. И бой принял иной оборот. Мой старший брат Калваг пытался защитить женщин и детей. Твоему отцу удалось освободиться, и он присоединился к нам. Дэнвей не мог использовать силу из-за ее блокады, но и так сражался достойно. Он был серьезно ранен, и после окончания боя Калваг велел забрать его в лагерь.

Тогда мы посчитали его простым преступником, который ждал суда. Никто из нас не обладал и

капель магии. Потому сами не додумались освободить Дэнвея от артефакта, лишавшего его силы. Рана была тяжелой. Он долгое время не приходил в себя. Многие считали, что скоро боги приберут его душу. Но Сария верила. Всегда верила. Ухаживала за ним. Полюбила того, чьего имени не знала.

А как-то в бреду Дэнвей попытался сорвать крепившийся на шее артефакт. Сария рискнула снять его. А затем успела выбежать из хижины. Все сгорело. Дотла. Как факел. Все решили, что чужаку конец. Но он выжил. На наших глазах буквально восстал из этого пепелища. Так и получил имя Броз.

Вернуться он не мог. Сердце отца не выдержало, и он уже покинул этот мир. А мать была очень слаба. Дэнвей тайно проник в собственный замок, в Томарин. Успел проститься с нею. Бедняжка ушла спокойно, зная, что единственный сын жив. И тогда Дэнвей исчез окончательно. Появился томаринец Броз. Остался с нами в клане. Взял в жены Сарию, которая подарила нам тебя, Трин. Ты родилась на рассвете, в тот день, когда яльмары сбрасывают свои лепестки, зажигая томаринский лес. Твой отец всегда говорил, что сама природа празднует твое рождение. И пусть это было недолгое время, но он был счастлив. А затем пришла война...

Яр умолк, оттянул душивший его ворот чужой рубашки. Был бледен как тень, что только усиливали темные синяки. Говорить о годах войны с вердианцами он не хотел. Не хотел вновь беречь раны. Ни свои, ни Трин. Но должен завершить свой рассказ, чтобы закончить с этим.

– Никто из клана не знал настоящего имени Дэнвея. Только мой брат, а впоследствии и я. Для всех он был Броз. Стал нашим вожаком. Вел нас в бой. Мы пытались помочь близлежащим деревням. Прятали в лесах детей и женщин, поскольку вердианцы выжигали все дотла. На защиту Валмира и окрестных земель были присланы королевские войска. С ними прибыл и «бессмертный отряд» Синхелма. Люди уже слагали легенды о его подвигах. Воспевали убийцу. Что хотели видеть, то и получали. Броз приказал поддержать войска, поскольку леса принадлежали нам. Эту территорию никто не знал лучше нас. И я не собираюсь утверждать, что всякий воин короля был подлецом или трусом. Это были достойные воины. И мы сражались достойно.

Пока в один роковой день Синхелм не узнал под маской Дэнвея. Он объявил своим людям, что мы предали их. Что напали первыми. Что мы могли противопоставить огнетворцам? Синхелм не знал, кому еще была известна правда о том, кто такой Дэнвей. Боясь разоблачения, он приказал уничтожить всех, кто мог стать свидетелем. Всех... Твой отец был силен и бесстрашен. Но старая рана всегда давала о себе знать. Враг оказался сильнее... Он сделал все, что мог. Я хочу, чтобы ты знала об этом, Трин. Твой отец сделал все, что мог.

– Я знаю, – глухо произнесла она.

– Выжить удалось только мне и Калвагу. Только мы знали правду. Пусть никто не станет слушать разбойников. Наш голос не имеет силы. Но ты будешь знать, что Райан Дэнвей не был убийцей и предателем. Он был достойным человеком. И погиб как герой. Позже я отведу тебя на могилу родителей, Трин.

– Так имя Дэнвея – Райан? – Она поднялась с кресла, чувствуя, как заколотилось сердце в груди.

– Верно, – кивнул Яр.

– Все звали его лишь по фамилии. Но Райан Дэнвей... Инициалы... – Трин почувствовала, что задыхается. – Р. Д. – это его инициалы.

– О чем ты говоришь? – придержал ее за руку Кристиан, когда она бросилась к двери.

– Пожалуйста! Я должна увидеть его! – Трин высвободилась, выбежав из комнаты в коридор. – Должна увидеть его...

Глава 48

Эти шаги он узнал бы из тысячи... Бежала по коридору, затем по ступенькам лестницы. Сбивалось дыхание... Опять попала в неприятности? Или спешила поделиться радостью? Задать вопрос, на который он мог ответить только мысленно? Или просто бежала мимо, убегая или догоняя, но всегда неизменно улыбаясь ему или махая рукой.

Шаги замерли за его спиной, и Лейтон, стоявший в пустом зале у лестницы, понял, что в этот раз шла к нему. А стоило обернуться, как понял и причину.

Трин остановилась возле него, не говоря ни слова, будто также утратила эту возможность. Глаза говорили за нее, наполняясь горьким огнем и горячими слезами. Сдерживать их не стала, казалось, что даже не замечала, как те бежали по щекам.

Поняла. Знала. Была ли зла за ложь? Испытывала отвращение к его облику? Простит ли за то, что тогда не справился? Он хотел бы спросить. И слова едва не срывались с губ. Но прекрасно понимал, что и так нарушил договор с некромантом, обратившим его ардовским умаем. Вот и сейчас, не в силах совладать с чувствами, нарушал очередной запрет...

Глядя на стоящий перед нею призрак, Трин решила протянуть руку и коснуться его лица. Будто повинуюсь неизвестной ей магии, свечение вокруг умая бледнело, таяло, являя истинный облик. Тот же образ, единственный, который она сейчас помнила. Волосы падали спутанными прядями на лоб, скрывая подсохшую рану. Лицо покрыто гарью, только карие глаза так знакомо наливались теплым светом, словно мужчина действительно был жив. Одежда в пепле и потемневшей крови. Он был так реален сейчас. И так хотелось, касаясь его лица, стереть эту кровь, эту гать. Стереть все.

– Как я могла быть так слепа? В тот день я поклялась, что никогда не забуду. Но не сдержала слово. Не призвала врага к ответу. Все эти годы твоя душа не знала покоя, потому что жаждала справедливости. Но я клянусь...

Лейтон поднял руки к ее лицу, прерывая слова. Вынудил закрыть глаза и провел по мокрым векам большими пальцами, стирая слезы. А когда Трин вновь посмотрела на него, перед ней уже стоял призрак, объятый безмятежным сиянием.

– Я виновата.

Он отрицательно покачал головой, глядя ее волосы, и даже улыбнулся.

– Я отомщу за тебя. За всех нас...

Снова отмел ее обещания, давая понять, что не желает мести. Взял за запястья, где уже проступали знаки, пробуждая силу. Воздух нагрелся вокруг них, показывая, как была полна ненависти Трин.

– Как же иначе? – в отчаянии спросила она. – Фемир Синхелм должен ответить за все. И ответит!

– Ответит, дитя, – прозвучал за спиной тихий незнакомый голос. – Каждый, кто согрешил, ответит. Перед судом человеческим или перед богами. Но ни один отец не пожелает своему ребенку сгореть от мести. Уж поверь мне.

Трин обернулась и натолкнулась на пронзительный взгляд темно-серых глаз. Этот человек будто сошел с портрета, не так давно виденного ею. И в каждом движении, несмотря на то что мужчина опирался на трость, угадывалась былая стать и твердость. Он был красив, этот старик. И так похож на внука. Или Кристиан похож на него? Трин растерялась, не ожидая увидеть в академии бывшего ректора. Она склонила голову, приветствуя Деверукса. И лихорадочно пыталась подобрать слова, но так и не нашла, что сказать. Разве что-то банальное...

– Здравствуйте, каэль Рэйван.

– Здравствуй, дитя.

Его взгляд изучал Трин, казалось, смотрел в самую душу. Уголок губ дрогнул, но некромант ничего не добавил к короткому приветствию. Деверукс посмотрел на умаю, стоящего рядом с нею.

– Рад видеть тебя, друг мой, – обратился он к Лейтону.

Умаю почтительно поклонился.

– Свет твоей души ярок. Так будь благоразумен.

– Что вы имеете в виду? – вмешалась Трин.

- Умай должен быть нем. Безлик. Должен служить во благо, не раскрывая себя и не являя истинный облик. Таковы правила. И они прекрасно тебе известны, Лейтон. И как только нарушишь последнее - исчезнешь, - невозмутимо произнес Деверукс, будто читал простые правила устава академии, а не говорил о судьбе чьей-то души. - Ты вновь рискуешь стать неприкаянным духом и скитаться по свету. И я не в силах буду помочь тебе. Увы.

Лейтон вновь склонил голову. Он знал. И слова звучали так знакомо. Ведь совсем недавно внук Деверукса предостерегал его о том же.

- Мертвые не должны привязываться к живым. А живые - к мертвым. - Некромант посмотрел на Трин. - Таков порядок, юная каэли. Таковы правила. Остался последний пункт договора. И если, нарушив его, душа не готова будет уйти - итог ты знаешь.

Трость глухо стучала о каменный пол, когда Деверукс оставил их в зале, уходя по коридору. Старик прихрамывал, но спину держал ровно.

- Он сказал правду? - Трин посмотрела на отца.

Лейтон нехотя кивнул. Глаза дочери стали ярче.

- Значит, если ты заговоришь...

Он опустил руку на ее плечо, тепло пожимая. Снова улыбнулся.

- Твоя душа должна найти упокоевание. Кто, как не ты, заслужил этого? Кто, как не ты? - В порыве чувств Трин обняла отца, прижимаясь к его груди щекой.

Мягкое свечение окутало ее, отгородив от всего мира. Лейтон обнял ее, убаюкивая в своих руках. Пусть это продлится недолгий миг, но столько лет ожидания стоили того. И уставшая душа его благодарила Деверукса Рэйвана за этот дар. За его веру. У скольких мертвецов в этом мире есть подобный шанс? Кто-то зовет некромантов детьми Смерти. Но именно сейчас, благодаря их магии, Лейтон чувствовал себя как никогда живым.

Присутствие родной крови он ощутил, едва Деверукс вошел в замок. И вот теперь дед приближался к его двери. Тихий стук трости Кристиан слышал отчетливо благодаря острому слуху. Так же тихо стучало и сердце в его груди. Надо же... В этот раз он не вскипал от одной мысли о встрече с дедом. Скорее ощущал интерес. Деверукс явился раньше, чем его ждали, и просто не мог успеть получить письмо, отправленное ему в столицу. Значит, отправляясь в Ард, он еще не знал о женитьбе единственного внука? Или доложил кто-то из шпионов, которого не удалось выявить? Да и какая сейчас разница?

Деверукс вошел без стука, застав внука сидящим за рабочим столом. Кристиан не поднялся, чтоб приветствовать родственника. Только поглядел на него поверх очередной кипы бумаг, которую держал в руках.

- Как опрометчиво с твоей стороны, - сдержанно произнес он. - Не боишься, что заставлю остаться?

- Не боишься, что заставлю уйти? - тем же тоном спросил Деверукс, тяжело опускаясь в кресло напротив внука.

- Зачем ты здесь? - Кристиан отложил документы. - Мое письмо ты не получил. Так в чем дело?

- Твое - не получил, - неспешно подтвердил дед.

Он оперся обеими руками на трость, та блеснула серебряной инкрустацией.

- Зорик, - сухо усмехнулся Кристиан. - Что ж, ты опоздал. Как всегда, впрочем. Брак заключен. Моя часть договора выполнена. И Харланд теперь принадлежит мне.

Удивления на лице Деверукса он не заметил. Скорее усталость, которую дед пытался скрыть. И нога наверняка ныла, напоминая о старом ранении. Но держался в кресле так, будто король, сидевший на троне.

- Твоя жена горит желанием убить Фемира Синхелма. Она настроена решительно.

Серые глаза некроманта потемнели. А губы вновь дрогнули, будто Деверукс сдерживал улыбку. Что само по себе было явлением, невероятным для Кристиана.

Вечерело... За окном распелись птицы. Слышался шелест листвы, далекие голоса студентов, вышедших во двор. В воздухе пахло цветами, росшими на клумбах под окнами. Что-то было не так.

Но что? Это смущало и настораживало.

Возможно, причина была в них обоих? Не рвалась тьма с цепи, не окутывало холодом и не ослепляло яростью. Ни одна бумажка не истлела на его столе. И он до сих пор не повысил голос, как, собственно, и Деверукс. Кажется, некоторое удивление скользнуло по лицу деда, тут же тая и оставляя привычную невозмутимость.

– Ты виделся с Трин? – Кристиан поднялся с кресла.

– Можно и так сказать. – Деверукс неспешно встал следом за ним и прошелся по кабинету.

– О чем вы говорили? Я не позволю причинить ей вред. Предупреждаю тебя. В ее жизни было достаточно негодяев.

– Из всех возможных претенденток ты выбрал именно ее. Назло мне? Или тут иной расчет? Сплетни имеют свойство распространяться, как зараза. Весь Деспин гудел о том, что единственная дочь любимца короля оказалась приемной.

– Это не имеет значения для меня, – сухо отозвался Кристиан.

– Имеет значение все, что касается имени Рэйванов. Имеет значение все, что ты делаешь. Каждый твой шаг. Все имеет свои последствия. – Деверукс остановился у окна, глядя во двор. – Интересно было, как ты поступишь. Ты посмел рисковать головой, споря с Ламоном. Ради этой девочки? Мне захотелось лучше узнать это дитя.

– У тебя нет причин узнавать ее, – холодно произнес Кристиан.

Ну вот... Сила вновь пробуждалась, рисуя черные узоры на коже. Видел Кристиан проступивший рисунок и на шее Деверукса. Но дед с завидной быстротой укротил собственную стихию, стирая все знаки.

– Она моя единственная невестка. И теперь принадлежит к нашему роду.

– Я еще раз говорю, что договор между нами исполнен. И ни я, ни тем более Трин не станем играть в твои игры. Довольно, Деверукс. Можешь тешить свое самолюбие, считая, что я проиграл. Что подчинился твоей воле. Я здесь, в этом кабинете. В этом проклятом месте. Ты добился своего. Все остальное оставь мне. Предупреждаю тебя... – В кабинете похолодало. Даже слишком. Увяли оставшиеся букеты, принесенные студентками, осыпаясь прахом на ковер.

– Удивительно, – задумчиво проговорил Деверукс. – Столько лет ты защищал мертвые камни, сражался за Харланд, который мне порой хотелось сжечь дотла. И впервые хочешь сохранить то, что живо. Этой девочке за такое короткое время удалось то, на что безуспешно были потрачены целые годы.

– Деверукс!

– Сегодня я узнал, что привязал договором к Арду душу отца Трин. Разве не удивительное совпадение? И совсем недавно Трин клялась ему, что Синхелм ответит за свои преступления. Во время этого разговора я и застал их.

– Лейтон... – Кристиан тяжело вздохнул, прислоняясь спиной к стене у окна.

– По какой причине Трин желает смерти приемному отцу? Что натворил этот человек, чтобы ненависть дочери стала так велика?

– Я не собираюсь обсуждать это с тобой, Деверукс.

– А я не позволю навредить роду Рэйванов и ввести его в опалу. – Вмешалась и сила Деверукса, оплетая тьмой кабинет. – И ты прекрасно знаешь это, Кристиан. Твоя жена пылает ненавистью к любимцу короля. И собирается мстить. Ты понимаешь, к чему это приведет. Но я не позволю свершиться этому. Возможно, я смогу помочь, если расскажешь подробнее. Прими это как свадебный подарок.

– Поможешь? Я не верю ни единому твоему слову, – сдерживая негодование, проговорил Кристиан. – Мне хватило прошлого твоего представления. И ты не приблизишься к Трин. Мою месть ты не переживешь, поверь. Так что не смей снова использовать меня или ее, Деверукс.

Но что-то было другое во взгляде деда в этот раз. Он действительно собрался помочь? Или же снова втянет в очередную ловушку? Будет ли глупостью поддаться на его слова? Но некромант готов был говорить и с демонами из вечной огненной Темрасс, лишь бы помочь Трин.

– Синхелм не предстанет перед судом, если будет подано прошение королю. Ламон слеп, –

игнорируя угрозы внука, проговорил Деверукс.

– Я это прекрасно знаю.

– Если преступление его велико, единственный способ добиться наказания...

– Публичное признание Синхелма. Я знаю, – договорил за него Кристиан. – И думаю об этом.

– Он замешан в смерти Лейтона? – прямо спросил Деверукс.

И понял, что не ошибся, по выражению лица внука.

– И не только его, – признался Кристиан. – На руках этого человека много крови. Но ни один свидетель не будет выслушан королем. В этом ты прав.

– Одного Ламон выслушает.

– Ты веришь, что Синхелм сам сдастся? – скептически посмотрел на него Рэйван.

– Пожалуй, оставим споры до лучших времен, – предложил Деверукс. – У меня есть план. Но он тебе не понравится.

Глава 49

Ему не понравилось все. Включая испуганный взгляд Трин. Хотелось укрыть ее, уверить, что обязательно придумают что-нибудь иное. Но почувствовал, как Лейтон опустил руку на его плечо, едва пожимая. Он кивнул, подтверждая, что согласен с предложенным Деверуксом планом.

– Я вернусь в столицу с приятными новостями, – принялся излагать план Рэйван-старший. – Попрошу аудиенции у короля. Расскажу ему о заключенном ранее договоре с Синхелмом. И о вашем недавнем союзе. О том, что дочь его любимого генерала и мой единственный внук, ректор королевской академии, теперь муж и жена. Ламону будет сказано, что на предстоящем балу вы хотите заявить о себе и сделать сюрприз отцу. Поэтому очень хотели бы, чтобы Фемир Синхелм присутствовал на первом балу дочери и лично узнал о счастливом событии. Я понимаю, что может не получиться. Но все же считаю, что Ламон не выдержит и велит Синхелму явиться в Ард. Он обожает подобные представления. Не устоит. Но есть одно существенное «но»...

– Если он не сознается, то жертва моего отца будет напрасной, – вмешалась Трин.

– Душа Райана Дэнвея не может упокоиться из-за страха за безопасность дочери, оставшейся в руках убийцы. И из-за своей несправедливой смерти. Ты освободилась от Синхелма. И это дало твоему отцу надежду на упокоевание. Осталось добиться признания убийцы. Заставить его говорить. Чтобы наказать виновных и отпустить душу Райана, – ответил ей Деверукс.

– Но для этого ему придется нарушить договор, заключенный с вами.

– Да. Именно так. Синхелм проигнорирует обвинения, высказанные его воспитанницей или зятем. Даже мною. Он привык жить во лжи. Поэтому более разумным будет участие Райана. Твой отец согласен рискнуть. Полагаю, что стоит довериться ему. Все эти годы он винил себя за то, что не справился тогда. Что не успел. Что не был достаточно силен. Что не оправдал доверия... – Голос Деверукса дрогнул.

Сейчас Кристиан задумался, говорил ли дед о Лейтоне или же о себе самом. Винил себя за то, что не успел в тот проклятый год? Что не спас свою семью? Хотел бы иметь возможность исправить хоть что-то? Так говорила ему Зорик. Была ли сестра права?

– Этот шанс необходим твоему отцу. Потому поддержи его, как и подобает доброй дочери, – наставительным тоном произнес Деверукс. – На балу будет присутствовать много гостей. Много родителей студентов. И я договорюсь еще кое с кем. Постараюсь убедить его приехать. Пусть и неофициально.

– Кого? – спросил Кристиан, машинально вставая между дедом и женой.

– Королевского советника Виберта Бранта, – сказал Деверукс, сдержав улыбку, когда увидел, как внук пытался оградить Трин от его общества. – Он не менее заинтересованное лицо. Отец должен знать, кто истинный убийца его сына. А точнее, убийцы. Королю, при всей благосклонности к Синхелму, придется признать его вину, доказанную при стольких свидетелях. То же самое касается и участия во всем случившемся Эрвига Фергаса. Душа, на которой невинная кровь, никогда не сможет войти умаем в Ард. Это неопровержимое доказательство невинности Райана Дэнвея, с которого мы и начнем. Я покину академию сегодня же. Тебе, Кристиан, останется лишь завершить приготовления к балу и ждать решения короля. Будем верить в лучший исход. Кстати, куда делась Вильят?

– Приболела, – ответил Кристиан. – Поэтому решила немного отдохнуть и поправить здоровье. Сейчас навещает семью.

– Вильят? Перед балом? – с сомнением посмотрел на него Деверукс.

– Так и есть.

– Селма решила взвалить организацию бала на тебя? – Дед конечно же догадался о блестящем плане проректора. – Справишься?

– Что ты там говорил о поддержке, Деверукс? – сухо напомнил Кристиан. – Впору самому прислушаться к своим же словам. Как и подобает доброму деду. Или не справишься?

Трин перевела взгляд с мужа на его пожилую копию. Почему эти двое просто не могли сказать друг другу, что все будет хорошо? Пусть даже сомневались. Что им оставалось, кроме веры?

Когда разговор в кабинете Кристиана был окончен, пришлось отправиться на занятия. Благо сегодня все они проходили в основном замке и не нужно лететь в корпус боевых магов. А когда завершились и они, смогла вернуться в свою комнату в общежитии. Ивон присоединилась к ней с

некоторым опозданием, она буквально светилась от радости, что немного передалось и Трин. Даже Зиль приподнялся на спинке кровати, но лишь разочарованно фыркнул, вновь удобнее устроиваясь и закрывая глаза.

– Сегодня ты счастлива. Что тому виной?

Ивон покружилась по комнате и сделала изящный реверанс.

– Наконец доставили платье из Деспина! – восторженно сообщила подруга. – Скоро я смогу надеть его и ослепить всех присутствующих на балу.

– Даже не сомневаюсь в этом, – поддержала ее Трин.

– Велика ли радость оказаться в толпе слепцов? – слышалось за открытым окном.

– Убирайся, пока цел! – велела Ивон Шагриму, устроившемуся на подоконнике. – Какое невезение – получить комнату на первом этаже! Нужно потребовать заменить на третий. Или...

– Думаешь, что сможешь там спрятаться, Лейвр? – Ухмылка Талла стала шире.

– Думаю, что оттуда тебе будет больнее приземляться! – пригрозила она.

Что ж... Обычное вечернее приветствие этой парочки. Таким странным способом оба пытались сказать друг другу, что скучали и рады видеть. Вот чудные... Трин покачала головой, опускаясь на свою постель и устроиваясь удобнее. Слушая болтовню товарищей, она потянулась к подушке и вытащила спрятанный под нею старый свиток. Бережно развернула его, в который раз любуясь портретом.

Дорогая мама... Все, что осталось у нее сейчас в память о ней, – это поблекший рисунок, сделанный отцом. Каждая линия так живо передавала образ Сарии. И вновь казалось, что еще мгновение – и она, глядевшая на куске холста куда-то в сторону, сейчас обернется. Легкая улыбка касалась губ матери, а мягкие пряди едва выходящих волос обрамляли лицо. Трин запомнила каждую линию, каждый штрих, пытаясь оживить образ в своей памяти. И верила, что однажды так и будет. Однажды мать обернется к ней, улыбнется, пусть только в бесценных воспоминаниях. Надо только верить.

Не спали они до полуночи. Даже когда удалось выгнать надоеду Шагрима. Все потому, что Ивон не терпелось примерить обновку и продемонстрировать платье подруге. Пришлось помогать с тугим корсетом и завязывать бесконечное количество лент. Нежно-голубое платье было Ивон к лицу. Она кружила по комнате, придерживая длинные сверкающие юбки. Время от времени шипела на Зилья, вздумавшего хватать ее за трепетавшие в танце ленты.

– Скорее бы! – наконец остановилась Ивон, восторженно глядя на Трин. – Скорее бы бал!

– Ждать осталось не так долго. Потерпи немного. – Трин зевнула, прикрываясь ладонью. – Все, я – спать. Иначе завтра буду трупом.

– Эй! – возмутилась подруга, когда ее оставили одну в комнате, отправляясь в ванную. – А кто поможет снять платье?

Зиль ощерился ядовитой ухмылкой. Поднял лапу, демонстрируя сверкающие лезвия когтей, таким образом предлагая свои услуги Ивон.

– Только посмей, – прищурилась она, глядя на наглого фамильяра. – Я знаю имя твоего создателя.

Когти сверкнули и были втянуты. Но кончик хвоста все же дотронулся до невесомой ткани платья, тем самым давая некоторое удовлетворение марагу.

Когда вернулась из ванной комнаты Трин, она смиловилась над подругой и помогла ей снять платье. Затем забралась под одеяло и наконец-то дала уставшему телу возможность немного расслабиться. Свет был погашен, и комната наполнилась бледным сиянием тонкой луны, которая пыталась заглянуть в приоткрытое окно. Сон пришел к Трин, завершая бесконечно долгий день.

– Опять ты заснула здесь, – тихо, едва слышно прозвучал голос.

Трин не проснулась толком, не понимая, чем была недовольна Ивон. Потом поняла, что голос принадлежал вовсе не подруге.

– Трин...

Теперь она слышала и тихий шелест листьев. Повернулась, открыла глаза и с восторгом увидела, как над нею сверкали яркой крошкой звезды. Чьи-то руки гладили ее волосы.

- Опять босиком...

Те же руки касались ее босых ног, таких маленьких, что умещались даже в ладонях матери. Матери... Первой Трин увидела улыбку. Мягкость волос, которые при свете полной луны казались серебряными. И взгляд. Полный тепла. Сария склонилась к дочери, лежащей на стволе огромного поваленного дерева, и коснулась губами ее лба.

- Давай останемся здесь, - прозвучал собственный голос Трин.

Детский, непривычный, полный восторга.

- Уговорила.

- И отец будет нас искать.

- Непременно.

- И будет сердиться.

- Да.

- Но долго не сможет.

- Это точно. - Сария снова принялась перебирать длинные пряди волос Трин, убаюкивая ее.

Где-то недалеко горел костер, разведенный в лагере. И слышались тихие голоса и смех. Они успокаивали. Как и песня матери.

Ветер, ветер тихо шепчет, Колыбель твою качая. Сон за хвост хватая крепче, Свою песню напевает...

Сария заплетала косу дочери, устроившись на шершавом стволе рядом с нею, и продолжала свою колыбельную.

Ветер, ветер пахнет пряно, Ночь умолкшую остудит. Ты с зарею встанешь рано, Солнца свет тебя разбудит. Спи, дитя, спи безмятежно, Я с тобой останусь ветром, В летний зной, зимою снежной Буду песней, буду светом...

Глава 50

Уже который день в Белом зале гостила зима. Украсила высокие окна и стеклянные двери морозным кружевом. Легла пушистым снегом на подоконниках. Белые флоксии распустили свои великолепные бутоны, наполняя огромный зал тонким ароматом.

Чудесные ледяные статуи замерли между окнами и зеркалами, будто ожидая, когда явятся гости. Серебристо-белые шторы придавали впечатление реального присутствия зимы. Как и пол, с помощью очередного заклинания создававший иллюзию настоящего льда, который сверкал под ногами, но не давал поскользнуться.

Магия стихийников воздуха и воды творила свое чудо, заканчивая готовить зал для предстоящего бала. Почетное право быть ответственной за оформление досталось третьекурснице Айлин Хоттем, выбравшей темой любимую ею зиму. И теперь Белый зал блистал, соблазняя прикоснуться к снегу или льду – зачарованному, оттого и не холодному. Не тающему, пока не повелят те, кто наложил чары.

Не было предела счастью Ивон, которая, как оказалось, выбрала идеально подходящий к зимней теме наряд. Ведь нежно-голубой так чудесно шел к белому. Ее серебристые волосы украшала тонкая диадема, сверкавшая прозрачными камнями. И подруга не могла устоять на месте в ожидании момента, когда объявят о начале бала. Вечером. Уже сегодня вечером. Всего через пару часов. И праздник продлится до рассвета, давая возможность юным каэли наконец убрать подальше надоевшую форму и показать себя во всей красе.

Трин посмотрела на свое отражение в зеркале. Наручи надеть не могла, и оставалось надеяться, что сила не вздумает доставить ей какие-то проблемы. Волосы оставила распущенными, позволяя прядям укрыть спину и плечи. Платье, подаренное Кристианом, оказалось впору. Оно струилось, буквально стекало по ее телу всполохами мягкого пламени длинных юбок. Золотистая ткань рукавов казалась невесомой, полупрозрачной, словно паутина. Непривычный корсет, мешавший толком дышать, был расшит в тон медовыми камнями эмерита. От волнения глаза Трин приобрели тот же оттенок.

– Ты очень красива, – поддержала ее Ивон, останавливаясь рядом. – Рэйвану понравится.

Понравится... Сегодня Трин хотелось понравиться не только мужу. Был еще один дорогой человек, благословение которого желала получить. Он должен увидеть ее такой. Хоть раз. Увидеть, что уроки не прошли даром. И поддержать, когда придется принять руку мужа, открывая бал в первом танце. Отец должен увидеть ее такой.

Видя настроение подруги, Трин испытала укол совести. Сегодня они собираются испортить бал... Деверукс вернулся из столицы еще на рассвете. Был молчалив и велел ждать. Ожидание – единственное, что им оставалось. И еще вера.

Количество стражей увеличили, что объяснялось присутствием многочисленных именитых гостей. Получили особые указания и все умаи, на этот раз подчиняясь воле своего создателя Деверукса. Именно они подадут сигнал, когда явится главный гость. А также в случае, если Фергасу вздумается покинуть замок.

До начала бала оставалось немного времени, и Трин покинула шумную подругу, отправляясь к лестнице, где привыкла встречаться с Лейтоном. Ее ждали. И это согревало сердце. Трин приказала себе не думать о том, что произойдет вскоре. Приказала уже давно, с того самого дня, когда решили принять план Деверукса. Она будет улыбаться отцу. И будет радоваться каждой минуте, проведенной рядом.

Он не увидит ее слез и ее печали. Вот и сейчас, спускаясь по ступеням и придерживая струящийся подол платья, она улыбалась. Лейтон галантно поклонился и протянул руку, предлагая принять его поддержку. Трин сошла с последней ступеньки на каменный пол зала. Она покружилась перед отцом.

– Я сама на себя не похожа. Верно? Тебе нравится? – взволнованно спросила она.

Лейтон кивнул, и его свечение стало ярче, вторя чувствам. «Ты прекрасна», – говорил его взгляд.

– Скоро нужно будет идти, – с горечью вздохнула Трин, подходя к умаю ближе и вновь обнимая.

Ладонь отца коснулась ее волос, с теплом погладила их.

– Его все еще нет. Думаешь, Деверуксу удалось убедить короля? – Трин посмотрела на Лейтона.

Он согласно кивнул в ответ.

– Ты знаешь... – Она внезапно ощутила, что глаза все же увлажнились. – Я так волнуюсь. В первый раз всегда страшно, верно? Все будут смотреть на меня. Обсуждать. Осуждать. Я так боюсь, что споткнусь в самый неподходящий момент и опозорю Кристиана. И что буду нелепа. И что разочарую всех. Это так глупо – думать сейчас об этом! Но я не могу остановить поток мыслей в своей голове. Хэйл правду говорит – там у меня сквозняк...

Она взяла отца за руку и прижала его светящуюся ладонь к своей щеке.

– Это так... на удачу. Я постараюсь. Изю всех сил.

Он верил, отвечая взглядом, благословлял и поддерживал, хотя и без слов. Трин понимала это, собираясь с духом. Она справится. И никого не подведет. Не сейчас. Не сегодня.

– Я все ищю тебя! – воскликнула наверху лестницы Ивон. – Время! Поепешим, Трин.

Лейтон улыбнулся ей, кивком веля идти за подругой. Пришлось нехотя подчиниться, позволяя Ивон увлечь себя к Белому залу.

Двери его приветственно распахнуты, приглашая окунуться в атмосферу зимнего вечера. Звучала легкая музыка, слышался смех, в большей части притворный, но призванный соблазнить стоящего рядом с каэли собеседника. Разноцветные платья студенток походили на ожившие цветы, так ярко выделявшиеся на фоне серебристо-белого великолепия.

Стоило войти, как к ним немедленно присоединился Талл. Этим вечером инрэйг был как никогда элегантен, даже удосужился избавиться от синяков.

– Сегодня я в компании самых прекрасных каэли, – полился мед с его губ.

– Лестец! – Ивон изящно прикоснулась к волосам, проверяя, не вздумали ли зачарованные пряди подвести ее не вовремя.

Трин поискала взглядом Кристиана. Муж стоял в компании преподавателей академии. В черных одеждах, расшитых серебром, он казался Трин самым прекрасным мужчиной из всех присутствующих. Нет. Из всех существующих...

Гости всё прибывали, и практически все были незнакомы ей. Кивая в ответ на болтовню Ивон, Трин украдкой поглядывала на входные двери. Могло ли быть, что Синхелм отказался подчиниться королю? Или смог соврать нечто, заставившее Ламона позволить ему не явиться на бал? Или нарочно опаздывал? Она чувствовала, как дрожали от волнения руки. Нет. Она должна быть спокойна. Все будет хорошо. Все получится. Надо просто верить...

Высматривал гостя и Деверукс. Он стоял, заложив руки за спину и оставив где-то свою трость. Все эти голоса, смех и обилие ярких красок нарядов утомляли. Вдобавок ко всему нога разнылась к вечеру. Но Деверукс не собирался ковылять и кряхтеть, как перед последним вздохом, радуя добрую половину тех, кто сегодня собрался в зале. Не дождутся.

За Фергасом, который сейчас стоял среди преподавателей, уже вели наблюдение. Получили особое распоряжение и его люди, наряду с теми, кого прислал внук. Никуда он не денется, даже если попытается сбежать. Дальше крыльца не ступит. Будто предчувствуя что-то, декан нервно озирался, попивая вино из бокала.

Зорик прошла мимо него, и плечи мага заметно расслабились. Почувствовав воздействие магии, Фергас обернулся, встречаясь с взглядом рыжеволосой инрэйг. Хитро улыбаясь, женщина подмигнула ему и приложилась к своему бокалу, проходя дальше по залу. Давай, пей больше и ни о чем не заботься до нужного времени... Все, что могла, она сейчас сделала, выбирая удобное место, откуда была отлично видна часть зала, предназначенная для танцев.

Приветственную речь внука Деверукс слушал, стоя у одной из колонн в бесконечно длинном пустом коридоре, неподалеку от Белого зала. Лейтон приблизился к нему, как и условились.

– Благодаря связи с умами, я узнаю, когда Синхелм явится, – глядя в зал, проговорил Рэйван-старший. – А он явится, поверь. Не только у моего внука есть голова, которой можно поклясться нашему светлейшему монарху. Верно? Да, я так и не сообщил Кристиану весь план. Знаем только мы с тобой. И теперь пути назад нет. Так сделаем же это, друг мой...

Глава 51

- Да ты красotka, Синхелм! - с видом знатока заявил принарядившийся Гай.

- Ты только глянь... - протянул довольно Раду. - А в форме-то и не скажешь! Как прятала все это?

Он обвел указательными пальцами в воздухе силуэт одноклассницы.

- И в форме было ясно, что Синхелм красotka, - вступился Ян.

- Прекрасно выглядишь, - присоединился к комплиментам сдержанный Тео.

- Благодарю, - отозвалась Трин, пунцовая от смущения и окруженная толпой оживившихся мальчишек.

Поверх плеча Димера она смогла разглядеть Кристиана. Взгляд мужа потемнел и говорил о многом. Особенно о том, что думал о компании окруживших ее надоедливых поклонников.

Некстати вздумал объявиться и Зиль, который теперь усердно пытался скрести когтями по ледяному полу. Противный скрежет едва не заглушал звучащую музыку. Трин тихо пригрозила фамилльяру жестокой расправой и велела исчезнуть. Либо устроиться где-нибудь на подоконнике и не мешать живым радоваться вечеру.

- Откуда у тебя это платье? - послышался рядом знакомый голос. Повеяло могильным холодом.

Трин вздохнула, вынужденно обернувшись к подошедшей Дель.

- Почему ты в этом платье? - с неподдельным изумлением снова спросила некромантка. - Почему?

- Потому что оно идет Синхелм, - проворчал Ян, вступившись за одноклассницу.

- Чего шипишь здесь? - присоединился к товарищу Димер, загораживая Трин спиной.

Боги... Трин попыталась отодвинуть его, но безуспешно.

- Прочь! - тихо зашипела Дель, все еще не теряя надежды получить ответ на свой вопрос.

Откуда взялось платье на этой безродной сиротке? Ведь его выбрал Кристиан. Выбрал... Разве оно не должно быть у той инрэйг? У Маркар! Дыхание Дель сбилось. Кристиан ведь покупал его для Маркар. Она сама видела, как они миловались у ректорского кабинета. Разве не ее называл «солнцем»? Не мог же говорить так о Синхелм? Не мог. Нет. Он не мог предпочесть ей эту девушку...

Пока разбиралась с лихорадочно бегающими мыслями, она не заметила, как осталась за спинами охраняющих Трин друзей. Вы только гляньте, как встали! Словно стена. От бессилия Дель нервно сминала тонкую ткань серебристого платья. Вдобавок ко всему, закончив с речью, Рэйван направился с белоснежного помоста в ее сторону. Улыбался. Улыбался так восхитительно. И смотрел, казалось, именно на нее.

Этого не может быть. Сейчас он должен выбрать пару для первого танца. Так же, как выбирал в прошлом году. Дель прекрасно помнила, как Кристиан остановился перед ней и, слегка склонив голову, протянул руку. Неужели все сейчас повторится? Он одумался? Понял свою ошибку? Дель настолько увлеклась, гадая, что не заметила, как ректор уже остановился, и действительно совсем рядом.

- Сегодня мой выбор не случаен. И прошу простить нам это своеволие, - заговорил Рэйван, все еще улыбаясь.

Стоя перед Трин, он смотрел на нее с высоты своего роста, любясь нежным румянцем смущения на ее лице. Охрану жены проигнорировал, ею займется позже. Сейчас для него существовала только Трин.

- Сегодня я прошу оказать мне честь и открыть бал первым танцем ту, кого имел счастье назвать женой. - Он протянул руку Трин.

Слышал, как зашелестели голоса в зале, раздалось удивленное аханье и тихий ропот. Плевать... Трин улыбнулась в ответ и храбро вложила свою руку в его ладонь. И в какой-то момент весь зал опустел, словно повинувшись некой магии. Кристиан повел жену в центр зала и поклонился ей. Трин, вспоминая, чему учил отец, ответила реверансом. Вновь завладев одной ее рукой, Кристиан привлек к себе, удерживая за талию.

- Просто смотри на меня, - произнес совсем тихо, так, что слышала только она. - Все будет хорошо.

– Я знаю.

Трин не собиралась отводить взгляд. Были ли причины для этого? На это лицо она могла смотреть бесконечно. Но руки ее все же дрожали, а дыхание прерывалось. Справившись с волнением, Трин опустила свободную руку немного ниже плеча Кристиана, как и следовало для начала танца.

– Ты прекрасна. – Губ некроманта коснулась улыбка.

В полной тишине зала зазвучала музыка. И Кристиан повел, легко кружа жену в танце. Повинуясь магии стихийников, откуда-то сверху, будто с неба, стал идти легкий снег. Сверкающие снежинки кружились, вторя лившейся мелодии и движениям танцующей пары. Касались лица, волос, ложились мягким пухом на зачарованный ледяной пол, чтобы затем исчезнуть.

Магия... конечно, магия. Но сейчас Трин была счастлива. До сих пор она отчаянно боялась споткнуться или неловко повторить какое-то движение. Но прекрасная музыка влекла ее, как и крепкие руки Кристиана, которые бережно ее держали. Эти мгновения принадлежали только им двоим. И никто никогда не сможет украсть ее чудесных воспоминаний об этом танце...

Трин кружилась в мягком восторге золотых искр, исходивших от ее наряда. Словно огненный цветок, вздумавший распуститься посреди зимы. Вопреки непогоде. Кристиану казалось, что сейчас он держал в руках прозрачное искрящееся пламя. Огонек свечи, способный согреть его одним своим присутствием, проникая до самой души, освещая каждый уголок ее, изгоняя холодную тьму.

Наблюдая у колонны за их танцем, Лейтон улыбнулся. Возможно, это действительно его последняя ночь на земле. И это будет великолепным окончанием его пути. Прекрасным последним воспоминанием. И надеждой, что однажды Томарин вновь оживет и обретет свое сердце – последнюю из рода Дэнвеев.

Закончив танец, Кристиан не отпустил Трин, даже когда музыка вновь зазвучала, приглашая к продолжению бала. Видел, как поворачивались головы студенток, пытавшихся разглядеть его и жену, когда шли в центр зала со своими партнерами. Слышал, как продолжали тихо обсуждать новость прибывшие гости Арда. И стоило отметить, что принята она была все же положительнее, чем ожидал. И разве могло быть иначе? Его жена восхитительна...

– Боги, – салютовал ему своим бокалом Хэйл. – Подумать только! Как неожиданно... Мои поздравления.

Кристиан посмотрел на него скептически. Веселился за их счет? Хорошо хоть у кого-то отличное настроение. Пришлось выслушать пожелания счастья и от других коллег, а затем и родителей студентов, пожелавших принести свои поздравления молодоженам. Кристиан машинально кивал, улыбался, что-то отвечал в ответ, но продолжал следить за залом. Тот расцветал раз за разом, когда звучала музыка и юные воспитанницы академии принимались кружить в платьях всевозможных расцветок.

Видя, как превратился в статую Шагрим, Ивон нетерпеливо вздохнула и даже притопнула ногой, что никто конечно же не заметил под длинными юбками.

– Подбери-ка челюсть, цветочек! – Она пальцем надавила на подбородок Талла, вынуждая его закрыть рот.

– Нет... – ошеломленно пробормотал Шагрим, по-прежнему не сводя глаз с Трин и ректора.

– Да! – настояла Ивон. – Смирись наконец. Они – муж и жена.

– Но он – ректор.

– И что? Теперь и не мужчина?

– Да... То есть нет, – вздохнул Талл. – Но как это вообще возможно? Невероятно. Трин и Рэйван. Рэйван и Трин...

– Она счастливица, – заявила Ивон. – А вот одна прекраснейшая каэли вынуждена страдать на таком чудесном балу. А знаешь, как она мечтала оказаться здесь? Бедняжка... Неужели ее красота так и увянет среди этого льда и снега?

– Интересно, кто же эта несчастная? – поддразнил Талл.

Но, заметив, как оживились идеально собранные в прическу пряди подруги, прикусил язык. Следующий танец точно за ним. И пусть только «прекраснейшая каэли» попробует отказать...

Меж тем бал снова был ненадолго прерван очередным объявлением. На небольшом помосте, специально оборудованном по такому случаю, Рэйван пригласил подняться к нему коротышку

Тэусса и Гарса. Глядя на преподавателя, Ивон расцвела улыбкой. В белых одеждах Гарс так походил на снежного принца! Об этом и сообщила Шагриму, не замечая, как потемнел при ее словах его медовый взгляд.

- Нет в нем ничего особенного.

- Он талантливейший артефактор. И по праву будет считаться преемником профессора.

Скрипя зубами, вынужден был сообщить об этом всем присутствующим сам Тэусс. Он заставил себя улыбаться, хотя тощая борода его тряслась от сдержанного с трудом раздражения. Рэйван в свою очередь поздравил Гарса. А также довел до всеобщего сведения счастливую новость о том, что торжественным пинком под старый зад отправят на отдых профессора... Зал поддержал новости аплодисментами, а затем вновь наполнился музыкой и взволнованными голосами.

- Знаешь, - начал Шагрим, видя, что собираются объявить очередной танец, - как-то мне довелось узнать историю об одной несчастной красавице. Всеми брошенной и мечтавшей хотя бы об одном танце на балу.

- Да ну? - насторожилась Ивон.

- Бедняжка была такой жалкой среди всеобщего веселья, она буквально увядала, как сорванный цветок.

- Да ну?

Тон голоса подруги предостерег Талла от дальнейших попыток подшучивать над нею. Но каков же был соблазн...

- И вот, когда она была в совершеннейшем отчаянии, явился он.

- Он? Кто? - глянула на него Ивон.

- Он был прекрасен, как солнечный день. Хитер, как тысяча демонов.

- Прямо тысяча? - недоверчиво осведомилась подруга.

- И храбр, как...

- Несчастливая красавица согласна!

Ивон приподнялась на цыпочки и быстро поцеловала его, прерывая поток восхваления своего великолепия.

- Согласна?... - замирая от неожиданности, пробормотал Шагрим.

- Она согласна подарить ему танец, - нетерпеливо объявила Ивон. - Музыка. Чего же мы ждем?

Усмехнувшись, Талл принял ее руку и коснулся губами тонких пальцев.

- Действительно, зачем же ждать?

Глава 52

Небо уже принялось менять цвет, становясь прозрачнее, когда он заставил себя переступить порог замка. Была б его воля – никогда не вернулся бы в этот город. И уж тем более в Ард. Но приказу короля вынужденно подчинился. Он ненавидел в Валмире все, от нудного сладкого запаха цветущих в это время садов до раздражающего визга носившихся детей. Босых, перепачканных грязью до такой степени, что впору и родным запутаться, где тот, что им нужен.

И академия... Ее стены давили его. Она окликала старым эхо, хотя казалось, что он находился в полной тишине. Нет, где-то вдали, в другой части замка, играла музыка. Проклятый бал...

Шел, как по раскаленным углям, словно увязал в трясине. Заставлял и заставлял себя сделать следующий шаг. Он не был здесь с того года. С того самого, когда принял поздравления с окончанием академии. И поклялся себе, что никогда более не переступит этот порог. И вот он здесь...

В одном из приглушенно освещенных коридоров зазвенели старые доспехи, и шлем покатился по полу, отчего Синхелм вздрогнул. И тут же разозлился на самого себя. Какого хаоса? Он сходит с ума? Это старье стоит здесь с тех лет, когда еще он учился, а то и дольше. Но нервы последние дни были на пределе, в этом мог сам себе признаться. Нет, он не собирался встречаться или говорить с Фергасом. Не собирался тратить время, принимая поздравления от гостей Арда. Не собирался задерживаться здесь даже на лишнее мгновение. Поэтому и пришел почти к самому окончанию бала. Приказ короля он исполнил. А велено только явиться и разделить радостное событие. И все. Радостное...

Мальчишка Деверукса все же справился с договором. Похвально. Но мог бы и раньше. Не было б тогда этой ненавистной необходимости. И не стали нужны какие-либо оправдания перед Ламоном. Но венценосный идиот просто не позволил бы ему поступить иначе.

Синхелм верил, что все было под контролем. Все под контролем. Всегда. Конечно же всегда! Каждый шаг. Каждое действие. Он всегда знал, что делал. Всегда поступал верно. Все было оправдано. Все...

Шелест голосов за спиной заставил резко обернуться. В коридоре было пусто. Ну конечно же... Все пороки юности просыпаются под покровом ночи. Наверняка студенты прячутся по темным углам, пока не попались на глаза преподавателям.

Но в жар почему-то кинуло, вынуждая рубашку липнуть к спине. Почему здесь так жарко? Синхелм глянул на окна. Все заперты. Появилось желание подойти и открыть их. Во рту пересохло. А руки, наоборот, вспотели. Да что происходит?

Синхелм шел дальше, понимая, что будто нарочно выбирал самый длинный путь к Белому залу. Но давно уже должен добраться до него. Что за ерунда?... Прошел по очередному этажу, кидая взгляд на череду закрытых дверей аудиторий. Зачем он здесь? Ведь нужно идти в другую часть замка. Одна дверь... Вторая... Все знакомые таблички на них. Половина имен осталась все та же, и они вызывали совсем лишние воспоминания. Нет. Их нет. Прошлое осталось в прошлом. А мертвое мертво. Он не позволит Арду смутить свой разум.

«Долго же ты шел...» – донеслось до него очередное эхо. Или звучало лишь в его сознании? Синхелм ускорил шаг. Коридор. Снова коридор. Он не кончался, и казалось, что бродил по кругу. Магия? Нет, это просто нервы. Глупость. Нелепость. Или чья-то сотворенная иллюзия? Проклятый Ард так пропитался магией, что невозможно определить, где игра собственного воображения, а где присутствие чужой силы.

Нет. Его совесть молчала. Молчала по праву искупления. Да, он давно получил искупление. Столько лет служил королевству и его народу... Все, что он делал, – все ради короны. Ради королевства. Разве не его должны благодарить за победу? Разве не он в годы войны стал надеждой? Он принес мир в Камеладер. Так отчего же должен склонять голову и беспокоиться о душе? Он – герой.

«Убийца...» – шептало эхо.

– Ложь! – не выдержал Синхелм, оборачиваясь в одном из проходных залов.

Вспыхнувший взгляд встретился с отражением в огромном зеркале, занимавшем весь простенок между окнами. Встретился, но не узнал. Его не было, будто кто-то стер отражение, явив взамен черный силуэт, само воплощение тьмы. Только глаза горели огнем, глядя прямо в душу.

– Кто ты? – пробормотал Синхелм, чувствуя, как лоб покрыла испарина.

Жарко. Становилось слишком жарко. Не хватало воздуха. Он должен был идти. Прочь. Во двор. Подальше от ненавистой академии.

«Ты сам знаешь ответ...» – отозвалось эхо.

Нет. Он не знал. Не знал, мотая тяжелой головой. Но черты черного демона становились все отчетливее, заставляя сердце глухо стучать в груди.

«Ты знаешь ответ...» – снова слышал он, глядя на того, кто, наверное, уже в прошлой жизни был ему другом. Братом.

– Нет. Тебя нет! – резко отмахнулся Синхелм, отпрянув от зеркала.

Отвернулся, торопливо уходя и не замечая, как таяло, исчезая, отражение. Знал же... Знал! Не нужно было приходить сюда. Стоило придумать что-нибудь. Солгать. Оправдаться. В прошлый раз происходило нечто похожее. Тогда, на выпускном балу... Но в тот день он винил во всем свое опьянение. Сейчас же был трезв. Слушая эхо собственных шагов, Синхелм шел и шел вперед. Один коридор сменялся другим. Этаж за этажом. Бесконечные лестницы. Расстегнул уже вторую или третью пуговицу на рубашке, задыхаясь и взмокнув. Жарко, как в огненной вечной Темрасс. Он почти отчаялся, когда наконец понял, что достиг нужного крыла замка, где находился Белый зал. Уже слышал музыку, видел яркий свет сверкающих люстр. Осталось пересечь коридор, пройти мимо десятков колон, как мимо молчаливого строя, и он у цели.

Но стоило сделать следующий шаг, как пол под ногами пошел трещинами. Разламывался, как льдины на реке по весне. Воздух прогрелся так, что обжигал легкие. Из каждой трещины стал подниматься черный туман, клубясь, принимал устрашающие очертания. Будто уродливые демоны высвобождались из вечного плена и выбирались в мир живых. Хватали за ноги, тянули лапы к нему, взывали, вынуждая зажимать руками уши.

– Довольно! – выкрикнул Синхелм, пошатнувшись, словно опять был пьян.

Отравлен. Проклят. Да, это происки врагов. Враги повсюду... Они добрались до него. Так и есть, все это действие чар. Просто нужно не поддаваться им. Он в безопасности. Он в замке. Кругом люди... Щит! Ему необходимо выставить щит...

Синхелм взмахнул рукой, пытаясь активировать защиту. Но вместо этого вспыхнуло пламя. Жаркое, ослепляющее. Оно заполнило все вокруг, вырывалось из трещин в полу, обратившемся черной выжженной землей. Обнимало колонны, которые тоже меняли свои очертания. Изгибались, поднимали к тревожному, непонятно откуда взявшемуся небу черные обугленные руки-ветви. Будто взывали в немой молитве к богам. Но не были услышаны.

Клубился дым, закрывал обзор, не давал вдохнуть. Заходясь кашлем и пытаясь закрыть лицо рукавом, Синхелм шурился, вглядываясь в даль. Кто-то шел. Не торопясь, бесшумно. Шел по лесу, охваченному агонией. Но не страшился ни огня, ни треска падающих деревьев. Уже не страшился. Ибо был мертв. Это Синхелм твердо знал. Человек, появившийся перед ним в седом дыму, был мертв. Мертв и забыт. Стерт... И не существовало ни горящего огнем взгляда, смотревшего в его душу. Ни окровавленных одежд от оставленных его мечом ран. И той, смертельной, что алела на рубашке, заставляя отводить глаза. Все иллюзия. Происки врагов. Но как могли узнать? Откуда? Ведь не осталось ни одного. Никого, кто выжил бы. Кроме одной.

– Проклятое дитя... – бормотал Синхелм.

И проклят был он, решив подобрать девчонку в том лесу. Неужели она всему виной? Вспомнила? Смогла преодолеть морок? Не может такого быть.

– Здравствуй, брат. Так мы звали друг друга. Помнишь? – произнес стоящий перед ним человек.

Или был он демоном, испытывающим его? Наверняка так и есть. Ибо едва заговорил, как тонкие сверкающие трещины принялись проступать на почерневшем от гари лице и руках там, где они не были прикрыты рваной рубашкой. Будто пламя, едва сдерживаемое внутри его, пыталось вырваться наружу, разрушить хрупкую оболочку и поглотить его, Фемира, добраться до живой плоти.

– Тебя нет, – непослушным голосом проговорил Синхелм и отступил на шаг.

– Я перед тобой. – Райан не сдвинулся с места, наблюдая за действиями своего убийцы.

– Тебя нет! Не осталось и пепла! И памяти! Все это – ложь!

– Так что же тогда правда, Фемир? – спросил призрак.

– Тебе не смутить мой разум! Ты не получишь мою душу!

- Ты давно утратил ее, брат мой. В тот далекий день, когда впервые забрал жизнь.

- Нет...

- Ты так долго жил во лжи, что и сам стал верить в нее, Фемир. Вся твоя жизнь – ложь.

- Нет!

- Тогда я не успел сказать тебе, что Арис Брант согласился молчать. Я смог убедить его в тот день. В башне. Убедил, что ты не желал зла. Что ты шел за мечтой. Что лишь ошибся в способе, поддался соблазну.

- Нет! – Глаза Синхелма округлились. Легкие обожгло горячим воздухом, и он отмахнулся от призрака. – Нет! Ты лжешь! Лжешь!

- Арис был добряком. Он поверил. Пожалел. Он ждал тебя. И улыбался тебе. В тот день. Ты помнишь, Фемир? – продолжал Райан, и слова жгли сильнее стихии, полыхавшей вокруг. – Но ты уже принял решение. Сделал свой выбор.

- Он сам виноват, – замотал головой Синхелм. – Сам.

- Верно, – согласился призрак. – Он стоял на твоём пути. Он знал правду. Потому и был виновен. Как и я.

- Ты должен был... Должен! – яростно ткнул пальцем Синхелм, указывая на него.

- Я должен был смириться. Верно. Ведь все, что ты делал, было во благо.

- Да... – безумевшим взглядом посмотрел на него Синхелм. – Ты должен был просто явиться на суд. Ламон – дурак! Верит всему. Он сохранил бы тебе жизнь. Тебе просто нужно было убедить его, что это несчастный случай. Все знали, что ты не мог контролировать свою силу. Только должен был явиться к королю. Сослали бы, и все... Казни бы не было... Ты сам виноват. Только ты.

- Верно, – эхом согласился Райан, стоя посреди полыхавшего призрачного леса. – Но никто не собирался давать конвою возможность добраться до столицы. Так ведь, Фемир? Ты бы не позволил. Все во благо.

- Все во благо... – вторил ему Синхелм.

- Арис Брант. Райан Дэнвей. И все остальные души, павшие от твоей руки в Томарине, – все они преграждали путь. Твой путь. Великий путь. – Трещины на его лице стали ярче.

- Я сделал это для своего народа! – выкрикнул Синхелм в жажде оправдаться перед восставшим мертвецом. – Я не мог пойти под суд, когда враг наступал! Только я мог защитить королевство! Я! А ты был угрозой. И ты, и Брант! Все. И угроза была ликвидирована. Как и должно. Я поступил верно. Это была оправданная жертва! Мертвые должны оставаться мертвыми! Я все сделал верно.

Глава 53

Тишину в Белом зале нарушали лишь два голоса. Давно смолкла музыка, и казалось, что присутствующие затаили дыхание, не сдвинувшись с места, и наблюдали за происходящим. Удерживая Трин за руку выше локтя, Кристиан и сам сейчас не сводил глаз с центра огромного заснеженного зала. Негодование вскипало в нем жаркими волнами, но некромант прекрасно понимал, по какой причине Деверукс умолчал о подобном вмешательстве. Но и Лейтон! Когда он успел договориться с дедом?

– Я – твоё проклятие, Фемир. И память о тех днях никогда не отпустит тебя. Я буду следовать за тобой, куда бы ни пошел. В твоих мыслях. В твоих снах. В твоём отражении. Я буду стоять у твоего изголовья, слушая, как последний вздох покидает твоё тело. И последним, что ты увидишь перед смертью, будет моё лицо, – звучал спокойный голос Райана, надеявшегося, что хватит сил завершить все до того, как он исчезнет. Скоро рассвет...

– Нет... – мотал и мотал головой Синхелм. – Ты – мертв! Тебя нет!

– Ты так уверен в этом?

– Я убил тебя... Я убил тебя... И пепла не осталось. Поэтому – исчезни! Прочь! Прочь!

Тенью стоял неподалеку седовласый Виберт Брант. Старик держался с вызывавшим уважение достоинством, наблюдая за агонией истинного убийцы своего единственного сына.

С другой стороны, у приоткрытой двери, темнела фигура в длинной накидке. Лица дальнего ведьмака Кристиан не мог видеть. Низко надвинутый капюшон скрывал его от посторонних глаз. Но и ни к чему это. И так прекрасно был осведомлен в том, что незваный гость служил королю. Сильнейший морок, наведенный на Синхелма, наверняка его рук дело. Никто лучше дальцев не владел этой магией.

Рэйван подумал, что владеет он ведьмачьей силой, то навеки оставил бы пресловутого героя королевства под его воздействием. Так же, как и Синхелм искалечил в своё время душу Трин. Но у дальца был иной приказ. И морок пал, отпуская разум убийцы.

Тишина была оглушающей, и ничего, кроме своего прерывистого дыхания, Синхелм не слышал. Не хотел слышать. И не хотел видеть, ослепленный неожиданной белизной зимы, охватившей зал. Он не был в лесу. Стоял посреди Белого зала. Окруженный теми, кто слышал каждое слово. Теми, кто никогда не должен узнать правду. Теми, для кого он до конца должен оставаться спасителем. Героем. Великим Фемиром Синхелмом. Освободителем Камеладера...

И зло охватило его. Жгучее, нестерпимое, оно выжигало руны на коже и призывало огонь. Ненависть к посмевавшему заманить в позорную ловушку была так велика, что полностью завладела Синхелмом. Но пол дрогнул под ногами, а звон люстр и зеркал, грозящих разлететься на тысячи осколков, отрезвил его. Синхелм обернулся, слыша за спиной шаги. И теперь смотрел только на человека в простой накидке, шедшего по залу среди расступавшихся гостей. Он остановился неподалеку от Синхелма и скинул капюшон. Ропот прошел по залу, и все присутствующие склонили головы, приветствуя своего правителя.

Ламон не смотрел на подданных, будто сейчас находился один на один со своим генералом. Пол все продолжал дрожать и пульсировать. Многочисленные зеркала и стекла пошли опасными трещинами. Тем не менее король не был в ярости, не был зол. Сейчас, глядя на него, Трин будто видела себя со стороны. Разочарование. Горечь предательства. Это читалось на лице Ламона. Это то, что чувствовала и она, когда узнала правду.

А затем горечь сменилась безразличием, когда Синхелм протянул руку, будто и в самом деле мог коснуться венценосного гостя. Ламон знал... Знал, когда отправлялся сюда из Деспина. Знал правду все время, когда отсутствовал Деверукс. Наверное, только это спасло Ард от разрушения и позволило королю совладать с чувствами, держась с таким величием.

– Остался ли кто-то в этом мире, кого ты не предал, Фемир?

– Мой король... Это всё ложь! Происки врагов!

Ламон стремительно вскинул руку, обрывая слова генерала. Повинуясь этому жесту, в зал вбежали стражи, ожидавшие знака короля.

– Я дарю тебе посмертное помилование, мятежная душа, – произнес правитель, глядя на молчаливого Райана. – Поскольку предстоит тебе увидеть последний рассвет, милостью нашей озвучиваю повеление немедля.

Ламон гордо поднял голову, и темная корона блеснула в его волосах.

– Пред всеми присутствующими в зале, ставшими невольными свидетелями, повелеваю! Даровать посмертное оправдание Райану Дэнвею – сыну Аркела Дэнвея, ранее обвиняемого в убийстве Ариса Бранта. Повелеваю! Считать Трин Синхелм, ныне – Трин Рэйван, кровной дочерью Райана Дэнвея, с полноправной претензией на наследование рода и земель Томарина. Повелеваю! На основании личного признания Фемира Синхелма и соучастия Фергаса Эрвига в совершенном убийстве заключить обоих под стражу для окончательного вынесения приговора в Деспине.

– Мой король! – снова воззвал к нему Синхелм, падая на колени. – Мой король! После стольких лет... После стольких лет верной службы... Я ведь сделал это для своего народа! Я все сделал верно... Мой король...

– Твой король ведь так глуп! – Губы Ламона презрительно изогнулись, когда он посмотрел на белого как снег подданного. – Поэтому ты будешь осужден перед народом Камеладера. На главной площади Деспина. Как безродный смертный. Лишенный всех званий и титулов. Как предатель и убийца. И твой жалкий сообщник разделит твою участь.

Король едва глянул на бывшего декана боевого факультета Арда, пытавшегося освободиться от уводивших его стражей. Фергас все выкрикивал проклятия в адрес Синхелма, тщетно силясь разглядеть его за рядом гостей. Никто не посмел прервать короля или обернуться вслед за арестованными, выведенными из зала. Сплетни, слухи, невероятные новости еще долго будут греметь в королевстве. Но сейчас каждый из присутствующих гостей молчал.

Глядя, как рассвет окрасил горизонт алыми красками, Ламон обернулся, обращаясь к Трин:

– Я, Ламон Великолепный, благословением светлейшей Лейны король Камеладера, принимаю благодарность Трин Рэйван за бесконечную доброту и мудрость принятого мною решения. И моим величайшим благословением позволяю проститься с отцом.

На этот раз в голосе правителя не было ни привычного пафоса, ни негодования. Пусть и говорил, как обычно, восхваляя себя, но Трин прекрасно поняла, какие чувства Ламон на самом деле хотел передать. И была благодарна.

Рука Кристиана разжалась, отпуская руку девушки. И Трин пошла вперед, не чувствуя ни чужих взглядов, ни чьего-либо присутствия в зале. Спешила она, спешило и солнце, будто соревнуясь с нею. Ей так хотелось остановить время! Но она прекрасно знала, что его всегда будет мало. Она должна отпустить. Должна позволить раненой душе упокоиться, исцелиться в царстве светлой Лейны. Там, где отец сможет наконец встретиться с матерью.

– Прощай, друг мой, – тихо проговорил Деверукс, стоя рядом с внуком. – Прощай...

При звуках его голоса у Кристиана сжималось сердце, а глаза наполнялись горячей влагой, словно у мальчишки, которым был когда-то. Он шумно вздохнул, веля себе обратиться камнем. И тогда ощутил, как рука Деверукса опустилась на его плечо. Без слов, даже не глядя на внука, оставляя ему чувства, что он испытывал.

Трин приблизилась к отцу, боясь коснуться его и разрушить хрупкую оболочку ума, покрытую сверкающими трещинами. Глядела на него огромными глазами, полными слез, понимая, что ни единого слова не сможет произнести. Райан сам протянул руку и прижал ладонь к ее щеке. Улыбнулся как всегда. Улыбнулся, позволяя дочери запомнить его именно таким.

– Моя Трин, – прозвучал дорогой голос, проникая в самое сердце. – Моя дорогая Трин...

Золотом вспыхивали окна под первыми лучами поднимавшегося солнца. И птицы в саду своей песней приветствовали новый день. Новый рассвет. Коснулся он своей благодатью и ума, развеивая остатки тьмы разорванного заклинания. Оболочка опадала прахом, осыпалась под руками Трин, поддавшейся порыву и обнявшей отца. Заклучая ее в сверкающие объятия, душа освобождалась, являя свой истинный облик.

Стирались кровь и пепел, стирались раны, наполняя тело Райана легкостью и светом. Трин смотрела на отца, впервые видя его таким – свободным от гари и ссадин. Смотрела и пыталась запомнить каждую черту. Плакала, но не могла остановить поток слез. Пусть. Это не важно сейчас.

– В день, когда ты родилась, цвели яльмары. Я помню этот день. Помню, как впервые взял тебя на руки. Помню каждый миг. И я благодарен богам за счастье узнать, какой прекрасной женщиной ты стала. Ты всегда была нашей радостью. Нашим сердцем. – Райан с нежностью вытер слезы на ее щеках. – Скоро яльмары зацветут вновь, Трин. Это будет твой истинный день рождения. Я надеюсь, что в этот день ты вернешься в Томарин. Ты и Кристиан.

– Я клянусь тебе, что так и будет. Я сделаю это. Клянусь!

– Я люблю тебя, – вновь улыбнулся Райан, чувствуя, что миг прощания настал.

– Я люблю тебя... – эхом повторила Трин, глядя, как все ярче охватывало свечение силуэт отца.

Райан склонился к ней и коснулся губами лба. Его фигура постепенно таяла, исчезая в первых лучах солнца.

– Моя Трин... – донеслись до нее последние слова.

Когда Кристиан подошел к ней и обнял за плечи, Трин вздрогнула, будто очнувшись. Прекрасно зная, что жена чувствовала сейчас, Рэйван держал ее крепко, согревая своим теплом. Без слов. Она и так все понимала.

– В объятиях светлой Лейны да объединятся тосковавшие сердца и да упокоятся скорбящие души, – прозвучал в тихом зале голос короля.

Глава 54

Трин никогда не была в Деспине. И первое впечатление сложилось не самое лучшее, поскольку пришлось посетить суд. Фемир Синхелм до последнего отрицал свою вину, ссылаясь на жертву во имя народа Камеладера. Не покался даже на помосте, перед своей казнью...

Когда же с этим было покончено и волнения понемногу улеглись, пришлось принять наследство, встретившись с Самусом Элфэром. Приходился он Трин дядей и ранее считался владельцем Томарина. Смущаясь и плохо скрывая свою радость от возможности избавиться от проблемного наследства, Элфер долго выражал соболезнования, вытирая лоб платком. Затем дрожащей рукой расписался на бесценном свитке и торопливо откланялся, не желая задерживаться возле объявившейся родственницы. Что в принципе Трин вполне устраивало.

Теперь предстояло возвратиться в Валмир, распрощавшись с шумной столицей. И не только с ней. Стоя во дворе дома, принадлежавшего Рэйванам, Трин наблюдала за тем, как приближались к крыльцу Кристиан и Деверукс. Шли молча, и о многом говорил тот факт, что они находились рядом и до сих пор не проклинали друг друга...

Дорожное платье шло его жене. И была она премилой в своей легкой задумчивости, стоя у широких каменных ступеней. В волосах Трин Кристиан заметил бабушкину заколку. Деверукс недавно подарил ее по случаю предстоящего дня рождения. Признал невестку. Хотя и был скуп на слова. Как всегда.

- Итак, ты останешься здесь. - Кристиан остановился возле крыльца, глядя на деда.

- Да, - подтвердил Деверукс, опираясь на трость. - Вы двое наделали столько шума в Деспине, что эта волна еще не скоро уляжется. Поэтому дел хватит.

- Спасибо за все, что вы сделали. - Трин приблизилась к нему, уже слыша, как подъезжал экипаж. - Ваша помощь бесценна.

- Я знаю. - Деверукс вновь по привычке приподнял подбородок, однако взгляд потеплел при словах невестки.

- Не вздумай ввязаться еще во что-нибудь, мальчишка! - сурово повелел дед, и трость глухо стукнула о камни, которыми был вымощен двор.

- Не вздумай помереть, пока не поддержишь на руках правнука, - тем же тоном ответил Кристиан, помогая Трин подняться в экипаж.

- Может, и не помру. - Деверукс провожал внука взглядом, пока тот открывал дверцу экипажа со своей стороны.

- Не волнуйся, - заверил Рэйван-младший. - Если помрешь, я призову тебя умаем. Будешь полировать полы в Арде.

- Негодный мальчишка! - усмехнулся старый некромант, наблюдая за тем, как экипаж направлялся к открытым воротам. - Да хранят вас боги.

- Я горжусь тобой. - Трин поправила рукав темно-зеленого платья.

С удовольствием бы надела привычные штаны и куртку, но следовало блюсти приличия. Иначе сплетни о дикарке, ректорской жене, разлетятся по всему Деспину, а затем эхом прокатятся и по дворцу. Испытывать терпение Ламона совершенно не хотелось. Так же, как и лишний раз встречаться с его Великолепным величеством.

- И чем же я заслужил эту гордость, Спичка? - спросил Кристиан, усаживаясь напротив нее.

- Ты ни разу не поссорился с дедом, пока мы были в столице.

- На это не было времени.

- Я очень рада.

Он только улыбнулся в ответ. Дорога предстояла долгая. Но разве это имело значение? Добраться до Томарина надеялись ко дню рождения Трин, как она и обещала отцу. Они впервые посетят замок, и она сможет почтить могилу родителей. Кристиан надеялся, что новые впечатления помогут ей вспомнить. И эти воспоминания окажутся светлыми. А если нет, то у них впереди вся жизнь, чтобы получить новые.

А потом снова придется вернуться в Ард. Трин - наверстывать пропущенные занятия. А ему -

переворачивать вверх дном академию в поисках счастливиц на освободившиеся должности. Необходимо в срочном порядке искать нового преподавателя боевой магии, поскольку без него остались группы, которые курировал Фергас. Назначить нового декана, а также и проректора ввиду того, что Вильянт отказалась возвращаться в Ард. Сослалась на слабость сердца и пошатнувшееся здоровье. Боялась, что не выдержит, учитывая происходящее в академии в последнее время. Настаивать никто не стал.

Кристиан подался к Трин и взял ее за руку. Пальцы ее были теплыми, но слегка дрожали.

– Волнуешься? – спросил он, сильнее сжимая ладонь жены.

– Да, – честно призналась Трин. – Но это нормально, верно?

– Верно. Впервые за столько лет ты возвращаешься домой.

– И я буду там не одна. – Она тепло посмотрела на Кристиана.

– Не одна. Больше никогда не будешь одна, – заверил он, и слова звучали крепче клятвы, не оставляя сомнений. – Посетим Томарин, а на первых каникулах я собираюсь отвезти тебя в Харланд. И представить всем как его хозяйку.

Трин кивнула, надеясь наконец познакомиться с землей, которая подарила ей мужа. И почтить память его родителей.

Удача сопутствовала путешественникам, дождь лишь раз застал их в дороге, не испортив ее настолько, чтобы пришлось задержаться. Яр и его молчаливая подруга Хельга присоединились к ним, когда они уже подъезжали к Томарину. Трин порадовалась, что названный брат уже не походил на призрак, имея возможность исцелить свои раны. Только печать на шее напоминала о случившемся ранее. И весьма возмущала своим наличием томаринца. Легко ли смириться, когда знаешь, какую власть имел над ним некромант! Один щелчок пальцев – и его нет. Но благодарность за спасение была слишком велика. И Яр понимал это, только изредка искоса поглядывая на Кристиана.

Трин наконец смогла переодеться в удобные штаны и рубашку, следуя на коне за Яром, указывавшим им путь. В Томаринский лес они въехали на рассвете, ощущая сладковатый запах цветущих яльмаров. Будто приветствуя хозяйку, деревья склоняли темные ветви. Роняли яркие лепестки, устилая землю алым ковром. Утренний свежий ветер подхватывал их, кружа по дороге, где следовали путники. Осыпал одежду и волосы. Раскрашивал просыпавшийся лес.

– Мы почти на месте, – предупредил Яр, придерживая своего коня. – Нужно пройти немного по левую руку, и ты увидишь его.

Собираясь посетить могилу родителей, Трин остановила коня и спешила. Она обернулась к Кристиану. Он кивнул, отпуская ее побыть наедине с отцом и матерью. А сам отдал новые распоряжения Виру, находившемуся рядом с ним.

Трин огляделась в лесу, понимая, что все действительно было так, как в ее воспоминании. Крохотном, но таком дорогом. Разулась, как и тогда, много лет назад, и босые ноги ступили на шелковый цветочный ковер. Аромат его был сладок и кружил голову. Отец велел быть смелее, и она сделала шаг. А затем еще и еще. В ту пору он улыбался ей и протягивал руку. И Трин улыбнулась, чувствуя, как грудь наполняется теплом и тихой радостью. Она дома. Наконец-то дома.

«Смотри, сама природа празднует с тобой и освещает твой путь. Каждым лепестком и всем своим светом. Ступай же, не боясь. Шаг за шагом...» – так говорил отец. И она никогда не забудет этих слов.

Трин прошла немного вперед, затем свернула с основной дороги, как и велел Яр. Густая тень укрывала землю. Невысокое дерево склоняло изогнутые ветви так, словно пыталось спрятать могильный камень от посторонних взглядов. Но Трин заметила его. Разве могло быть иначе? Она подошла ближе и протянула руку, сметая со светлого камня яркие лепестки. Ничем не примечательный, лишь несколько высеченных слов, сейчас едва заметных. Трин провела по ним пальцами, ощущая неглубокие бороздки. «Храбрые сердцем – бессмертны».

Верно. Они будут бессмертны в памяти тех, кем любимы. И Калваг, брат Яра, начертавший эти слова, был прав. Трин снова опустила руку на прохладный камень.

– Я вернулась. Я иду домой. Сегодня я иду домой. Это лучший подарок, который можно получить в день своего рождения. Благодарю за него.

Прощаясь, Трин вернулась к дороге, где ее ожидали. Усевшись в седло, она позволила Яру вести их дальше, к горам и таившемуся в дикой зелени лесов томаринскому замку. Добрались лишь к вечеру.

Заросшие плющом ворота открылись с трудом, впуская путников. Дорога почти скрылась под зеленым травяным ковром. Росшие и у замка яльмары добавляли свои краски, осыпаясь и шелестя листвой на ветру.

Встретил их только старик-управляющий. Такой древний, что походил на беспокойный дух, со всклокоченными седыми волосами и бородой и бесформенными одеждами. К тому же он оказался туговат на оба уха, и Яру выпала незавидная участь объяснять, кто они и зачем явились. И от объяснений этих птицы снимались с деревьев и испуганно уносились прочь. Хельга только качала головой, поглаживая шею своей лошади и не думая помогать другу. Оставив томаринца кричать на деда и жарко жестикулировать при этом, Трин и Кристиан вошли в замок.

В нижнем зале горел камин, видимо растопленный управляющим. Старый седой пес грелся у огня. Завидев гостей, он едва приподнял голову, лежащую на лапах, и тихо гавкнул. Посчитал, что исполнил свой долг, и вновь улегся.

Кристиан взял Трин за руку и повел к лестнице, ведущей на второй этаж замка. Закат золотил окна, рисуя тени на полу и стенах. Тихо... Как в зачарованной обители, ждавшей, когда явится тот, кто снимет заклятие забвенья. Этот дом оживет. Непременно. Трин поклялась себе в этом. Кристиан не позволил Яру вернуться к разбойникам, поскольку публично выкупил его под собственную ответственность. Но и не собирался держать при себе, зная свободолюбие томаринца. Кто лучше годится на роль хранителя замка? И любимый лес рядом...

Замечая в одном из залов выход на широкую террасу, Трин увлекла за собой Кристиана. Стоило толкнуть створки дверей, как теплый вечерний ветер ворвался в зал, колыхая шторы. Каменный пол террасы был усыпан лепестками, и Трин прошла по ним, подходя к ограждению. Громкий голос брата был слышен на всю округу. Надо отметить тот факт, что не тише отвечал ему и управляющий. Хельга же занялась тем, что оживляла засохший плющ, оплетающий светлые стены башен замка. Вир, отведя лошадей на конюшню, решил составить компанию рыжей разбойнице, довольно улыбаясь и протягивая сорванный где-то по дороге цветок. И в следующий момент получил кулаком под ребра от Яра, велевшего идти и заниматься лошадьми. Наблюдая за происходящим внизу, Кристиан привлек Трин к себе, заключая жену в объятия.

– Кажется, тихо здесь уже не будет, – усмехнулся он.

– Здесь и так слишком долго было тихо, – ответила она, умолкая, когда Кристиан коснулся губ поцелуем.

«Дорогой отец, мама... – мысленно обратилась Трин. – Там, в объятиях светлейшей Лейны, вы наблюдаете за мной. Я знаю. Так разделите же мою радость. Сегодня рядом со мной любимый муж, брат. Те, кто стали моей семьей, разделяя горечь и радость. Плечом к плечу. Сердцем к сердцу. И ваша дочь счастлива, поскольку любима. Поскольку может быть самой собой, идти за своей мечтой и никогда не сдаваться. Самой вершить свою судьбу. Это и есть счастье – знать, кто ты есть».

Впереди долгий путь. И он только начинается.

Эпилог

День выдался теплым, солнечным. Пожалуй, даже жарким. Манили к себе тенью и прохладой каменные беседки, обвитые плющом. Но сейчас до них не добраться. Пришлось оставить кланкеи и выстроиться на тренировочной площадке перед центральным зданием корпуса боевого факультета.

Неподалеку возвышались потемневшие от времени статуи – воины, опираясь на свои каменные мечи. Как уже удалось узнать, они являлись самыми старыми артефактами в академии и служили для обеспечения безопасности, разграничивая места проведения тренировок. Подчиняясь командам преподавателей, статуи передвигались по границам площадок на нужное расстояние, активируя щит.

Занятия только начались, и едва завершилось распределение по группам. Первый курс. Предстояло узнать и открыть для себя так много нового. Это волновало и пугало. Но не больше, чем призрачное чудовище, выходящее перед ними и сверкающее алыми глазами. Мараг ощерился и ударил длинным хвостом по камням, которыми была вымощена площадка.

Мальчишки, а их было шестеро, замерли, настороженно следя за действиями духа. Да и не только за духом, но и за преподавателем, которому вверили их группу. Можно считать за честь попасть под кураторство одного из лучших стихийников Арда. Но приходилось смириться и со всеми страшными слухами, которые так щедро распространялись старшими курсами. Огненная ведьма, так звали шепотом единственную преподавательницу – женщину на боевом факультете.

– Говорят, что она бессмертна и родилась из пламени, – тихо прошептал кто-то из мальчишек на ухо своему товарищу. – А все томаринские разбойники ее слушаются. Потому как боятся.

– Да сказки все это, – пробормотал второй.

– Ага, сказки... Видишь шрам на виске? Он остался как напоминание о легендарной битве под Хатэйром. При второй попытке вердианцев вновь развязать войну. Огненная ведьма уничтожала их тысячами на границе королевства.

– Пряма-таки тысячами?

– Угу. За что и была награждена королем.

– Тише...

Шепот прервался, когда преподавательница остановилась перед ними, уперев кулаки в бока. Длинные волосы женщины были собраны в косу, действительно открывая взглядам первокурсников небольшой темный шрам на лбу у виска. Вовсе не изнывая от жары, она где-то бросила куртку, оставаясь в простой рубашке. Что вызывало зависть у подопечных, маявших в полной форме.

– Я Трин Рэйван, – зазвучал ее мелодичный голос, и неожиданная улыбка появилась на ее губах. – Преподаватель боевой магии группы огнетворцев. А также ваш куратор, нянька и самое страшное проклятие. Все, так сказать, зависит от вашего усердия.

Отблеск пламени на мгновение отразился в глазах Трин, и первокурсники принялись переминаться с ноги на ногу, в растерянности поглядывая на стихийницу.

– Думай. Чувствуй. Действуй, – твердо проговорила Трин, повторяя слова своего учителя, звучавшие когда-то для нее в первый день обучения. – Таков девиз вашего факультета. Это то, что каждый из вас должен повторять как молитву. Как самое первое заклинание. Выжечь в своем сердце, подобно рунам, которые нанесете на боевой тонука. Судьба привела вас сюда. И судьба благоволит храбрым. Но герой лишь тот, кто велик сердцем. Помните это и примите, как и ответственность за силу, что вложена в ваши руки. Ибо отвага без чести, что дикий зверь, сорвавшийся с цепи...

Стоя на смотровой площадке главного корпуса, они наблюдали за происходящим во дворе. Ветер здесь был отличным, не давал солнцу припекать. Трепал почти белоснежные волосы мужчин, опиравшихся на каменное ограждение.

– Она отлично справляется. А еще сомневалась.

– Твоя мать всегда отлично справляется, Райан, – довольно усмехнулся Кристиан, глядя на жену, поучавшую горстку студентов.

– Как тебе удалось заставить ее преподавать здесь?

– Сказал, что сердце шалит. А довериться в академии и некому. Напомнил, где оставил завещание...

– Ты солгал матери? – Райан поморщился, глядя на него. – Солгал, что помираешь, чтобы заставить

прийти сюда? Отец!

– Это проверенное средство, – невинно пожал плечами Кристиан. – Действует безотказно.

– Разве прадедушка не поступил с тобой так же?

– А разве он был не прав? – снова довольно улыбнулся Рэйван-старший. – Так что насчет моего прошлого вопроса? Ты обдумал его, Райан?

Сын тряхнул светлой головой, убирая с волос принесенный ветром листок. Взял его в руку и, улыбаясь краешком губ, наблюдал за тем, как листок истлел, становясь совсем черным.

– Решил ли я учиться в Арде? В этом унылом и скучном месте? – Глаза Райана наливались золотом, призывая силу, доставшуюся от матери. Черный рисунок на его руке сплетался с золотым, смешивая стихии и вынуждая листок вспыхнуть теплым огнем. – Уговорил...

– Тогда добро пожаловать в Ард!